

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Ральф Пфреффер

Наши друзья животные

Ральф Пфедфер

Наши друзья животные

Алма-Ата
Кайнар
1984

28.688
П 91
УДК 502.7

**Пфеффер Ральф. Наши друзья животные,
Алма-Ата: Кайнар, 1984.— 168 с.**

Автор - молодой ученый зоолог, увлекательно рассказывает о жизни зверей и птиц, обитающих в Зайлийском Алатау. Он сообщает познавательные сведения о повадках и особенностях поведения различных видов зверей и птиц.

Рассчитана на массового читателя.

28.688

П $\frac{2005000000-020}{403(05)-84}$ 84—83

Рецензент — Л. Г. Чернова, журналист

©Издательство «Кайнар», 1984

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей научно-популярная книга Ральфа Пфедфера «Наши друзья животные» — первая попытка молодого зоолога рассказать о своих впечатлениях. Еще студентом познакомился он с удивительной природой Заилийского Алатау на полевой практике в составе орнитологического отряда Института зоологии АН КазССР. И в дальнейшем, работая сначала в Алма-Атинском госзаповеднике, затем в Институте зоологии, он посвятил почти десять лет изучению экологии певчих птиц этого горного края. Не случайно герои рассказов Р. Пфедфера — разнообразные обитатели Заилийского Алатау.

Перелистывая страницы книги, читатель увидит заколдованные в лед суровые вершины и цветущие лесные полянки, синюю гладь озер и белую пену горных потоков, его оглушит рев селя и снежных лавин и поразит тишина высокогорья, но главное, он встретится с живыми существами, для которых эти горы — дом. Встретится и удивится, как прекрасен и многолик их мир, восхищется непобедимой жизнестойкостью зверей и птиц, будь то могучий беркут или крошечный крапивник, красавец-козерог или неприметная кутора. И вдруг поймет, как непрост их мир, мир, в котором царят беспощадные, но по-своему необходимые, справедливые законы.

Сам автор, принимаясь за работу над книгой, ставил перед собой цель попытаться сделать доступнее для каждого истинного любителя природы радость понимания многого из того, что обычно равнодушно пропускается. Это равнодушие незнания. Говорят, художники различают несколько десятков оттенков, например, красного цве-

та, и такая способность в десятки раз увеличивает богатство их восприятия. Точно так же человек, попавший в горы, для которого многочисленные пеночки, вьюрки, завирушки — просто маленькие птички, — почти слепой человек и пусть он об этом не догадывается, разве это уменьшает для него величину потери мироощущения? Ведь никто не станет оспаривать, что духовный мир любителя классической музыки, книголюба или спортивного болельщика богаче, чем человека, который не увлекается музыкой, книгой, спортом.

Одним из достоинств книги следует признать то, что автор сумел не в ущерб занимательности с научной достоверностью рассказать о самых разных животных, причем не только о крупных и ярких, бросающихся в глаза, но и о мелких и скромных, хотя не менее интересных. Цветные рисунки, которыми иллюстрирована книга, выполненные, кстати, автором с большой точностью, помогут читателю узнать в природе героев рассказов.

Книга адресована всем, кого не оставляют равнодушными свидания с природой, всем, кого интересуют жизнь животных и труд людей, посвятивших себя ее изучению.

*Э. ГАВРИЛОВ, доктор биологических наук,
заместитель директора
Института зоологии АН КазССР,
лауреат Государственной
премии Казахской ССР.*

Выбор сделан

Все началось со встречи с горными трясогузками. Одну из птиц я заметил планирующей на землю в позе, характерной для лесных коньков: хвост и крылья приподняты, ноги свободно болтаются. Раз за разом она с песней взлетала в воздух и планировала к одной и той же груде камней. Непрестанное пение и такие полеты мне до сих пор как-то не приходилось встречать у горных трясогузок, поэтому я решил немного понаблюдать. Происходило это на обширном галечнике, через который проложил свое русло говорливый ручеек с кристально чистой водой. Как мне известно, она оставалась такой даже в самые жаркие летние дни, когда большинство горных речек из-за интенсивного таяния ледников совершенно преобразается, превращаясь в бурные потоки с водой кофейного цвета. Этот же ручей питали многочисленные родники, и он выгодно отличался от своих собратьев.

В галечник сверху длинным узким языком вдавался участок еще не разрушенной эрозией почвы. Он казался зеленым мысом среди моря серых камней. Однако вода и ветер делали свое дело — старые стволы обрушившихся когда-то елей свидетельствовали о том, что почва отступала, обнажая корни и лишая опоры лесных великанов. Кое-где над обрывистыми краями земляного мыса нависали пласты дерна. Корни трав настолько прочно переплелись, что сумели удержать какое-то количество почвы, и в течение многих лет растения упорно цеплялись за жизнь и не уступали в уже казалось бы проигранной борьбе с эрозией.

Так вот, на самом кончике языка, уцелевшего среди камней леса под кроной последней ели, я решил устроить

наблюдательный пункт. Отсюда открывался великолепный обзор на галечник. Усевшись поудобнее, принялся наблюдать за трясогузками. Самец, которого я приметил утром, похоже, решил сделать все, чтобы меня как можно сильнее озадачить. Он прекратил свои полеты и начал с очень деловым видом разгуливать среди камней. Подолгу останавливался возле какой-нибудь ниши под валуном, иногда исчезал в ней на несколько минут, потом шел, потряхивая хвостиком и пудно цикая, дальше, вновь останавливался, опять шел, и так десятки, сотни раз. Сомнений не оставалось, я наблюдал выбор места для гнезда. И когда через добрых три часа самец трясогузки взял в клюв корешок, послонявшись с ним, наконец, остановился возле одной из ниш и после минутного раздумья положил его туда, я торжествовал: терпенье мое было вознаграждено! Однако второй корешок он то ли по рассеянности, то ли специально сунул под другой камень. Я как раз к этому времени заканчивал описание места расположения гнезда в своем дневнике и даже успел дать ему номер. Пока пытался объяснить странное поведение трясогузки, она успела отнести травинку в третье место.

В следующие полчаса трясогузка относила травинки и корешки еще по несколько раз в каждое из трех облюбованных мест. Причем все это делал самец. Время от времени он поглядывал на самку, однако попытки заразить ее трудовым энтузиазмом были напрасными. Она с наслаждением поглощала каких-то козявок, собирая их тут же на мокрых камнях по берегам ручейка и, похоже, находила это занятие куда более приятным. Вот так из-за несоответствия настроений у пары горных трясогузок я потратил уйму времени, а уверенности в том, что хоть одно из трех начатых гнезд будет завершено, не было.

Разочаровавшись в трясогузках, я наконец обратил внимание на крапивника, который все утро вертелся рядом. Его громкая звучная песенка раздавалась то из

ветвей ели, то из кустов жимолости, то с галечника. Вот и сейчас он устроился на небольшом камне в трех метрах от меня и с темпераментом, присущим всем крапивникам, принялся распевать. От избытка чувств он пританцовывал на месте, приседал, кланялся, подергивал задорно торчащим хвостиком и крылышками. Ужимки и малюсенький рост певца как-то не соответствовали прекрасной песне. Но, признаться, на меня гораздо большее впечатление чем песня произвел... клочок белого пуха. Он торчал из клюва крапивника, по-видимому совершенно не мешая ему музицировать. Этот белый шарик в клюве мог означать только одно: крапивник строил гнездо.

Посчитав, очевидно, что я уже достаточно восхищен его искусством, малыш умолк, затем жизнерадостно «тиркнул» и, юркнув едва ли не под ноги мне, скрылся под нависающим над обрывом дерном. Спустя минуту он выпорхнул оттуда уже без пуха и шмыгнул в щель меж камней. То выныривая на поверхность, то надолго скрываясь в лабиринтах пустот в горах валунов, он быстро продвигался вперед с уверенностью, которой могла бы позавидовать ящерица. Подождав, пока крапивник удалится на достаточное расстояние, я спустился с обрывчика и принялся за поиски гнезда.

Забираясь под дерновину, я попытался отодвинуть ее и случайно наткнулся рукой на гнездо. Оно было шаровидной формы с входом в верхней части. Искусно вплетенное в корни трав, совершенно терялось на их фоне. Вот так малыш! Его гнездо могло бы послужить образцом маскировки: кому придет в голову искать его в куске нависающего над обрывом дерна, с внутренней стороны. Да и добраться до него очень сложно. Я просунул палец в лоток. Внутренняя поверхность жилища крапивника была идеально гладкой с упругими и не слишком мягкими стенками. Только на дне лотка имелось немного мягкой выстилки. Как и предполагал, яиц еще не было.

В это время слышалось приближающееся «тир-

канье» хозяина гнезда, и я поспешил вернуться на старое место. Крапивник опять принес белый пух, он собирал его, кажется, на ломоносе, который густо оплетал кусты жимолости. И вдруг, откуда ни возьмись, появился еще один крапивник. Он был, пожалуй, поменьше, более тусклой расцветки, скорее всего, это — самочка. Впрочем, стоило взглянуть на самца, чтобы убедиться, что действительно прилетела самка. Он выронил пух и что есть мочи запел, вытянувшись на лапках и высоко подняв голову. Потом, прервав песню на середине, словно захлебнувшись от восторга, полетел к гнезду, всем своим видом приглашая подругу следовать за ним. Оба скрылись под дерновиной с гнездом и несколько минут оттуда доносилось оживленное «тирканье». Затем они, сначала самка, потом самец, появились снова.

Мне показалось, что подруге крапивника не понравилось гнездо, уж очень недовольный был у нее вид. Самец пытался спасти положение, что-то торопливо объяснял.

И в конце концов самка полетела за ним, и они опустились на ствол ели, лежащей метрах в тридцати. Ель рухнула, очевидно, не слишком давно. На ее ветвях еще кое-где сохранилась пожелтевшая хвоя. Крапивники «пешком» по стволу двигались к основанию дерева, туда, где в переплетении обнаженных корней чернела вывороченная земля. Поначалу я и не заметил, куда подевалась одна из птиц, потом их снова стало две, затем одна. В бинокль мне удалось заметить, что птицы поочередно исчезают в малюсеньком отверстии в верхней части выворотня. Не слишком удивило, что у крапивника оказалось второе гнездо, вероятно у него неподалеку было припрятано еще два-три жилища, а для западно-европейского подвида установлено, что самец может строить до двенадцати гнезд. Более того, они не прочь обзавестись второй, а то и третьей самочкой. За тяньшанским крапивником такого пока не замечали, хотя, спрашивается, зачем примерному семьянину столько квартир? Итак, на этот раз гнездо самке, похоже, понравилось. Возможно, самец, показав два гнезда, осуществил тонкий тактический ход: на фоне недостатков одного, особенно выигрывали преимущества другого. Но так или иначе, спустя несколько минут обе птицы занялись благоустройством гнезда.

Тем временем солнце миновало зенит, нужно было возвращаться в лагерь. Когда я уходил, у крапивников вовсю кипела работа и лишь самец изредка отвлекался, чтобы исполнить свою песню.

Квартирный вопрос

Уже в начале апреля стало ясно, что назревает конфликт. Ведь надо же такому случиться, чтобы в трех рядом растущих яблонях было по великолепному дуплу, а на четвертой, тоже рядом, висел синичник. Еще в

прошлом году я знал, что это место очень привлекательно для синиц: в одном из дупел пара больших синиц дважды вывела потомство, мне удалось их тогда окольцевать и пометить цветными метками. Но когда ранней весной, кроме старых знакомых, я увидел еще одну пару, которая регулярно осматривала одно за другим все дупла и даже не обходила вниманием мой синичник, стало ясно, что конфликта не избежать.

Так оно и вышло. Чем теплее пригревало солнце, тем громче раздавались песни конкурирующих самцов. Наверное, если бы можно было понять слова этих песен, выяснилось бы, что они далеко не лирического содержания. А вскоре от слов, так сказать, перешли и к делу. Драка следовала за дракой, время шло, а квартирный вопрос все еще оставался открытым. Вернее, спор шел не за квартиры, а за приусадебные участки. На таком участке — орнитологи называют его гнездовым — никакая уважающая себя большая синица не потерпит присутствия другой большой синицы. К более далеким родственникам — московкам, гаичкам, князькам — относится терпимее, но тоже может иногда погонять. Прочие же соседи — горихвостки, завирушки, славки — могут без всякого риска для себя залетать на территорию гнездового участка большой синицы, кормиться там и даже устраивать свои гнезда.

Так вот, в самый разгар междоусобицы появилась еще одна пара, правда, другого вида синиц — князьков. Они раза в полтора меньше, поэтому ввязываться в склоку не имело никакого смысла. Князьки так и рассудили и

без долгих колебаний начали строить гнездо. Самка прилежно носила шерсть, самец неотступно следовал за ней. При этом князьки держались так тихо и незаметно, что большие синицы, занятые выяснением отношений, не обращали на них никакого внимания. И вот уже в дупле, облюбованном князьками, появилось первое яйцо, затем второе, третье... Как раз в этот момент большие синицы договорились, наконец, о границе между участками. Она прошла между двумя дуплистыми яблонями и отныне свято соблюдалась. Теперь надо немного отдышаться, оглядеться и приниматься за строительство гнезда.

Можно представить себе негодование одной из пар, когда вдруг выяснилось, что дупло, из-за которого пришлось столько выстрадать, уже занято. Расправа была короткой. Несчастных князьков вышвырнули, а у новенького гнезда появился другой хозяин. Уже на следующий день к трем яичкам князьков, которые так и остались в гнезде, добавилось четвертое, тоже белое с красно-бурыми крапинками, но побольше. Затем в течение еще восьми дней ежедневно прибавлялось по одному яйцу, пока их не стало двенадцать. Решив, что хватит, самка принялась за насиживание.

Другая пара больших синиц, к моему удивлению, начала строить гнездо в явно худшем из двух дупел, что имелись в их распоряжении на отвоеванном участке. Вход в дупло был у самой земли, а оно располагалось в основании ствола яблони и уходило ниже уровня земли. Впрочем, вскоре выяснилось, что выбор этого худшего дупла был сделан не добровольно. Однажды, заглянув в другое, более комфортабельное, я услышал щелканье клюва и рассмотрел яростно взъерошившую перья совкусплюшку. На дне дупла прямо на древесной трухе белели три крупных яйца.

Ну, а князьки --- они не долго горевали и быстро выстроили новое гнездо в синичнике. Теперь каждая «квартира» обрела своего хозяина и воцарился относи-

тельный покой. Самки терпеливо насиживали, а самцы прилежно носили корм. Обычно, покормив, самец большой синицы взлетал на макушку дерева, чтобы исполнить свою песню. Тут же как из-под земли появлялся самец другой большой синицы, тоже пел песню, затем, обменявшись враждебными взглядами, они разлетались в противоположные стороны. Правда, иногда им под горячую руку попадался князек и тогда какая-нибудь из больших синиц пыталась выместить на нем досаду, но тот обычно ловко уходил от преследования, пересекая невидимую границу соперников, а она, как я уже говорил, свято соблюдалась.

Я с нетерпением ожидал появления птенцов. Ведь в одном из гнезд большой синицы должны были вылупиться и три птенца князьков. Как-то отнесутся к приемышам новые родители? И вот во всех четырех гнездах, где раньше, где позже, появились птенцы. Для родителей настала горячая пора. Днем синицы, ночью сплюшки трудились, что называется, не покладая рук. Даже для песни не всегда удавалось выкроить время. Поначалу, пока птенцы не были оперены, судьба трех маленьких князьков почти не вызывала у меня тревоги. Им мог угрожать только голод, так как более крупные птенцы большой синицы могли перехватывать весь корм. Но и этого не произошло, князьки развивались нормально.

Зато когда птенцы оперились, разница между белоголубыми князьками и желто-черно-зелеными большими синицами стала явной. На случай, если большие синицы перестали бы кормить, или, хуже того, попытались бы убить или выбросить из гнезда приемышей, у меня был запасной вариант — их можно было бы попытаться поселить в синичник к настоящим родителям, которые к тому времени кормили шестерых птенцов. Однако мои опасения оказались напрасными. Все двенадцать птенцов благополучно вылетели, и большие синицы, ничуть не смущаясь очевидной разницей между приемышами и род-

ными детьми, кормили и тех и других с одинаковым усердием.

Потешно было наблюдать, как подросшие птенцы гурьбой бросались навстречу прилетевшей с кормом взрослой птице, требуя, чтобы именно ему был вручен лакомый кусочек, и шустрые князьки зачастую были удачливее более крупных птенцов большой синицы. Через несколько дней вылетели птенцы из другого гнезда большой синицы, затем у князьков и, наконец, у сплюшки. Шумными ватагами разлетелись они по окрестным склонам, и уже ничто не напоминало о захватывающих сценах, разыгравшихся на четырех яблонях, на площади, не более пятнадцати квадратных метров.

Балобаны

Эту поездку мы с товарищем запланировали почти год назад. Тогда мы отправлялись на поиски гнезд балобанов за две сотни километров, где отроги Тянь-Шаня встречаются с пустыней. Было это в начале июня и... мы опоздали. Соколов видели, и даже много, но птенцы уже покинули гнезда и держались в воздухе так уверенно, что их легко было спутать со взрослыми птицами. Вот мы и решили приехать в эти суровые места через год, в мае, дней на двадцать раньше.

Выехали ночью, чтобы прибыть на место на рассвете. Асфальтированная дорога вилась вдоль гор, которые

черной зубчатой стеной высились на фоне звездного неба. Лучи фар то и дело выхватывали из темноты перебежавших дорогу ушастых ежей, хорьков, а один раз даже лису. Она неспешно сошла на обочину и выжидающе уставилась горящими глазами на приближающуюся машину, не обнаруживая особого испуга. Скорее всего и ежей, и хорьков, и лис привлекли на асфальт птицы, сбитые днем машинами.

На одном горящем фонаре на краю какой-то деревеньки мы заметили еще одного ночного охотника. Какая-то птица камнем упала на освещенный круг земли, что-то схватила, взмыла вверх и села на плафон. Мне показалось, что это сизоворонка. Остановив машину, мы решили понаблюдать за птицей. Рассмотреть ее было очень трудно — над плафоном возвышался лишь неясный силуэт. Но вот под фонарем появился жук. Тяжело гудя, он раз за разом бился о стекло, отбрасывая на землю, мечущуюся черной птицей тень. Очередной удар — и жук упал на асфальт, оказавшись на спине, беспомощно задергал лапками. И тут же вниз скользнула ночная птица. Ею действительно оказалась сизоворонка. Ловко схватив добычу, она опять вернулась на наблюдательный пункт. Я посмотрел на часы: было около трех часов ночи — поздновато для сугубо дневной птицы!

Сизоворонке нельзя было отказать в сообразительности, но оказалось, что не одна она сумела верно оценить все выгоды охоты под фонарем. Когда еще один жук упал на асфальт, из темноты выкатился ушастый еж и прямо на месте, смачно хрустя челюстями, расправился с насекомым. К следующей жертве раньше успела птица, хотя и ежик пытался не упустить своего.

К рассвету мы уже приближались к цели нашей поездки. Горы стали заметно ниже и из-за лоха, которым была обсажена дорога, торчали только отдельные зубцы. Наконец-то посвежел воздух, но по всему чувствовалось, что прохлада продержится недолго и предстоит знойный

день. Дорога становилась все более пустынной, исчезли посадки лоха, а вместе с ними и чудесный аромат цветущих деревьев. Мы свернули на грунтовую дорогу и поехали на север. Щебнистая пустыня вокруг с ее скудной блеклой растительностью казалась совершенно безжизненной. Однако, внимательно приглядевшись, можно было заметить многочисленные норы песчанок, а когда совсем рассветло, мы увидели и самих зверьков, то и дело перебегавших от одной норы к другой. Казалось просто невероятным, что жалкие былинки, трепещущие под утренним ветерком, способны обеспечить пищей полчища грызунов.

За одним из поворотов состоялась первая встреча, интересная и неожиданная. Мы увидели крупную бурую птицу, распластавшуюся за чахлым кустиком тамариска. Заметив машину, она быстро поднялась и оказалась крупным степным орлом. Мне не раз приходилось слышать и читать, что эти орлы часто караулят добычу, затаившись у нор, а иногда даже подползают к зверькам попластунски, но вообразить себе эту сцену я почему-то не мог. И вот наконец посчастливилось воочию наблюдать хищника за этим занятием. Подпустив нас совсем близко, степной орел взмахнул крыльями, тяжело поднялся в воздух и полетел низко над землей параллельным с машиной курсом. Широкие крылья, относительно короткий хвост, втянутая в плечи голова, какое-то неряшливо-пестрое оперение тела — все это не произвело на меня того впечатления, которое можно было ожидать от встречи с орлом.

Старая зимовка, прилепившаяся у входа в ущелье, была конечным пунктом нашего путешествия на колесах. Мы поставили машину в загон для скота, вспугнув кормившихся там кекликов и сизых голубей, и дальше уже пешком отправились на поиски гнезд балобанов.

По описаниям я знал, что эти соколы любят устраивать гнезда на скалистых горных склонах, обращенных в доли-

ну, поэтому сначала было решено, двигаясь вдоль подножия, осмотреть все подходящие скалы. Еще подъезжая к зимовке, я заметил в нескольких местах на темных скалах белые подтеки помета хищных птиц. Такие отметины обычно остаются под гнездами или на постоянных присадах, на которых хищники отдыхают или высматривают добычу. На первой же скале мы нашли подходящую нишу, в которой, возможно, когда-то и было гнездо балобана, но в этом году оно пустовало. На земле под нишей я обнаружил несколько погадок и старое выцветшее перо из хвоста сокола.

Первая неудача нас не разочаровала, наоборот, появилось предчувствие, что нам вот-вот повезет. Однако мы осмотрели на протяжении нескольких километров немало скал, едва ли не на каждой находили старые гнезда, удобные ниши, различные следы пребывания балобанов, но и только. Правда, несколько раз нам казалось, что поиски увенчались успехом. Сначала, когда я карабкался почти по отвесной скале и до цели оставалось не более полуметра, слышалось хлопанье крыльев и из отверстия выскочила хищная птица, быстро промелькнув надо мной, мгновенно скрылась. Вернее, она оказалась у меня за спиной и я не мог за ней следить, так как все внимание было направлено на то, чтобы удержаться на скале. Поэтому единственное, что успел запечатлеть — это голова хищника, черные глаза и темные «усы» под ними. Но и этого было достаточно: именно эти признаки отличают большинство наших соколов от прочих хищных птиц. Сердце бешено заколотилось, и я, рискуя сорваться, устремился вверх, но тут же услышал невозмутимый голос товарища, которому, надо сказать, вообще редко изменяет спокойствие: «Спускайся, вылетела пустельга, я успел хорошо ее рассмотреть».

В другой раз мне показалось, что на крутом склоне что-то шевельнулось. Я поднял бинокль и вдруг ясно увидел крюконосую голову хищника, сидящего в гнезде.

Оно было сложено из сухих сучьев и располагалось не на скале, а прямо на склоне, на небольшом уступчике. Птица тревожно вертела головой, а когда мы подошли ближе, встала на ноги. Показалась палевая спина, светлая грудь без пестрин. Все это мало походило на балобана, но главное — осанка: в ней не было ничего соколиного. Словно для того, чтобы разрешить наши последние сомнения, птица взмахнула длинными широкими крыльями и плавно поплыла над склоном. «Канюк-курганник», — все так же спокойно констатировал мой спутник и, заметив мое огорчение, пошутил: если бы, мол, ту пустельгу да увеличить до размеров этого канюка, мог бы получитьсь вполне приличный балобан.

Вскоре после гнезда курганника мы наткнулись на гнездо ворона, которое видели еще в прошлом году. Оно было пустым, но, судя по свежему помету, птицы покинули его недавно, очевидно после вылета птенцов. Оно было устроено в нише отвесной скалы и казалось недоступным. На земле под гнездом валялась груда черепаших панцирей, от самых маленьких, не больше спичечного коробка, до довольно значительных, величиной с блюдечко. Все они были с трещинами, проломами, а то и вовсе разбиты на куски. Конечно, ворон — крупная и сильная птица, с мощным клювом; но не могу себе представить, чтобы он мог расклевать панцирь десяти-тринадцатилетних черепах, а ведь мы обнаружили немало именно таких, хотя преобладали панцири четырех-пятiletних. К сожалению, мне ни разу не довелось видеть, как ворон управляет с черепахами. Известно, что у самых маленьких он вырывает голову, вытаскивает внутренности, но оставляет нетронутыми лапы. Но проделать такое с крупной черепахой не под силу и человеку. Быть может они, наподобие орлов, поднимают добычу высоко в воздух и бросают на землю. Не исключено, конечно, что вороны подбирают черепах, уже расколотых орлами, или находят их на дорогах раздавленных машинами.

Я решил забраться в гнездо в надежде найти и в нем что-нибудь интересное. После нескольких неудачных попыток мне, в конце концов, удалось дотянуться до его края и заглянуть в лоток. Прямо в центре гнезда лежала, свернувшись, еще совершенно свежая змея. Я протянул руку, намереваясь взять ее и определить вид, но змея вдруг зашевелилась, зашипела и поползла к моему лицу. В нескольких сантиметрах от своего носа я увидел тускло мерцающие глаза с узкими, вертикальными зрачками и узнал щитомордника. Скользнув меж сучьев, он скрылся в глубине грубой постройки воронов. Радуюсь, что отделался только испугом, я начал поспешно спускаться вниз, начисто забыв о своем первоначальном намерении хорошо осмотреть гнездо.

Там, где горная гряда плавно переходила в равнину, на одной из последних скал мы нашли еще одно гнездо. В бинокль я увидел нескольких пуховых птенцов, которые копошились в лотке. Взрослых птиц не было видно, поэтому определить, чьи это птенцы, можно было, только поднявшись к гнезду. Почему-то подумал, что и на этот раз мы имеем дело не с балобанами. Так оно и оказалось. У трех птенцов в дымчатом пуху (только голову и внутренние поверхности крыльев покрывал белый пух) были желтые лапы и восковины. Лоток гнезда птицы выстлали всяким хламом — обрывками газет, тряпок и веревок, они притащили даже кости, куски шкуры и рог джейрана.

В передней стенке громоздкого сооружения хищников повсюду виднелись гнезда воробьев, в которых пищали птенцы. Под защитой крупного хищника нахальные птицы создали свою маленькую, но, судя по всему, процветающую колонию. Когда я уже начал спускаться, появился взрослый канюк-курганник. С протяжными криками «вяуу» он кружил надо мной, не рискуя, однако, подлететь близко.

Тем временем солнце поднялось уже в зенит, и с каждой минутой становилось все жарче. Не приносил облег-

чения и сильный ветер, гнавший из пустыни раскаленный воздух. Изрядно выбившись из сил, мы присели отдохнуть. Только теперь нас осенило, что гораздо разумнее было бы, выбравшись на место с хорошим обзором, понаблюдать за балобанами. Ведь сейчас, когда у них большие птенцы, они должны регулярно летать с добычей к гнезду. В качестве наблюдательного пункта мы облюбовали вершину отдельно стоящей сопки.

Немного осмотревшись, я с удивлением обнаружил, что, несмотря на пекло, жизнь кругом кипит. Одновременно в нескольких местах кричали удода, с громким чириканьем проносились стайки каменных воробьев, сновали с кормом каменки-плешанки, почти вплотную к нам подошли, разыскивая корм, доверчивые скалистые овсянки, изредка звучала песня пестрого каменного дрозда.

Осмотрев в бинокль соседние склоны, мы заметили и животных покрупнее — облезлого сурка и трех самок тэков, у которых вот-вот должны были появиться козлята.

Как раз в то время как мы обсуждали, что заставило этих зверей променять благодатные альпийские луга на эти обожженные солнцем и пышущие жаром холмы, из-за гребня появилась стремительно приближающаяся к нам птица, в которой мы с радостью узнали балобана. Он промчался над нами на север, в сторону пустыни. Рассудив, что на ровной, как стол, равнине гнезда быть не может и, скорее всего, сокол полетел туда на охоту, мы пришли к выводу, что нам необходимо до возвращения птицы с добычей добраться до гребня, из-за которого она появилась, и там ждать ее, чтобы проследить, куда она полетит дальше.

Наши расчеты полностью подтвердились. Не прошло и часа, как мы снова увидели балобана. На этот раз он тяжело летел над самой землей и несколько раз присаживался отдохнуть, прежде чем перевалил через гребень. К нашему огорчению, он, не меняя курса, летел все дальше на юг и, наконец, скрылся за следующим гребнем.

Не оставалось ничего другого, как последовать за птицей. Добравшись до того места, где скрылся сокол, мы опять приготовились ждать.

На этот раз нам пришлось просидеть более двух часов, правда, ожидание нам скрасил слеток филина, которого мы вспугнули почти у самой седловины. Он взлетел на небольшую скалу и там устроил для нас настоящее представление. Переминаясь с ноги на ногу, он щелкал клювом, подымал перья, таращил глаза, одним словом, «пугал» нас всеми известными ему способами.

Балобан появился внезапно. Со свистом рассекая воздух, он пронесся низко над нами и, оставив без внимания филина, умчался на север. Меня это удивило. До сих пор я находил лишь одно гнездо балобанов — в нише грандиозного обрыва юго-западного чинка Устюрта. Сокола не терпели возле своего гнезда никаких хищных птиц. Дважды я наблюдал, как они изгоняли хищников, рискнувших подлететь слишком близко к запретному месту, несмотря на то, что они в несколько раз превосходили балобанов по величине. Особенно досталось стервятнику. После каждого удара сокол выбивал из него клочок белых перьев, а бедный падальщик, даже не пытаясь увернуться, прилагал все усилия, чтобы как можно быстрее убраться восвояси.

В другой раз балобан атаковал какого-то орла. Тот сразу обратился в бегство, но при каждой попытке сокола нанести удар, ловко переворачивался в воздухе на спину и выбрасывал ему навстречу лапы, вооруженные когтями. Поэтому безразличие балобана к филину могло означать только то, что до гнезда еще не близко, что оно дальше в горах. А это противоречило привычным представлениям о местах гнездования этих птиц. И тем не менее, именно так оно и оказалось.

Мы миновали еще два гребня, прежде чем наткнулись на скалу, в нише которой поселились балобаны. Первым заметил гнездо мой товарищ. Будничным голосом он

сообщил, что видит гнездо с четырьмя птенцами. До меня сразу даже не дошел смысл его слов. Ведь мы проделали двести километров дороги, почти весь день карабкались по крутым склонам под лучами немилосердно палящего солнца — и все это ради этой минуты! Я бросился к товарищу, который был выше по склону: гнездо можно было увидеть только оттуда. Оказывается, и в этом году мы едва не опоздали. На выступе скалы сидели четыре очень темных, словно вороненных птенца. Они на первый взгляд ничем не отличались от взрослых птиц и, казалось, в любую минуту могли разлететься. Однако приглядевшись получше, я рассмотрел остатки белого пуха на голове и тогда стало заметно, что крылья и хвосты еще не достигли полной длины.

Взрослые птицы при нашем приближении молча взлетели. Самка села на скалу в сотне метров от нас, а самец кружил в воздухе над гнездом. Скала благодаря многочисленным трещинам, выступам, неровностям оказалась легко доступной и я без особого труда добрался до гнезда. Теперь я имел возможность как следует его рассмотреть. Сначала мне показалось, что птенцы сидят на голом камне, покрытом толстым слоем помета. И в этом не было ничего удивительного, ведь балобаны, как правило, сами не строят гнезд. Но оказалось, что первое впечатление было неверным. Кое-где из толщи помета торчали концы сучьев. Очевидно когда-то, много лет тому назад, на уступе скалы построили себе гнездо или вороны, или коршуны, или канюки-курганники, а затем либо бросили его, либо были изгнаны соколами.

Трудно сказать, сколько раз вывели в нем свое потомство балобаны, возможно, его занимали, сменяясь, разные пары соколов, так или иначе это должно было случиться не раз и не два, прежде чем помет птиц заполнил все щели и промежутки между ветками гнезда, сцементировав их в одно целое. На белой, словно выбеленной площадке были разбросаны кости, лапки, хвосты и лоскуты шкуры песчанок, перья птиц и еще не тронутая каменка-плясунья с вырванным хвостом и раной на спине.

Птенцы прореагировали на мое появление удивительно спокойно. Задрав головы, они следили за каждым моим движением. Один из них, с большой головой и массивным клювом тряся, будто в ознобе, а самый крупный, красивый соколенок приоткрыл клюв и угрожающе шипел. Но ни один из них не опрокидывался на спину и не делал выпадов когтистыми лапами, как это обычно практикуют птенцы хищных птиц. Также безропотно позволили молодые балобаны себя обмерить, взвесить и окольцевать. В глубине ниши я заметил грязное яйцо. Собрав в мешочек пищевые остатки, я захватил яйцо: необходимо было выяснить, почему из него не вылупился птенец, было ли оно «болтуном», то есть неоплодотворенным.

На этом работа с гнездом не закончилась. Пока мой товарищ фотографировал ущелье, скалу с гнездом, птенцов, я у подножия скалы собирал погадки — переваренные остатки пищи, которые хищные птицы отрыгивают в виде плотного шарика. По костям, перьям, шерсти, содержащимся в этих погадках, в дальнейшем можно будет узнать, чем питались соколы. Здесь же валялись крупные кости животных, которых родители приносили птенцам. Среди них оказалось немало принадлежащих птицам — пестрым каменным дроздам, сизым голубям, кекликам. Очевидно, что балобаны не ограничивались только ловлей грызунов, а, как и подобает настоящим соколам, били и птиц, причем среди них таких великолепных летунов как голуби.

Цель поездки была достигнута, нам удалось найти гнездо редкой птицы, но радовало и другое: в суровых, на первый взгляд, безжизненных горах, опаленных жарким солнцем, овеянных ураганными ветрами, мы вдруг обнаружили удивительное богатство жизни. Джейраны и тэки, песчанки и сурки, жаворонки и кеклики — такие невероятные сочетания горных и пустынных жителей родились там, где последние сопки Небесных гор встретились с пустыней.

Верность гнезду

Попытка сократить путь привела к тому, что я немного заблудился, вернее, сбился с тропы. Я не потерял ориентацию и не сомневался, что рано или поздно выйду на дорогу. Тропинка, на которую я свернул, уткнулась в каменистую осыпь и наверняка продолжалась где-то, по другую ее сторону, но я, очевидно, прошел ниже, а подниматься вверх по крутому склону и искать ее, поленился. Ведь я знал, что двигаясь вдоль реки, неминуемо выйду к пересечению ее с дорогой. Туда же, к мосту, должна была привести и тропа.

Итак, я пошел прямо на шум реки. Спуск постепенно становился все круче, потянуло сыростью и прохладой, камни и корни елей скрылись под темно-зеленым ковром мха. Впереди меж деревьев показался противоположный склон. Хотя склон, конечно, не то слово: перед моими глазами предстала грандиозная скала, которая отвесно на несколько десятков метров поднималась со дна ущелья. С приятным удивлением обнаружил полное отсутствие надписей и автографов «любителей» природы, что для приметных мест этого хорошо обжитого ущелья совершенно не характерно. Уже ощущалась водяная пыль, поднимавшаяся от ревущей реки, а дна ущелья все не было видно.

Наконец отступили последние ели, и я оказался на наклонной скале. Осторожно ступая по влажному камню, медленно продвигался вперед. До противоположной стены оставалось каких-нибудь пять метров, даже, пожалуй, меньше, когда я достиг края скального выступа и заглянул вниз. И в тот же миг раздался пронзительный, резкий свист,— навстречу метнулась крупная темная птица и, едва не задев крыльями, пронеслась мимо и исчезла у меня за спиной. От неожиданности я едва не свалился вниз, но все же успел сообразить, что это — синяя птица. Услышав ее голос хотя бы раз, не сможешь ни забыть, ни спутать его с другими. Да и обстановка вполне соответствовала той, что в моем воображении неразрывно связана с легендарной птицей. Внизу, среди нагромождения скальных обломков, которыми было завалено дно ущелья и русло, бесновался поток. Кипящая белая пена скрывала воду. Слабый ветерок относил клубящуюся водяную пыль, которая, вырываясь из сумрака теснины на солнце, вспыхивала волшебными радугами.

Среди этого жуткого великолепия я вдруг увидел горную трясогузку. Подергивая хвостиком, она не спеша семенила по мокрому валуну. Когда пенистая волна хищно накатывалась на камень, грозя проглотить птицу, та ловко отскакивала в сторону и тут же устремлялась вслед за схлынувшей водой, склевывая что-то со слизистой поверхности камня. И все это так буднично, так деловито! Умерил свой восторг и я, и принялся осматривать утес, который вздымался напротив. Хотелось отыскать гнездо синей птицы. Я не сомневался, что оно где-то есть, и действительно, вскоре его обнаружил совсем рядом в нише скалы примерно в двух с половиной метрах от воды. Оно было настолько ниже той точки, с которой я его заметил, что, как на ладони, открывалось его содержимое.

В глубоком лотке лежало три светлых, как показалось, голубоватых яйца. Надо было спешить, чтобы дать воз-

возможность самке вернуться на гнездо. В нескольких десятках метров от гнезда вниз по течению реки мне удалось спуститься к берегу. Оглянувшись назад, я увидел теснину со стороны. Как и предполагал, синие птицы выбрали для устройства гнезда самый узкий участок ущелья. Две скалы по берегам реки, почти смыкаясь над потоком, образовали как бы арку. Гнездо было совершенно недоступным. Даже сверху по веревке до него нельзя было добраться, так как нижняя треть скалы имела довольно значительный отрицательный угол. Само гнездо — довольно массивное сооружение из мха и корешков — каким-то чудом удерживалось в небольшой нише и было насквозь мокрым от водяной пыли.

Довольно скоро появилась и самка синей птицы. Она присела на камень и ее оперение в ярких лучах солнца засверкало удивительным лиловым блеском, гораздо более соответствуя второму, менее распространенному ее названию — «лиловый дрозд». Упруго приседая на крепких ногах, синяя птица то распускала свой фиолетовый хвост, то снова складывала его, настороженно поглядывая в мою сторону. Прилетел и самец. Он устроился на карнизике скалы выше гнезда и запел. Не понимаю людей, восхищающихся пением синей птицы. Нельзя не удивляться силе ее голоса, прекрасному тембру, но сама песня, состоящая из бессистемного набора свистов разной высоты тона, не производит приятного впечатления. Появление самца придало, очевидно, самке смелости и она полетела на гнездо.

Дорога и мост через реку неожиданно оказались совсем близко от гнезда синих птиц, примерно в трехстах-четырехстах метрах. Правда прежде чем выбраться из

ущелья, мне пришлось преодолеть еще одно препятствие: недалеко от его устья отвесные скалы вплотную подступали к воде, но дно реки в этом месте оказалось широким и ровным и я миновал «прижим» по воде, едва достававшей до колен.

С тех пор прошло более десяти лет. Каждый год я хожу проводить синих птиц. С удивительным постоянством они придерживаются этого мрачного ущелья и занимают одно и то же гнездо, лишь слегка надстраивая его. Два раза за эти годы ущелье сильно меняло свой облик. И оба раза эти перемены были связаны с селями.

Первый, небольшой сель сошел в августе, когда синие птицы уже отгнездились. Несмотря на то, что было разрушено несколько мостов и кое-где залита дорога, я не думал, что гнездо синей птицы пострадало. Весной следующего года я специально посетил тесное ущелье, облюбованное лиловыми дроздами, чтобы узнать, загнездились ли они и в этом году в нише скалы над порогами, как в последние шесть лет.

Уже издалека, едва из-за поворота ущелья появилась теснина, я увидел, как все разительно переменялось. И дело не только в том, что скалы до высоты четырех-пяти метров были вымазаны сухой глиной, оставшейся после селя. Само ущелье, а точнее русло реки, опустилось на добрых два метра. Обычно сель загромождает свой путь огромными валунами, бревнами, галькой и песком. Однако здесь произошло обратное. Грязе-каменный поток начисто вымел валуны и скальные обломки, обнажив старое дно, хорошо отполированное водой. Оказалось, что самое узкое место ущелья — теснина, где свили гнездо синие птицы, это просто гигантский желоб, который в цельной скале проточила вода. Там, где в прошлые годы бушевал поток, сейчас, тихо журча, вода струилась по гладкому каменному ложу. Ни рева, ни пены. А вот гнездо оказалось на месте! Правда, судя по грязи на скале, уровень селя оказался выше гнездовой ниши. Это

означало, что гнездо все-таки было смыто в прошлом году, а то, которое я увидел, синие птицы построили уже в этом, оставшись верными старому месту.

Взобравшись на уступ скалы на противоположной стороне, я увидел в гнезде четырех птенцов в пеньках. Заметив движение, несмышленыши потянулись вверх большеклювыми головами, вытянув тонкие, голые шеи. Шум воды был настолько незначителен, что я расслышал звон их мелодичных голосов.

Прошло всего два года и по ущелью прокатился новый сель. Грозный сель. Мне посчастливилось наблюдать его именно в районе гнезда синей птицы. Грязекаменные валы шли один за другим с интервалом примерно в минуту в течение многих часов. О приближении очередного вала можно было догадаться по звуку. Словно это двигался тяжелый железнодорожный состав, только в десятки раз мощнее. Звук зарождался вдали и, нарастая, катился с огромной скоростью. Вот из-за поворота ущелья появилась десятиметровая волна землистого цвета и с невероятной быстротой помчалась вперед. По мере приближения скала, на которой я находился, сотрясалась все сильнее. Гонимая грязевым валом воздушная волна с острым запахом жидкой грязи гнула кусты, вырывала траву, сметала гальку и песок. Словно айсберги, плыли в потоке огромные глыбы скал. Стволы вековых елей с обломанными ветвями и начисто ободранной корой как сказочные чудовища или древние ящеры то выныривали на поверхность потока, то вновь исчезали в его глубине. Налетев на препятствие, они выпрыгивали, будто расшалившиеся дельфины, ломались как спички, ударяясь о скалистые стены ущелья.

Прямо напротив меня русло реки круто изгибалось. Грязевой вал, прежде чем изменить направление, ударялся о скалу и взвивался чуть ли не до самой вершины. Полностью забрызганная грязью скала после первого натиска жидкой фракции селя бомбардировалась «тяже-

лой артиллерией». Это — скальные обломки, которые двигались чуть медленнее, и с ужасающим грохотом врезались в утес. В воздух поднимались густые облака белого дыма, а в момент столкновения вспыхивали искры, пронизывающие его, словно молния грозовую тучу. Утес вздрагивал, а скальные обломки разлетались на десятки кусков, каждый из которых величиной с добрый автомобиль.

Но постепенно рев шел на убыль, движение селя замедлилось, а спустя несколько секунд он и вовсе остановился. И стало удивительно, неправдоподобно тихо. Слышалось только журчание маленького ручейка — бокового притока. Масса селя настолько густа, что чистая вода, прежде чем смешаться, растекалась по его поверхности небольшой лужицей. Прошло полминуты, от силы минута, вдали возник слабый, неясный звук, он рос, ширился, наполняя все вокруг грохотом, — и картина повторялась. После одного из валов, когда его сила уже убывала, огромный осколок скалы, налетев на утес, не раскололся, а отскочил, как мячик, в сторону и, влекомый потоком, тяжело пополз дальше, достиг теснины и застрял в ней. Я подумал, что следующий вал или протолкнет, или расколется, но этого не произошло; напротив, он заклинился меж двух уступов еще прочнее. Получился своеобразный трамплин. Теперь грязе-каменные волны низвергались вниз с семиметровой высоты длинной дугой.

Картина селя зачаровывала, захватывала, разбушевавшаяся стихия внушала смешанное чувство страха и восторга. Я просидел на своем наблюдательном пункте более четырех часов, начало смеркаться, а сель продолжался. Позже я узнал, что самые грозные валы прошли ночью, спустя двенадцать часов после первого.

На следующий день вместе с несколькими другими обитателями нашего маленького горного поселка я отправился в верховья того самого ущелья. Нам было интересно узнать, где зародился сель, с чего начался. В пути мы

увидели большие участки крутых склонов, с которых были смыты сотни, тысячи кубических метров грунта, а вместе с ними — лес, росший там, где сейчас черными ранами зияли высокие обрывы. Очевидно, поток подмывал до тех пор основание склона, пока не возникал оползень и в русло обрушивались многотонные массы земли и скал. В результате оно на некоторое время перекрывалось. Но быстро прибывающая вода прорывала преграду, образовывался мощный вал, который устремлялся дальше, сметая все на своем пути.

Впрочем, это только мои предположения, хотя другого объяснения того факта, что сель шел не сплошным потоком, а отдельными волнами, я не знаю.

В своей верхней части, в альпийском поясе, склоны ущелья становились более пологими, оно заметно расширялось и оканчивалось огромным цирком. С трех сторон овальную долину теснили крутые, высокие гребни. В южной части цирка, между ледником и мореной, образовалось довольно большое озеро. Когда мы подошли ближе, то увидели в морене колоссальную брешь. Ее изломанные края вздымались вверх на полтора десятка метров. Осматривая их, мы, к нашему удивлению, вдруг обнаружили, что морена состояла не только из нагромождения валунов, как казалось со стороны. Стены пролома напоминали слоеный пирог. Толщину камней, гальки, песка прорезывали мощные, в несколько метров толщу жилы серого льда. От самого озера осталась только большая мелкая лужа с грязной водой, которая через пролом вытекала небольшим, безобидного вида ручейком. Вообще здесь, наверху, мало что говорило о том, что вчера в этом месте бесновалась стихия. Наверное, на пологом участке она и в самом деле не слишком бесновалась. Лишь разогнавшись на крутизне, распухнув от глины, камней и бревен, прихваченных попутно, сель обрел свою грозную силу.

Честно говоря, из-за впечатлений, связанных с селом,

я не скоро вспомнил о синих птицах. После того, как по ущелью промчался грязе-каменный поток, просто не верилось, что в нем в ближайшие годы сможет хоть что-то живое найти себе место.

И когда на следующий год я решил сходить к теснине, к бывшему гнезду синей птицы, то вовсе не потому, что надеялся найти его вновь. Меня интересовало другое: если скала, застрявшая в самом узком месте между стенами утесов во время селя, так и осталась, там мог возникнуть красивый водопад.

Надежды на водопад не оправдались. Вода сумела найти себе лазейку под глыбой и мирно журчала по каменному ложу. Немного разочарованный, я повернул было назад, но вдруг появилась синяя птица с гологлазом в клюве и, не заметив меня, юркнула в щель между скалой и обломком, принесенным селом. Раздался дружный писк птенцов. Значит, синие птицы и на этот раз не изменили своей привязанности к давно обжитому месту и снова свили гнездо в той же нише скалы. Огорчало меня только то, что, не став доступнее, оно оказалось теперь надежно спрятанным от постороннего взгляда.

На солонце

Сибирские козероги обычны в наших горах, но увидеть их удастся далеко не всегда. И дело не только в том, что они осторожны и обитают в труднодоступных местах, просто жизнь животных идет по сложным законам, меняются состав и величина групп, места кормежек, отдыха и водопоя, маршруты кочевков. Надо очень хорошо знать повадки козрогов, чтобы отыскать их в горном рельефе, среди бесчисленных ущелий и отщелков.

Задача упрощается, если удастся отыскать солонец. Словно магнит, притягивает он козлов со всей округи, особенно в летний период.

Для наблюдений за козерогами выбрал я отщелок Правого Талгара. По его дну струится ручеек с мутноватой водой. По утрам он едва бежит, к середине дня ручей набирает силу, а к концу дня превращается в настоящий горный поток, который с ревом, брызгая пеной, мчит свои воды вниз. Такое непостоянство водного режима зависит от интенсивности таяния ледников, которые его питают.

В своей верхней части отщелок очень тесен. Мощные скалы, образующие его стены, поднимаются отвесно на десятки метров, дно завалено валунами, ручей едва слышен где-то глубоко под камнями. Ни кустика, ни травинки. И не потому, что растениям негде пустить свои корни — многие из них способны расти среди голых камней и в трещинах скал — причина в другом. Десятки снежных лавин, которые ежегодно проносятся по щели, сметали на своем пути все живое. Ниже, где уклон меньше, а склоны не столь отвесны, дно отщелка расширяется. Оно загромождено обломками стволов ели и арчи, то там, то здесь видны клочки шерсти, кости и рога тэков. Это «трофеи» лавин, которые останавливают тут свой бег и многометровыми языками лежат до середины лета.

Здесь же появляется растительность, выбирается на поверхность ручей. Вдоль обоих склонов тянутся, переплетаясь, козьи тропы. Там, где грунт помягче, они настолько широки и ровны, что трудно удержаться от соблазна пройти по ним. Но лучше этого не делать. У первой же скалы они обрываются, с тем чтобы вновь появиться через несколько десятков метров. Кажется почти невероятным, что едва заметные на скале выступы, неровности, карнизы, отполированные тысячами копыт, — это тоже тропа, но только для тэков.

Судя по обилию свежих следов, козероги регулярно

ходят этими тропами. Их привлекает большой обрыв. Именно к нему сходятся все тропы. Его грязно-розовая глина содержит соль, потребность в которой испытывают многие растительноядные животные. Там, где содержание соли особенно велико, козлы за многие годы выгрызли в обрыве глубокие ниши, почти настоящие пещеры. Редкий летний день проходит без того, чтобы козлы не наведывались на солонец. Притаившись под молодыми густыми елями, растущими на самом краю розового обрыва, я провел много часов, наблюдая за животными.

На солонец козероги приходили в любое время дня, но чаще всего — в полдень. Хороший обзор на открытые склоны щели, казалось бы, исключал неожиданное появление зверей, тем не менее, мне ни разу не удалось их заметить издалека. Обычно на одной из тропок, как по волшебству, возникал козел. Я поднимал к глазам бинокль и только тогда замечал рядом с ним еще нескольких животных.

Только однажды я видел, как на солонец пришел один тэк. Это был молодой самец. Он появился довольно рано утром и вел себя очень осторожно. Сделав несколько робких шагов, он останавливался и долго подозрительно оглядывался. То и дело козел шарахался в сторону или назад, но, убедившись, что его никто не преследует, продолжал медленно свой путь к солонцу. В то утро он так до него и не добрался, а виной тому оказалась... белка. Она не спеша бежала навстречу тэку, скрытая от его глаз обломком скалы. Выскочив неожиданно, зверек нос к носу столкнулся с козлом. Тот совершил великолепный прыжок в сторону, коротко свистнул и бросился наутек. Еще несколько раз я слышал удаляющийся свист, затем все стихло.

Когда животных несколько, они ведут себя уверенней. Среди них всегда есть опытный зверь, который постоянно настороже. Как-то я наблюдал четырех самцов. Один из них был заметно старше и крупнее других, его голову

украшали могучие рога и роскошная борода. Он шел последним, напряженно всматриваясь, вслушиваясь, принюхиваясь. Зато трое остальных — примерно одного возраста с полуметровыми рогами — были, похоже, в отличном настроении. Они то сходили с тропы пощипать травку, то нетерпеливо убегали вперед, то вдруг затевали веселую потасовку, энергично фехтуя громко щелкающими при ударах рогами.

В конце концов старому козлу это надоело. Он сделал шаг в сторону расшалившихся юнцов и угрожающе мотнул головой. Обнаружив в опасной близости от себя страшные рога, молодые тэки бросились врассыпную. Когда все возвращались с солонца, старый рогач шел впереди. Он очень торопился. Видно, вдали от родных скал осторожный зверь чувствовал себя очень неудобно.

Не знаю, есть ли у тэков постоянные вожаки, но я часто наблюдал, как все члены стада послушно следуют за одним животным, обычно самкой. Однажды на солонец пришли тэки, около десяти голов. И вдруг я выдал себя неосторожным движением. Раздался свист, все козлы вскинули головы и уставились на меня. Я замер в неудобной позе, прошло несколько минут, от группы зверей отделилась самка с козленком, медленно поднялась на противоположный склон и, оказавшись на одном уровне со мной, остановилась.

Нас разделяло не более двадцати метров, и я не сомневался, что коза прекрасно меня видит. Однако она, очевидно, посчитала, что я не опасен и, хотя и не спускала с меня глаз, но и не обнаруживала признаков беспокойства. Остальные тэки, доверяя опыту вожака, вновь принялись за соль. Многие из них для удобства подгибали передние ноги. Прошло с четверть часа. Старая самка вдруг молча повернулась и пошла прочь по тропе, ведущей от солонца. Остальные животные, обнаружив образцовую дисциплину, тотчас выстроившись гуськом, последовали за ней.

Козероги вообще очень молчаливы. Кроме короткого свиста — сигнала тревоги — я лишь изредка слышал блеяние маленьких козлят. Из органов чувств у тэков, бесспорно, важнейшую роль играет зрение. Я имел много случаев убедиться в его исключительной остроте, а вот чутьем природа, похоже, их обделила. Как-то раз я заметил группу козлов, которые не спеша двигались в мою сторону. Меня укрывал густой куст рябины, росшей возле самой тропы. Слабый ветерок дул от меня в сторону животных и я, затаившись за кустом, решил посмотреть, на каком расстоянии они меня учуют. Тэки подходили все ближе, а я не видел никаких признаков тревоги; и вот нас уже разделяет только куст, каких-то два метра! В этот момент по щели прошелестел сильный порыв ветра, звери, наконец, меня почуяли, раздался топот копыт, и спустя несколько секунд я увидел их несущимися в облаках пыли по противоположному склону.

Нередко животных, пользующихся одним маршрутом, именно на нем подстерегает наибольшая опасность, ведь и хищникам такие тропы хорошо известны. Не стал исключением и путь к солонцу. Однажды солнечным июльским днем, в полдень, я в очередной раз пришел на солонец. Судя по тому, что свежих следов не было, я не опоздал, тэки еще не приходили. На этот раз я решил устроиться не как обычно у солонца, а на две сотни метров выше по щели. Там по ее середине возвышался небольшой холмик, поросший дюжиной елей. В этом островке леса можно было надежно укрыться.

В тот день козлы появились поздно. Прямо надо мной по крутому склону покатались камни, я поднял голову и сразу увидел козленка. Ему что-то около двух месяцев, но как уверенно чувствовал он себя на узком карнизе скалы! Снова покатались камни, и вдруг я близко от своего укрытия увидел козу. Ее короткий летний мех блестел на солнце, нисколько не скрывая игры мощных мышц. Подняв голову с тонкими длинными рогами и

уморительной маленькой бородкой, она тщательно осматривала окрестности. Убедившись в том, что ничего подозрительного не видно, она посмотрела на детеныша, словно приглашая его спуститься к ней. И действительно через мгновение он уже стоял рядом с матерью.

Вскоре к ним присоединился еще один козерог, которого я раньше не заметил. Это был молодой козел-прошлогодок, возможно, сын самки. Он был настроен весьма легкомысленно. Озорник то с рассеянным видом следовал за матерью, то вдруг, дурашливо взбрыкивая, шарахался, изображая крайнюю степень ужаса от какого-нибудь валуна или куста, то, незаметно подкравшись, поддавал своего младшего братца острыми рожками. Было ясно, что он полностью полагается на осмотрительность козы.

Не торопясь, с частыми остановками, животные прошли мимо моего укрытия и спустились к ручью. Утолив жажду, они все так же медленно двинулись дальше, пощипывая травку, растущую узкой полосой вдоль берега. И тут я заметил еще одного зверя, но на противоположном склоне щели. Сначала мне показалось, что это тэк, но в глаза бросилась разница в окраске: вместо светло-бурого, шерсть зверя имела рыжеватый тон, по которому были разбросаны редкие темные пятнышки. Это рысь! Она еще не могла видеть козлов, скрытых от нее группой елей, в которых я притаился. Поэтому хищник, не скрываясь, шел по тропе в том же направлении, что и козероги. Его резковатые движения как-то не соответствовали представлению о совершенной, полной скрытой силы, пластике этой крупной кошки.

Но в момент, когда рысь заметила тэков, она преобразилась. Застыла, словно изваяние, затем, дождавшись, когда все козлы, опустив головы, начали пастись, прижалась брюхом к земле и осторожно поползла вперед.

Старая коза, однако, не забывала об осторожности. То и дело она поднимала голову, подозрительно озираясь по сторонам. Стоило же ей потянуться к соблазнительно

зеленеющей траве, как хищник на полусогнутых лапах быстро перебежал на два-три метра вперед и вновь застыл. Думаю, будь здесь на два или три взрослых тэка больше, у рыси не было бы ни малейшей возможности продвинуться и на сантиметр — не один, так другой ее бы непременно заметил. Но и сейчас, когда осторожность соблюдала только старая самка, казалось, что у рыси очень мало шансов близко подкрасться. И все-таки, вопреки моим ожиданиям, хищник упорно продвигался вперед, расстояние между ним и ничего не подозревающими козлами неуклонно сокращалось. Я могу объяснить это только тем, что имея великолепное зрение, тэки, как и многие другие животные, в первую очередь замечают движущиеся предметы, оставляя без внимания неподвижные, будь то человек или хищник.

Я, кажется, разгадал намерения рыси: примерно в семидесяти метрах от меня вниз во щели речка делала крутой поворот в сторону склона, на котором притаилась рысь. Двигаясь вдоль речки, козлы неминуемо должны были пройти под скальным выступом, нависающим над самой водой. Если бы хищнику удалось незаметно добраться до скалы, ему оставалось бы лишь перемахнуть через речку, чтобы обрушиться на спину жертве.

Рысь все ближе подбиралась к скальному выступу и в этом было что-то фантастическое. Крупная рыжая кошка двигалась по каменной тропе на совершенно открытом склоне. Редкие чахлые стебельки трав вряд ли могли служить ей достаточным укрытием, хотя я заметил, что рысь, затаиваясь, стремилась оказаться возле одной из жидких куртинок. Еще удивительней было другое: стоило мне перевести взгляд на тэков, как, спустя секунду, я уже не мог обнаружить хищника, несмотря на то, что знал его местоположение, а расстояние до него не превышало нескольких десятков метров. Всякий раз я был вынужден тщательно обшаривать в бинокль тропу сантиметр за сантиметром.

Рысь выдавали уши с контрастным черно-белым рисунком. Но тэки-то могли видеть ее только спереди! Оказалось, что и яркая расцветка не помеха — нарядную шкуру рыси легко можно было принять за солнечный блик на земле или высохший лист бузульника, вообще, за все что угодно.

Между тем расстояние между хищником и дичью сократилось до пяти метров, скальный выступ был рядом. Но тут раздался свист — в последний момент самка все же заметила опасность. Все пришло в движение. Рыжей молнией мелькнуло в воздухе распластавшееся в прыжке мускулистое тело рыси, но и тэки не дремали. Даже в этой критической ситуации опытная самка не потеряла головы и выбрала для бегства единственно верный путь — вверх по крутому сыпучему склону. На таком грунте, когда из-под ног, почти не давая опоры, ускользают камни, когда вся осыпь, словно оживает, приходит в движение, козероги не имеют себе равных. За козой неотступно следовал малыш, а вот молодой козел допустил ошибку: он припустил вдоль речки, тем путем, которым только что пришел.

Рысь бросилась за ним крупными прыжками. Поначалу казалось, что она без труда настигнет жертву. Расстояние между ними сокращалось на глазах и вскоре составляло не более полтора метров. Но это было все,

что удалось достичь хищнику. Никогда бы не поверил, что тэки способны развивать такую скорость. Общеизвестно, что эти копытные — непревзойденные скалолазы, однако неважные бегуны. Похоже, молодой козел был счастливым исключением. Когда до моего укрытия осталось около двадцати метров, рысь, убедившись в безнадежности погони, прекратила преследование. Она остановилась, лениво потянулась, широко зевнула, обнажив грозные клыки, и спокойно, будто и не было бешеной скачки, затрусила к небольшой рытвине над тропой и скрылась в ней.

На несколько десятков метров вокруг это было единственное место, где мог полностью укрыться такой крупный зверь. Расположенное выше тропы на расстоянии одного прыжка, место было идеальным для засады. Тэки, однако, в этот день больше не появились. Приближались сумерки. Я решил подойти к рытвине, чтобы выпугнуть хищника и еще раз полюбоваться на него вблизи. С тех пор как он скрылся, я не спускал глаз с укрытия и поэтому не сомневался, что он все еще там. До рытвины оставалось всего несколько шагов и можно было только поражаться выдержке зверя. Но вот позади последние метры — рытвина оказалась пустой!

Весенняя трагедия

В этот день особенно остро чувствовалось, что весна наконец-то вступила в свои права. Отовсюду слышалось пение дроздов, причем прекрасная меланхолическая песня черных отлично гармонировала с жизнерадостным, но незатейливым «тюрли-тюрли» деряб. Иногда в хор голосов свое «улулулу» вплетала ястребиная сова. Она прокричала всю ночь, но, опьяненная весной, казалось, не заметила, что давно поднялось солнце и настало время других певцов.

На северных склонах и на дне ущелья еще очень много снега. Он весь налит водой, тяжелый и темный. Многотонные массы его притаились на крутых склонах, ожидая малейшего толчка, чтобы ринуться вниз, сметая все на своем пути. Каждый год бывает такой день, когда, будто сговорившись, ущелья сбрасывают с себя зимние наряды, освобождаясь от снега, накопленного за зиму. Великолепное зрелище! Поэтому сегодня, когда по всем признакам наступил этот день, я отправился на южный склон, откуда открывался отличный обзор утопающего в снегу противоположного склона.

Удивительно! Какая малость — перейти с одного склона на другой, и времени-то затратишь всего полчаса, но кажется, что путь этот равен по меньшей мере двум месяцам — такие перемены вокруг. Повсюду зеленеет молодая трава, появились первые цветы. В сухой прошлогодней траве шуршат шустрые алайские гологлазы, слышно жужжание насекомых. Медленно поднимаясь по небольшому отщелку я, как это обычно бывает весной, старался отыскать в окружающей природе все новые приметы ее — и всюду находил их: пролетела бабочка, небольшие ямки в земле вырыл поднывавший из спячки барсук, а печальное «фии», доносящееся из зарослей шиповника, — голос прилетевшей с юга пеночки-теньковки.

Поднявшись до середины склона, я удобно устроился на сухой траве, прогретой утренним солнцем, и приготовился ждать. В бинокль хорошо видно, что в нескольких местах уже сошли небольшие лавины, но в глубокой щели

прямо напротив меня, где из года в год они бывают особенно мощными, снег лежит еще совсем чистый, нетронутый.

Солнце припекало вовсю, и вскоре я услышал характерный шелестящий звук — где-то справа шла лавина. Быстро пробежал взглядом по многочисленным отщелкам и лавинным лоткам — вот она! Извиваясь грязно-серой змеей, стремительно мчится вниз по узкой каменистой расселине. Иногда, подпрыгнув на уступе, она взвивалась в воздух и снова обрушивалась снежным водопадом на каменное ложе. Вырвавшись из теснины на пологую поляну, лавина быстро потеряла скорость и затихла. Но уже новая волна снега, набирая скорость, мчалась по проторенному пути. И началось! То тут, то там, с шипением и свистом мчались вниз снежные потоки. Самые крупные достигали дна ущелья, перекрывая речку. Там, где только что лежал метровый слой снега, черными ранами зияла обнаженная земля.

Да, весенние лавины совсем не похожи на зимние. Однажды в январе после обильного снегопада я в верховьях Среднего Талгара видел грандиозную снежную лавину. Она зародилась на открытом склоне значительно выше верхней границы леса, на высоте, наверное, около четырех тысяч метров. Я не уловил момента ее возникновения, просто вдруг заметил белое облачко, которое быстро катилось вниз, искрясь и переливаясь на солнце. Беззвучно, как призрак, клубясь, раздаваясь ввысь и вширь, оно, казалось, наползало на меня, обступая со всех сторон и грозя вот-вот поглотить. Наконец долетел звук. Сначала взрыв, с которым самый сильный весенний гром не идет ни в какое сравнение. Стены ущелья содрогнулись, затрепетали, казалось, все вокруг сейчас начнет рушиться. Затем, после секундного затишья, послышался нарастающий рокот. Тем временем лавина достигла леса, ворвалась в боковую щель с пологими, поросшими слями склонами. Снежная пена, с невероятной скоростью пожи-

рая пространство, устремилась вниз, захлестнула дно ущелья, взметнулась на противоположный склон и, словно обессилив, скатилась назад, теряя силу, поползла вниз над скованной льдом речкой. На меня пахнуло снежной пылью — и все стихло.

Конечно, лавины, которые я видел сегодня, выглядели поскромнее и уж, во всяком случае, не казались опасными. Однако, именно в этот день я стал свидетелем случая, который показал, что это впечатление обманчиво. Солнце уже клонилось к закату, когда я наконец дождался лавины в щели, против которой был мой наблюдательный пункт. Как только раздался шум движущегося снега, я поднял к глазам бинокль. И первое, что увидел, — мечущиеся фигурки тэков. Они врассыпную карабкались по скале по обе стороны от снежного потока. В самом конце снежной ленты барахтался рогач и было похоже, что он вот-вот выберется.

Но в этот момент вслед за первой снежной волной последовала вторая и, настигнув первую, слилась с ней. Животное скрылось под снегом, но вскоре опять появилось на поверхности. Достигнув дна ущелья, лавина остановилась. Наполовину засыпанный, тэк неподвижно лежал в самом конце огромной кучи плотного грязного снега. Прошло еще несколько минут, но зверь так и не шевельнулся. Я припустил вниз. Снег, принесенный лавиной, оказался настолько плотным, что я, не проваливаясь, добрался по многометровой толще до козла. Широко открыв глаза, он смотрел на меня немигающим взглядом и крупные зрачки его светились тусклым зеленым светом. Зверь был мертв. С большим трудом я вытащил его заднюю часть, словно впрессованную в снег. И вот он лежит передо мной, совершенно целый, не считая обломанного кончика рога. Это был великолепный экземпляр с мощными полутораметровыми рогами. Легкий ветерок шевелил пушистую темную шерсть и казалось, что тэк, передохнув, вскочит на ноги. Я тщательно обследовал

зверя и обнаружил, что у него в двух местах сломан позвоночник. Какая же ужасная сила заключена в этом снежном ручейке, который весело струится в каменном ложе! Ведь козерог очень крепко сбитый зверь. Он лишь на одну-две секунды скрылся под снегом и со стороны все это выглядело скорее забавным, чем опасным.

Солнце уже закатилось за высокий гребень, но все еще было по-весеннему тепло. Опять распелись черные дрозды, ласковый ветерок шевелил сережки на осинах. В горы пришла весна.

Лесной стадион

Так получилось, что самые интересные эпизоды из жизни животных мне обычно приходилось наблюдать ранним утром. Даже те звери, которых мы привыкли считать ночными, бывают особенно активны в сумерках и перед рассветом, это относится даже к совам и летучим мышам. И в это летнее утро я обосновался на краю обширной поляны примерно за полтора часа до рассвета. В горах на высоте двух-трех тысяч метров даже летом по ночам очень свежо, поэтому предусмотрительно запасся телогрейкой и брезентовым плащом. Однако через четверть часа слабый ветерок выгнал из-под одежды последнее тепло, и вовсе не утешало, что четверо других членов отряда также где-то мерзнут на своих наблюдательных пунктах. А из теплых спальных мешков в половине третьего утра нас выгнала идея проверить, когда какая птица просыпается. Эти учеты так и назывались учетами пробуждения птиц.

Итак, я сидел, укрывшись плащом и подстелив телогрейку и, стуча зубами, пытался расслышать первые обрывки песен птиц. Тем временем откуда-то снизу приполз холодный туман, звезды померкли, стало еще темнее и холодней. Вот это неприятное время большинство птиц и выбрало, чтобы подать свой голос.

При свете фонарика непослушными заочеченевшими пальцами записываю время и вид птицы в записную книжку и продолжаю напряженно вслушиваться. Тут есть свои сложности — кукушка или улар, их голоса ни с какими не спутаешь, а попробуй разобраться, если какая-нибудь завирушка или горихвостка буркнет спросонья одну лишь фразу своей песенки и затихнет!

Оказывается, от напряженного вслушивания тоже можно согреться. Во всяком случае, когда начало сереть небо, а в моей записной книжке «отметилось» практически все птичье население, я забыл о холоде. На востоке на фоне светлеющего неба проступил зубчатый контур Кумбея, со всех сторон из темноты стали появляться темные силуэты елей, сначала вокруг меня, а затем и на другой стороне поляны.

Тут я увидел косулю. Это была самка. Она медленно шла по тропе, настороженно оглядываясь и ловя подвижными ушами малейшие шорохи. Я замер. Зверь, постояв с минуту на краю поляны, вдруг в несколько прыжков вымахал на открытое пространство и вновь остановился. На краю поляны появились еще две косули — тоже самки. Они в точности повторили действия первой, и вот уже все три замерли в центре поляны. Меня разбирало любопытство: что же последует дальше? Вообще на такой высоте у верхней границы леса косули появляются только летом, да и то очень редко. За несколько лет работы мы встречали их здесь считанные разы, и всегда одиночками. А тут сразу три, и ведут себя как-то необычно.

Зрелище, которое мне посчастливилось наблюдать, превзошло все мои ожидания. Одна из косуль вдруг бросилась, сломя голову, бежать, сделала круг по поляне, вновь подскочила к двум другим, стоявшим неподвижно, и принялась прыгать вокруг них как расшалившийся щенок. Те с готовностью включились в игру. Сначала они «играли в догонялки» — с головокружительной скоростью преследовали друг друга, нагнав, слегка бодали безрогой головой в бок и тут же менялись ролями: преследователь превращался в преследуемого и опять прыжки, зигзаги следовали один за другим.

Притомившись, косули слегка притихли и даже принялись щипать траву. Вскоре, однако, придумали новую забаву. На краю поляны, недалеко от того места, где я притаился под плащом, рос большой куст стелющейся арчи почти круглой формы и диаметром три-четыре метра. Он-то и привлек внимание разыгравшихся животных — было решено устроить состязание по прыжкам. Тем временем совсем рассвело, и мне была отлично видна удивительная грация в сочетании с силой красивых животных. Легко, словно играючи, проносились они над кустом в длинных прыжках все снова и снова без малейших признаков усталости! Не знаю, как долго бы это продолжалось, если бы одной из косуль вдруг не показался подозрительным мой плащ.

Она остановилась как вкопанная в десяти метрах от меня. Чуткие уши пришли в движение, хорошо было видно как ловит она влажными ноздрями воздух. К ней сразу присоединились и обе другие. Я затаил дыхание, но осторожные звери не успокаивались. Одна из косуль, побойчее, подошла ближе, несколько раз ударила копытцем по земле и рявкнула. Другая зашла с подветренной стороны и, наверное почуяв меня, тоже рявкнула, но видно, как-то иначе, потому что спустя мгновение я на поляне остался один, и только удаляющийся хруст ветвей в лесу подсказывал, куда скрылись косули.

Мне до сих пор в этом случае не все ясно. В мае у косуль рождаются детеныши, которые поначалу затаиваются в густой траве, пока мать насется, но уже через несколько дней следуют за ней неотступно. Я же наблюдал эту необычную сценку в конце июня. Впрочем, возможно, это были молодые прошлогодние животные, не имевшие детенышей. Кроме того, я никак не могу отделаться от впечатления, что косули специально пришли порезвиться на полянку. Ведь в горах такие ровные площадки — редкость и вполне возможно, что животные облюбовали одну из них для игр, наведываясь временами на свой «стадион».

Красношапочные вьюрки

Этих птичек я знал хорошо задолго до того, как начал работать в горах. Каждой зимой они появлялись в городе. Почти весь короткий зимний день вьюрки проводили на березах. Облепив одно или несколько рядом стоящих деревьев, они шелушили березовые сережки, ловко подвешиваясь вниз головой на самых концах тонких ветвей. Обычно присутствие птиц выдавали крылатки, которые, словно мелкий снег, осыпались с берез. Покончив с сережками на одном дереве, красношапочные вьюрки вдруг разом, дружно срывались с него и плотной стайкой с гомоном перелетали на другое. Рассевшись по ветвям, они умолкали и принимались за сережки, извлекая семена и пуская по ветру пустые крылатки.

Птички эти необычайно доверчивы и нередко, облюбовав молодую невысокую березку, повисают на ее ветвях над тротуаром в каком-нибудь метре над пешеходами.

Красношапочные вьюрки встречаются чаще стайками. Иногда объединяются с другими птицами — чижками, чечетками, щеглами, реже с воробьями. Весной вьюрки исчезают одни из первых среди зимующих в городе птиц.

Оказалось, что и в горах красношапочные выюрки остаются верными духу коллективизма. Даже в период размножения, когда все птицы разбиваются на пары, строят гнезда на достаточно большом расстоянии друг от друга, они ухитряются большую часть времени проводить в стайках.

За день выюрку многое надо успеть. В поисках кормных мест они иногда улетают за несколько километров от гнезда. Причина того — особое пристрастие этих птиц к семенам одуванчиков. Весна приходит в горы снизу, из долины. В нижних поясах гор они и расцветают раньше, здесь же созревают первые семена. Поначалу, регулярно встречая красношапочных выюрков у нижней границы лесного пояса в гнездовое время, я прилагал немало усилий, чтобы найти их гнезда. Вскоре, однако, заметил, что в лесу, где они могли бы загнеститься, их нет. Лишь изредка слышались голоса перекликающихся птиц, летящих на большой высоте.

Другое дело — обширные поляны и лужайки. С утра и до вечера здесь оживление. Десятки выюрков копошатся в траве, набивая зобы лакомой пищей. Время от времени какой-нибудь самец, у которого уже просто не было сил сдерживаться и молчать, взлетал на кустик и начинал петь.

Пожалуй, только у скворцов услышишь такое темпераментное исполнение. Поющий красношапочный выюрок не способен и секунды оставаться неподвижным. Он вертится на одном месте, потряхивая приспущенными крылышками, крутит хвостом, а то и взлетает в воздух и, порхая как бабочка, поет на лету. Чаше всего такой пример бывает настолько заразительным для других самцов, что они незамедлительно присоединяются. Голоса сливаются в настоящий хор, и маленькие певцы, забыв о голодных подругах, поджидающих их на гнездах, с удивительным усердием и пылом предаются любимому занятию. Довольно мелодичная песенка льется без конца

и без начала несколько минут подряд, так что диву даешься, когда эти птицы успевают дух перевести. Пение красношапочных вьюрков напоминает звуки от долгоиграющей пластинки, поставленной по ошибке на ускоренные обороты. Эффектна и внешность исполнителей. У самцов небольшой черный клюв, черные глазки, чернобурые, за исключением темени, на котором пылает оранжево-красная шапочка, голова и грудь. Маховые и рулевые перья по внешнему краю опахала имеют золотистую оторочку, на плечах и надхвостье выделяются охристые тона. Да и весь облик, фигура этой миниатюрной птички не может не импонировать.

Другой, тоже обязательный для этих птичек маршрут, ведет к ближайшему солонцу. Где только птицы не находят соль! Это и остатки ее на горных пастбищах для овец, и участки, пропитанные мочой домашних животных, это соль, выступающая на фундаментах и стенах строений, и, наконец, естественные солонцы, чаще всего на глинистых обрывах, на которых обнажаются содержащие соль слои. Здесь, как и на кормежке, красношапочные

вьюрки собираются компанией с обыкновенными и арчовыми чечевицами, щеглами и гималайскими вьюрками.

Охотно посещают вьюрки водопои, выбирая для этого места, казалось бы, ничем не лучше других, но затем строго их придерживаются. Очень любят они и водные процедуры. Однажды я случайно обнаружил необычную купальню, к которой слетались вьюрки со всей округи. Она помещалась на огромном камне — это было небольшое углубление в середине его. Благодаря частым в горах дождям оно почти не бывало сухим. В нем накапливалась и хорошо прогревалась вода. По своему обыкновению красношапочные вьюрки и здесь собирались веселыми группами. В воде одновременно барахтались по нескольку птиц, другие сидели рядом и обсыхали и, конечно же, пели.

Долгое время мне не удавалось понаблюдать за семейной жизнью вьюрков. Как это ни странно, но отыскать гнезда этих доверчивых птиц совсем не просто. Впервые удалось мне это совершенно случайно. Я находился возле гнезда индийских пеночек. Предстояла довольно продолжительная и однообразная работа, у нас, на языке орнитологов, называется она учетом. Иногда на таких учетах удается подсмотреть интересные сцены из жизни птиц, но обычно все сводится к механической регистрации прилета к гнезду родителей с кормом или, как в моем случае, со строительным материалом. Однако то обстоятельство, что наблюдатель по многу часов подряд практически неподвижно находится на одном месте, приводит к интересным находкам и наблюдениям совсем с другими птицами, так сказать, попутно.

Небольшая ель с пышной кроной, под которой я устроился, росла на краю обширного корума — крупнообломочной осыпи, которая полосой в несколько сотен метров тянулась от подножия до вершины крутого склона.

Когда я в первый раз услышал голоса перекликавшихся красношапочных вьюрков у себя над головой, то не

придал этому значения. Но прошло полчаса и вновь в ветвях ели зазвенели трельки выюрков; спустя минуту оттуда вылетел яркий самец и улётел вниз к зеленеющим вдали полянкам. Я решил, что на дереве сидит плохо летающий слеток, который еще не решается следовать за родителями и вынужден поэтому дожидаться в укромном месте, пока они соберут корм и прилетят его покормить. Безуспешно попытавшись обнаружить его в переплетении густых ветвей ели, я опять сосредоточил все внимание на гнезде индийских пеночек.

Вдруг мне пришло в голову, что сейчас, в конце мая, у выюрков просто не может быть не только слетков, но и гнездовых птенцов. Это могло означать только одно: где-то надо мной находится гнездо красношапочных выюрков, в котором неотлучно сидит самка. Появилось предчувствие близкой удачи. Уже с нетерпением ожидал очередного прилета самца, но он, как назло, все не летел.

Прошло более часа, а красношапочный выюрок так и не появился. Я уже начал сомневаться, не показалось ли мне, что в кроне ели перекликались две птицы. Ведь в принципе в том, что в течение получаса на одну ель дважды присаживался выюрок, не было ничего удивительного. Но в это время вдали слышались трельки летящей птицы. Звуки быстро приближались. Надо мной раздались такие же трельки — это отозвалась проголодавшаяся самочка. Теперь важно было заметить куда сядет самец, иначе найти маленькое гнездо выюрков будет очень сложно.

К счастью, прилетевший красношапочный выюрок присел на конец еловой лапы как раз с той стороны, которую мне было видно, а вслед за этим я рассмотрел и гнездо, а вернее, его краешек, который едва виднелся среди густой хвои. Показалась голова самочки, привставшей на гнезде. Самец, отрывая корм небольшими порциями, не спеша кормил её какими-то белыми семенами, которые были хорошо видны в бинокль.

Когда закончился учет, я решил, не мешкая, влезть на ель и рассмотреть гнездо и яйца, ведь я их раньше не видел. Правда, сколько ни пытался вновь разглядеть уголок гнезда, который видел раньше, это не удалось. Да и не мудрено: достаточно на несколько десятков сантиметров изменить точку наблюдения и то небольшое пятнышко, которое я хотел найти, вполне могло оказаться прикрытым хвоей. Но была уверенность, что ветку, на которой было гнездо, хорошо запомнил и теперь задача состояла в том, чтобы взобравшись на дерево, правильно сориентироваться. Запомнив приметы, я полез на дерево. Вскоре убедился, что на нем все выглядит не так, как с земли. Густая крона была образована бесчисленными ветвями, которые ничем друг от друга не отличались. Оставалась надежда, что птица выдаст гнездо, слетев с него, но то ли я пропустил этот момент, то ли самка сидела необычайно плотно, во всяком случае на глаза она мне так и не попала. Прекратив бесплодные поиски, я спустился вниз и попытался еще раз найти нужную ветку, но снизу все ветки казались той самой.

Оставалось только дожидаться еще одного прилета самца. Он не замедлил появиться, и вновь я увидел край гнезда, самку на нем, да и ветка оказалась вроде приметной. Почти не сомневаясь, что на этот раз меня ждет удача, я снова полез вверх. Результат оказался прежним.

Пришлось мне идти в лагерь за товарищем, затем вместе с ним назад. Запыхавшись после крутого подъема, мы присели возле ели перевести дух. Очень кстати появился самец и покормил самку. Теперь и товарищ смог рассмотреть гнездо, и запомнить его месторасположение. И вот я в третий раз пробираюсь сквозь густое переплетение ветвей. Когда я поднялся до нужной высоты, товарищ дал мне об этом знать. Сейчас важно было точно определить, на какой ветке гнездо. Я одну за другой покачивал их рукой, пока не шевельнул нужную, о чем

сразу был поставлен в известность. Но гнезда на ней я так и не нашёл. Положение было прямо-таки безвыходным. Товарищу внизу казалось все слишком ясным. Вверху все обстояло как раз наоборот. Товарищ раздражался моей непонятливостью. Теперь уже его настойчивые подсказки только мешали. Что оставалось? Слезать, так и не добившись успеха? И тогда я догадался: гнездо не на этой ветке, что видится снизу. И точно! Другая ветка, ответвившись от нее, шла параллельно, всего на несколько сантиметров ниже.

Запомнилось: я довольно неосторожно приподнял верхнюю ветку и... всего в двух-трех сантиметрах от своих пальцев увидел птицу, вжавшуюся в гнездо. Она словно окаменела, и только маленькие черные глазки поблескивали живо и настороженно. Налюбовавшись самкой красношапочного вьюрка, которая по яркости оперения лишь немного уступала самцу, я медленно протянул к ней палец, опасаясь, как бы вылетая из гнезда, она не вытряхнула из него яйца, как это иногда случалось с другими птицами. Однако самка и не думала покидать гнездо, а когда я дотронулся до нее, лишь плотнее к нему прижалась. Не оставалось другого выхода, как сдвинуть ее с гнезда, что я и сделал, несмотря на то, что она отчаянно сопротивлялась, цепляясь лапками за выстилку. В итоге мне все же удалось оттеснить её на край гнезда. Пять белых со светло-бурыми крапинками яиц лежали в аккуратно выстланном шерстью и пухом лотке миниатюрного гнезда. Пока я рассматривал яйца, самка сердито клевала мои пальцы и все норовила оттолкнуть руку и ныгнуться назад в гнездо. Но бедной птичке пришлось перенести еще одно испытание.

Я увидел на лапке вьюрка алюминиевое колечко. Чтобы разобрать номер, пришлось взять птицу в руки и, хуже того, снять кольцо. Дело в том, что таким маленьким птицам, как красношапочные вьюрки, кольца одевают внахлест, так как даже самые мелкие для них велики и,

если их одевать встык, они будут свободно болтаться на лапке, натирая кожу, цепляться за траву, веточки, выстилку гнезда, а то могут и вовсе соскользнуть.

Неудобство в том, что на кольцо, одетом внахлест, оказываются скрытыми несколько цифр номера и, чтобы его прочесть, кольцо необходимо снять.

Операция эта довольно сложная, особенно если продвигать ее на дереве. Это, однако, еще не все. Прочитав номер, кольцо необходимо снова одеть. Все эти манипуляции, естественно, птице неприятны. Поэтому, когда я, наконец, выпустил изрядно помятую самку, то ожидал, что уж на этот раз она улетит. Поначалу казалось, что так и будет. Она отлетела на метр, отряхнулась, быстро привела в порядок оперение и... решительно юркнула в гнездо.

Хищные дятлы

Меня давно манил тот далекий гребень. Между черными зубцами елей там кудрявилась нежная зелень осин и берез. По утрам оттуда доносилось бормотание тетеревов — в Зайлийском Алатау его сейчас уже не часто услышишь. Одним словом поход на далекий гребень обещал что-то необыкновенное. Но весна самая горячая пора для орнитолога и выбрать не то что свободный день, несколько часов не просто. И все-таки настал день. Ничем не лучше других. Просто я вдруг обнаружил, что иду куда глаза глядят. В детстве такое часто бывает. Мы отправляемся в путешествие, душа жаждет открытий, не замечая времени, спешим вперед, ожидая за каждым следующим поворотом встречу с чудом. Увы, с возрастом такое случается все реже, но тем дороже эти мгновения. Итак, я шел куда глаза глядят, а они смотрели на далекий гребень.

Позади час крутого подъема, до цели рукой подать,

кажется, что сейчас произойдет что-то, и это чувство все сильнее, и вот первая ласточка... в образе чернозобых дроздов. Полтора десятка этих птиц очень по-домашнему расселись на молодых березах и с упоением предавались вокальным упражнениям. Еще месяц назад такая встреча никого не удивила бы, но сейчас этим дроздам полагалось быть далеко, скажем, на Алтае или в Сибири. Словно ароматом северных лесов повеяло!

Ну вот и гребень. По обе его стороны глубокие скалистые ущелья. По дну каждого из них бежит по речке. Хотя нет, движения воды с такого расстояния не видно, кажется, она застыла в оцепенении, словно замерзла, и это странно не соответствует явственно доносящемуся гулу стремительных горных потоков. Вдоль гребня извиляется звериная тропа. На влажной земле среди множества следов козюль видны и отпечатки покрупнее — то ли свиней, то ли маралов. Совсем близко в осиновой роще чуфыкали тетерева. Но все это было не то. Сколько я ни озибался по сторонам, сколько ни вслушивался, ничего необычного обнаружить не мог. Один раз, правда, когда над головой мелькнула темная хищная птица средней величины, я на миг поверил, что мне все же повезло. Вдруг это орел-карлик, ведь гнезвился же он здесь когда-то! Но птица, словно торопясь разрушить мою надежду, закричала. Гнусавое заунывное «вяу» не оставляло сомнений, что это всего лишь сарыч.

Пора было возвращаться. Не радовало даже только что найденное гнездо джунгарских гаичек. Собственно, гнезда еще не было. Птицы, сменяясь, долбили дупло в сухой осине. Работа у гаичек спорилась, щепки летели в разные стороны. Самец, когда его сменяла самочка, едва переводя дыхание, принимался петь и делал это, похоже, не бескорыстно. Может быть, вдохновленная его пением, а может быть, не решаясь прервать самца, самочка проводила в дупле раза в три больше времени за работой, чем он.

Прошло несколько дней. Необходимо было еще раз сходить к гнезду гаичек, чтобы установить дату откладки первого яйца. На этот раз меня уже не радовала перспектива дальней экскурсии и я на чем свет стоит ругал себя за то, что меня угораздило найти гнездо так далеко от лагеря. Но делать было нечего — и я отправился в путь. Дорога на этот раз показалась удивительно длинной и тяжелой. Так что к гнезду я подходил в самом скверном расположении духа. Но именно сегодня, когда я меньше всего надеялся, далекий гребень преподнес мне сюрприз, который ждал меня у гнезда гаичек.

Когда я подошел к гнезду, птиц рядом не оказалось. В дупле уже было полностью законченное гнездо. Лоток был покрыт клочком шерсти, но яиц в нем не оказалось. Я уже собирался уходить, как на осину с дуплом прилетел большой пестрый дятел — птица в здешних краях редкая. Всего несколько лет тому назад было доказано его гнездование в Заилийском Алатау. Я решил понаблюдать за птицей в надежде найти гнездо. Дятел — это был яркий красавец-самец — посидев минутку, слетел прямо к дуплу джунгарских гаичек и попытался забраться внутрь. Отверстие, однако, было настолько узким, что туда едва пролазила его голова. Тогда дятел, устроившись поудобнее, начал долбить. Сначала мне показалось, что он хочет расширить леток дупла, но потом я в бинокль разглядел, что дятел долбит ниже. Он ловко откалывал длинные щепки и было ясно, что еще несколько минут и дупло будет разрушено. В этот момент прилетели гаички. Они подняли шум, но явно опасались дятла и близко не подлетали. Возможно, будь в гнезде птенцы или яйца, синицы вели бы себя поактивнее.

Большой пестрый дятел, не обращая на синиц ни малейшего внимания, продолжал увлеченно работать. Я решил ему не мешать и посмотреть, что же будет дальше. Очень скоро вся передняя стенка дупла была разрушена и вот уже на землю полетели клочки шерсти —

дятел добрался до гнезда. Я со злорадством ожидал того момента, когда разбойник поймет, что его усилия были напрасными. И действительно, перевернув все гнездо, дятел раздраженно крикнул и отлетел на соседнее дерево. Вид у него был разочарованный, как у прыгуна в высоту, сбившего планку. Сейчас он, очевидно, анализировал причины неудачи, и спустя некоторое время у него, видимо, появились кое-какие соображения. Дятел встрепенулся и слетел на землю. Неловко прыгая, он перебирался от одного клочка шерсти к другому, тщательно осматривая остатки гнезда гаичек, разбросанные под сухой осиной. Увы, его опять постигло разочарование. Поняв, что здесь ему уже ничем не поживиться, дятел куда-то улетел. Я подошел к осине поближе. От летка и почти до его основания зияла брешь. И тут мне вспомнилось, что и раньше видел дупла синиц, изуро-

дованные подобным образом, но тогда посчитал, что виновниками разбоя были белки — большие любители птичьего мяса. Впрочем, мне приходилось читать, что дятлы разоряют иногда птичий гнезда, но такие наблюдения были сделаны в других местах. Нередко бывает, что повадки птиц одного вида в разных частях ареала существенно разнятся. Поэтому сегодняшний случай доказывал, что и в здешних краях дятлы имеют эту скверную привычку.

Припомнились мне другие случаи, когда большие пестрые дятлы показали себя настоящим хищниками. Однажды ранней весной я ловил в западню больших синиц. И вот при очередной проверке ловушки я уже издали услышал истошные вопли манка, а когда подошел ближе, моим глазам открылась необычная картина: на ловушке сидел дятел и азартно гонял бившуюся внутри синицу. Он уже ухитрился выдернуть ей хвост и, пожалуй, лишь мое появление спасло беднягу от гибели. В другой раз кто-то повадился извлекать из паутиной сети, которую я поставил у водооя, попадавших в нее птиц. Обычно в сети оставался лишь клочок перьев или прочно запутавшаяся лапка, или крыло. Причем самым непонятным было то, что сам хищник ухитрялся не запутаться и вообще не оставлял никаких следов. Уж кого только я не подозревал!

И все же однажды он попался. Им оказался не перепелятник, не кошка и не лесная соня, на которых я больше всего грешил. Нет, рядом с наполовину съеденной пеночкой в сети барахтался прославленный санитар лесов — большой пестрый дятел. Кровь с прилипшими перышками пеночки на клюве дятла неопровержимо свидетельствовала: вот он, хищник!

Дербники

Не стану скрывать, люблю я этих соколов. Да и кого оставят равнодушными их гордый облик, мужественные повадки и стремительный полет! Еще каких-нибудь полтора десятилетия тому назад ученые считали, что дербники в горах Заилийского Алатау не гнездятся, а данные о том, что они якобы гнездились здесь в начале века, ошибочны. Но потом нашли одно гнездо, потом еще несколько. Птиц стало заметно больше и сейчас внимательный натуралист в погожий летний день поднявшись высоко в горы, туда, где тесные ущелья, поросшие темными елями, расступаются перед пестрым ковром субальпийских лугов, почти наверняка заметит стремительный силуэт маленького хищника.

Мне везло на встречи с любимцами. Хорошо помню и первый эпизод, положивший начало моим симпатиям к дербникам. Это было майским утром в часы, когда воздух еще холоден и неподвижен, и настолько прозрачен, что глаз с удивительной четкостью различает мельчайшие детали даже очень отдаленных предметов. Я — тогда еще студент-практикант — стоял на берегу горного озера и напряженно прислушивался, стараясь среди нечастых голосов птиц различить крик горной трясогузки, которая была тогда объектом моих наблюдений.

И тут внимание привлек соколиный клекот, который раздавался со стороны восточного берега озера. Я поднес бинокль к глазам и почти сразу обнаружил пустельгу, которая, быстро работая крыльями, летела над водой к противоположному берегу озера.

Однако голос не мог принадлежать пустельге; он был чище, звонче, выше, чем у нее. Так мог кричать только дербник. Действительно, в этот момент в поле зрения появилась вторая птица. Она стремительно настигла пустельгу, которая в панике заметалась над самой водой. Этой птицей оказался яркий самец дербника. Будучи

в полтора раза меньше пустельги, он настолько превосходил ее в скорости и искусстве высшего пилотажа, что бедному мышелову в воздушном бою, который разыгрался над озером, пришлось совсем туго. Впрочем, какой это был бой?— скорее игра, игра в одни ворота. Глядя на неуклюжие попытки пустельги увернуться от стремительных атак нахального малыша, я не мог понять, каким образом всего несколько дней тому назад восхищался пустельгой, отгонявшей от своего гнезда черную ворону. Формы этого сокола казались мне тогда совершенными, маневренность — выше всяких похвал, а скорость — изумительной. Сегодня же ему повстречался противник, рядом с которым он оказался и неповоротливым, и тихоходным.

Дербник уже давно оставил в покое несчастную пустельгу и скрылся за елями на крутом берегу озера, а меня все не оставлял восторг, тот восторг, который возникает при встрече с чем-то совершенным, будь это творение природы, или рук человеческих.

И еще дважды в этом же году мне пришлось близко увидеть дербников. Первый раз — на берегу озера. Я возвращался с экскурсии и вдруг ко мне прямо под ноги метнулась какая-то птица и в тот же миг над головой раздался шум, будто кто-то сзади коротко и с силой выдохнул. Ничего не поняв, я сначала посмотрел вниз и в полуметре от носка своего башмака увидел красноспинную горихвостку. Это была взрослая самка. С выражением бесконечного ужаса в больших темных глазах она, не обращая на меня внимания, глядела вверх. Я тоже поднял голову и увидел крупную самку дербника на сухой верхушке небольшой ели метрах в пятнадцати-двадцати от меня. Нимало не смущаясь моим присутствием, она, кивая головой, высматривала горихвостку. В бинокль мне отлично стали видны все детали оперения сокола. Наряд самки дербника зна-

чительно скромнее, чем у самца, — неяркие продольные пестрины на светлой груди и брюшке и поперечные на светло-бурой спине. Выделяются только большие блестящие черные глаза и желтые лапки. Но гордая осанка, движения, полные скрытой силы, выдавали в птице дерзкого, беспощадного хищника.

Правда, в этот момент на меня большее впечатление произвело доверие маленькой пичуги, искавшей спасение вблизи человека. Я замер, но не потому, что боялся потревожить дербника, а из опасения, что горихвостка, испугавшись, вспорхнет и неминуемо станет добычей сокола. Увидеть охоту дербника — большая удача, которая выпадает не часто, и я давно мечтал о таком случае, но сейчас, растроганный поведением птахи, помышлял только о том, как бы ее спасти. К счастью, все обошлось благополучно. Хищник, будто поняв, что охота не состоялась, вдруг легко вспорхнул и быстро скрылся из виду.

Позже, несколько лет спустя, когда у меня был ручной ловчий дербник, мне не раз приходилось наблюдать, какой ужас на мелких птиц производит одно появление этого хищника. Пичуги, не надеясь на крылья, ищут спасения на земле под камнями, в траве или в густой кроне кустов и деревьев. Однажды мне даже удалось взять в руки крапивника, спрятавшегося под небольшим камнем. Причем, он не делал попыток вырваться, предпочитая оставаться в кулаке и опасливо посматривая из-под моих пальцев на сокола.

Обычно, если и удастся посмотреть охоту дербника, то только ее заключительную стадию. Чаще всего над головой раздается свист рассекаемого крыльями воздуха и следующий за ним шлепок. К моменту, когда отыщешь в воздухе хищника, он уже улетает с добычей, часто взмахивая крыльями и только облачко перьев, медленно опускающихся вниз, свидетельствует о разыгравшейся здесь трагедии.

Но иногда сокол после первого броска промахивается,

и тогда начинается погоня. Однажды мне посчастливилось наблюдать такую погоню дербника за городской ласточкой-воронком. Прوماхнувшись первый раз, сокол, используя огромную скорость, расправил крылья и взмыл вверх, оказавшись мгновенно на двадцать — тридцать метров выше ласточки. Тут же последовала еще одна ставка. Дербник сложил крылья и ринулся сверху на свою жертву. Но и на этот раз ласточке удалось в последнее мгновение увернуться. Еще два или три раза дербник повторил свой маневр, однако каждый раз воронок непостижимым образом увертывался. В конце концов хищнику пришлось оставить ласточку в покое.

Пожалуй, лишь один раз мне довелось увидеть охоту дербника от начала и до конца. Я заметил самку на сухой макушке высокой ели, растущей на крутом склоне. Птица спокойно сидела, поглядывая на расстилавшуюся далеко внизу широкую безлесную равнину Мраморного ручья. Вдруг сокол оживился, подобрал перья, закивал головой и бесшумно скользнул со своей присады. Постепенно теряя высоту, он мчался на полурасправленных крыльях. Не отрываясь, я следил за дербником. Он пролетел добрых четырехста метров, прежде чем в поле зрения моего бинокля появилась жертва — кажется, это был гималайский вьюрок. Возможно, он слишком поздно заметил опасность, во всяком случае, бедная птица не успела ничего предпринять и спустя мгновение очутилась в когтях хищника, которому эта охота далась, похоже, очень легко — ведь он ни разу даже не взмахнул крыльями!

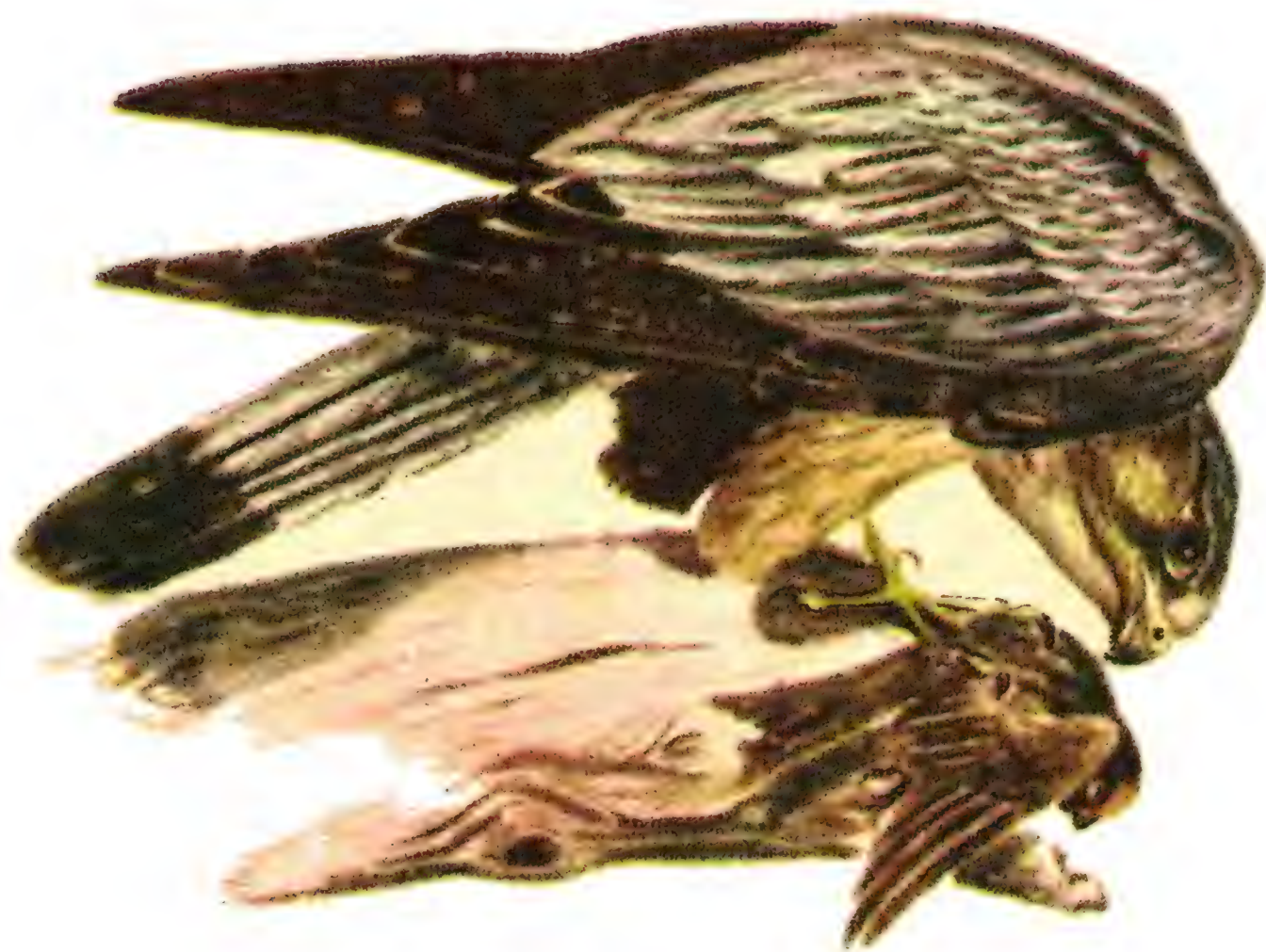
Вообще считается, что для дербников такой способ охоты не характерен. Этот относительно короткокрылый соколог способен, подобно ястребам, развивать большую скорость на небольшом расстоянии, что позволяет ему охотиться накоротке, настигая добычу в стремительном броске.

Свою семейную жизнь дербники ведут без лишней

скромности. Уже в марте мне не раз приходилось наблюдать их игры. Громко крича, птицы с бешеной скоростью носились друг за другом. Позднее, в мае, я специально пошел искать гнездо дербника в островок леса за озером, откуда постоянно доносились их голоса. В этот день птицы словно договорились испытать мое терпение. Рассевшись на соседних елях, они принялись кричать. Уже через полчаса я перестал восхищаться их чистыми высокими голосами, но прошел час, а птицы не умолкали.

Наконец самец куда-то улетел, а самка все продолжала кричать. Через некоторое время самец вернулся с добычей и галантно преподнес ее самке. Пока она ощипывала и поедала птицу, самец, не умолкая, кричал, затем к нему вновь присоединилась самка. В конце дня под звуки их голосов я вернулся в лагерь ни с чем. Несмотря на то, что найти гнездо дербника было моей давней мечтой, больше я к той паре не пошел, уж очень неприятные воспоминания остались от первого визита.

Совершенно неожиданно мне повезло в другом месте. Как-то раз забрался на седловину и присел отдохнуть

и вдруг краем глаза заметил, что надо мной промелькнула небольшая сизая хищная птица с добычей в лапах. Сначала показалось, что это перепелятник, однако острые крылья выдавали в ней сокола. Перевалив через седловину, он сложил крылья и так стремительно стал падать вниз вдоль крутого склона, что буквально растворился в воздухе. Вновь увидел я его лишь далеко внизу, когда сокол, расправив крылья, погасил скорость и подлетел к одиночной высокой ели. Навстречу из верхней части кроны вылетела другая птица, на лету выхватила добычу и села с ней неподалеку на макушку сухой ели.

Мне, безусловно, повезло, ведь поведение птиц недвусмысленно говорило о том, что здесь гнездо. Не прошло и трех минут, как я едва ли не кубарем скатился по крутому склону к тому дереву, на котором должно было быть гнездо. И оно действительно там оказалось. Дербники поселились в старом гнезде черной вороны. Оно помещалось на мощной двадцатиметровой ели всего в полутора метрах от вершины. Довольно громоздкое сооружение каким-то чудом держалось на тонюсеньких боковых веточках, прилепившись с южной стороны ствола, который и сам-то был там не толще черенка лопаты. Это же надо обладать зловредностью вороны, чтобы терпеть все прелести метеорологических вывертов высокогорной весны, непрерывно ощущать болтанку и жить под угрозой, что гнездо вот-вот рухнет и все это, видите ли, ради его неприступности! — с досадой подумал я.

Ель с гнездом росла на таком крутом склоне, что поднявшись по нему до уровня гнезда, наблюдатель оказывался рядом с ним, в каких-нибудь пятнадцати метрах. Как раз с этой точки я и пытался рассмотреть содержимое гнезда. Сейчас на нем сидел самец. Он расположился спиной ко мне и, повернув голову, невозмутимо поглядывал в мою сторону. Я решил дождаться смены родителей на гнезде, чтобы в этот момент попытаться рассмотреть, сколько же в нем яиц. Похоже, и на самку

мое появление не произвело особого впечатления. Она неторопливо ощипывала птичку, которую принес самец, а слабый ветерок относил перья в мою сторону. Я поднял несколько перышек, но они были того неопределенного буроватого цвета, который можно обнаружить почти у каждой птицы.

Тут мне вспомнился результат осмотра елового пня — «столовой» другой пары дербников. Тогда орнитологи, работавшие в этом ущелье, обнаружили там целую коллекцию птичьих лапок, многие из которых украшали кольца и цветные метки. По номерам колец легко можно было определить их прежних обладателей — завирушек, горихвосток, вьюрков...

Хотя я и дождался того момента, когда самка, подкрепившись и приведя в порядок оперение, сменила на гнезде самца, рассмотреть мне ничего не удалось, слишком глубоким оказался лоток. Не оставалось ничего иного, как попытаться взобраться на ель. Обычно отдельно растущие деревья бывают особенно густыми, и эта ель не составила исключения. Хуже того, от ствола отходила масса ветвей, не особенно толстых, но до того густо между собой переплетенных, что пробраться было нелегко. Была только одна возможность — проломить сквозь ветки брешь. Делать это, увы, удобнее всего головой, предварительно подняв капюшон штормовки. Но самым трудным оказалось заставить себя преодолеть последние метры, когда тонкий у макушки ствол начал раскачиваться и гнуться, а хрупкие веточки под ногами ломались как спички. Что удивительно, самка упорно сидела на гнезде до тех пор, пока я не дотронулся до него рукой. Лишь после этого она слетела и начала с криками кружить надо мной. К ней тотчас присоединился самец, который до этого тихо сидел на макушке соседней ели. Обе птицы медленно летали по кругу, иногда зависая над деревом, но не проявляя никаких признаков агрессивности.

В гнезде оказались два только что вылупившихся пуховичка и два яйца охристого цвета с бурыми пятнышками. В скорлупе одного из яиц уже появилась дырочка, сквозь которую был виден слабо шевелящийся птенец.

Путь назад, как часто бывает, оказался еще труднее. Особенно мешали ветки, попадавшие под штормовку и задиравшие ее вверх. Когда я спустился вниз, самка дербника уже сидела на гнезде, а самец исчез, наверное, улетел на охоту. Еще несколько раз, пока птенцы были в гнезде, я приходил понаблюдать за семейной жизнью соколов.

Оказалось, что у родителей строгое распределение обязанностей. Самец весь день носил добычу, а самка неотлучно находилась при гнезде, ощипывала принесенных самцом птиц и, отрывая по кусочкам мясо, кормила птенцов, которых, кстати, было только трое, четвертое яйцо оказалось скорее всего болтуном. Была, правда, одна общая забота — это охрана своих владений. Любая птица крупнее дрозда, отважившаяся «вторгнуться в воздушное пространство» соколов, немедленно изгонялась. Причем однажды я видел, как дербники «взяли в оборот» ястреба-тетеревятника, птицу исключительно сильную, ловкую и агрессивную. Но и он предпочел убраться восвояси, и сделал это со всей возможной поспешностью.

Когда птенцы покинули гнездо, вся крикливая семейка перебралась поближе к озеру. А несколькими неделями позже я наблюдал, наверное, одну из первых охот молодых дербников. Два из них настигли над озером маленького куличка-перевозчика. Они поочередно пикировали на кулика, а тот то падал на воду и даже нырял, то снова взлетал в воздух, стремясь достичь спасительных кустов на берегу. Трудно сказать, как долго продолжалось бы это преследование, если бы, откуда ни возмись, не появился самец-дербник. На ог-

ромной скорости он с шиком выхватил из-под носа у незадачливых охотников добычу, так что тем ничего не оставалось, как последовать за отцом в надежде на подачку.

Поздней осенью, когда в высокогорье остается совсем мало певчих птиц, улетают оттуда и дербники. Но ненадолго, с тем чтобы уже в марте вернуться. И снова в небе Заилийского Алатау будут разыграны сотни захватывающих и неповторимых воздушных спектаклей.

Когда благоденствуют клесты

В начале лета уже стало ясно, что предстоит небывалый урожай семян тяньшаньской ели. Все ветви деревьев были усыпаны цветочными почками. Но самым удивительным зрелищем оказалось цветение елей. Несколько дней стояла жаркая тихая погода. Созревшая пыльца чудом держалась на бесчисленных мужских цветах. Стоило даже самой мелкой, почти невесомой пичуге, вроде московки или королька, присесть на ветку, как из-под нее вздымалось бледно-желтое облачко и медленно опускалось вниз. А однажды, уже под вечер, вдруг налетел порыв ветра, стремительно пронесся вдоль склона, оставив за собой пышный шлейф клубящейся пыльцы. За первым порывом последовал второй, третий, и вот уже закатное солнце померкло за густым облаком, окутавшим горы. Полуослепший из-за пылинок, попавших в глаза, я до самой темноты наблюдал эту почти фантастическую картину.

Наутро все вокруг разительно переменялось — земля, трава, листья, вода в лужах покрылись слоем пыльцы и приобрели однотонную, зеленовато-желтую окраску. Даже запоздалый снегопад, который иногда случается в горах в начале лета, не смог бы так изменить облик ущелья. Ведь снег только добавляет еще один, белый цвет, подчеркивая яркость других красок.

Через несколько недель ели покрылись массой быстро растущих шишечек, которые с каждым днем темнели, приобретая нарядный буровато-фиолетовый оттенок.

Со дня на день следовало ожидать появления клестов. Эти непоседливые птицы кочуют по ущельям и хребтам в поисках лесов с хорошим урожаем семян. И хотя я не видел ни одного, по опыту знал, что интуиция не подведет их и на этот раз. Так оно и вышло. Клесты прилетели в середине июня, а спустя два дня их было так много, что просто невозможно себе представить, что они отсутствовали в этом ущелье больше года. Воздух наполнился «тиканьем» снующих во всех направлениях стаяк. Яркие оранжевые или красные самцы на макушках елей азартно пели свою громкую, не очень мелодичную песню. А вскоре появились и гнезда. В отличие от большинства других районов, где живут клесты-еловки, в Тянь-Шане они размножаются обычно не в конце зимы, а в августе — сентябре. Связано это с тем, что в конце лета созревают семена тяньшаньской ели, причем большинство из них сразу высыпается из шишек. Вот и приходится птицам подгадывать сроки выкармливания птенцов, чтобы они совпали с изобилием основной пищи — еловых семян.

Шел сентябрь. Заканчивалась экспедиция, а клестов с каждым днем становилось все больше. Кое-где за взрослыми птицами летали уже первые слетки. Их легко можно было узнать по прямым, неперекрытым клювам и скромной сероватой расцветке. У других пар птенцы еще сидели в гнездах, или шло насиживание. Было не ясно, насколько затянется время выведения птенцов в условиях богатого урожая семян ели, поэтому я решил после прекращения полевых работ периодически выезжать в горы, чтобы понаблюдать за птицами.

Так получилось, что смог я выбраться к клестам только в конце октября. Осень выдалась сухой и теплой, и даже у верхней границы леса еще не лег снег. Хорошая

погода привлекла в горы туристов, с неизбежными атрибутами — палатками, кострами. Опасения, что визит мой несколько запоздалый, быстро рассеялись. Ельник буквально кишел клестами, а когда я нашел пару, которая строила гнездо, то понял, что по крайней мере еще два ближайших месяца часть клестов будет занята семейными заботами. Поэтому следующее посещение наметил на начало января.

Обратный путь был омрачен одним обстоятельством: в ельнике начался пожар. Пламя огненным валом катилось вверх по склону, пожирая сухую траву и подлесок. Ели долго сопротивлялись огню. Иногда огонь успевал уходить далеко вперед и, казалось, что дерево выстояло. Но нет, вся ель вдруг вспыхивала, как факел. Столб огня взлетал на несколько десятков метров, и вот уже на месте зеленого великана остается лишь ствол с уродливо голыми, дымящимися ветвями. Над горящим лесом кружил вертолет. По крутой тропинке одна за другой уходили группы солдат с лопатами и топорами, а им навстречу спускались те, кто уже боролся с огнем — усталые, с почерневшими от дыма лицами и обожженными руками.

В январе я увидел последствия пожара. На большом участке склона до самого гребня стоял частокол обгоревших еловых стволов, на снегу под ними не видно было звериных следов, не доносилось из мертвого леса и птичьих голосов.

Поодаль, куда не простерлось огненное дыхание пожара, творилось что-то невообразимое. Обычно в эту пору в горах остается очень мало птиц. Причем основная масса их держится на прогреваемых открытых склонах, а в лесу так тихо, что слабый писк московки слышен за сотню метров. Даже такие лесные птицы, как корольки, пищухи, черногорлые завирушки, дерябы, покидают ельник в поисках пищи. Но в этот раз все было иначе. Лес гудел от птичьих голосов. Мало того, что здесь

остались его обычные обитатели,— над елями проносились стаи зябликов, юрков, чижей, чернозобых дроздов, свиристелей, прилетевших издалека. Всех привлек небывалый урожай еловых семян, совпавший, к тому же, с хорошим урожаем ягод рябины. И хотя часть семян высыпалась из шишек, покрыв снег под деревьями сплошной бурой коркой, пернатые ухитрялись находить себе достаточно пищи. Правда, добычикам это давалось нелегко: надо было осмотреть массу шишек, стаи кормящихся птиц, перелетая от ели к ели, двигались так быстро, что за ними невозможно было угнаться. Кто по-настоящему удивил, так это горные птицы, которые, из года в год обитая рядом с елями, обходились другими кормами. Во всяком случае, я раньше не наблюдал, чтобы еловыми семенами питались гималайские вьюрки, вороны и даже клушицы, которые своими длинными красными клювами так ловко потрошили шишки, будто всю жизнь только этим и занимались.

Что касается клестов, то они просто благоденствовали. Со всех сторон неслись их крики и пение. То и дело попадались парочки, которые несли корм птенцам в гнезда на заснеженных елях. Много было и молодых птиц, которые только начали самостоятельную жизнь. Создавалось впечатление, что клесты, используя благоприятные условия, после вылета птенцов первого выводка вновь загнездились.

В конце марта начался очередной полевой сезон. В горах по-прежнему масса птиц. Правда, теперь они кормились не в кронах елей, а на снегу. Постепенно стаивая, один за другим обнажались слои еловых семян, которые образовались зимой в интервалах между снегопадами. Причем самые глубокие прослойки этого своеобразного «слоеного пирога» были и самыми богатыми. Похоже было, что клесты, наконец, угомонились. Меньше их не стало, но песни раздавались все реже, да и новые гнезда не попадались. Большинство взрослых

птиц было занято докармливанием птенцов, которые, хотя и покинули уже давно гнезда и прекрасно летали, продолжали бессовестно вымогать у родителей подачку.

Однако оказалось, что я ошибся. В начале мая я услышал высоко в небе «тикание» летящих клестов и по привычке глянул в бинокль. Птиц оказалось две, и у одной из них была в клюве веточка. Долетев до крутого склона, густо поросшего елями, они спикировали вниз и скрылись в кронах деревьев. Обычно при строительстве клесты собирают веточки рядом на земле или даже обламывают их прямо с ветвей ели, на которой строят гнездо.

Идя на голоса птиц, ни на минуту не умолкавших, я довольно быстро нашел гнездо. Надо быть такой сумасшедшей птицей как клест, чтобы тащить простую еловую веточку за сотни метров, благо этого добра кругом хоть отбавляй. Самка всю строила, а самец пел на макушке соседней ели. Через несколько дней гнездо было готово, но на большее птицам не хватило времени.

В нем так и не появились яйца, а клесты, беспокойный народ, вдруг таинственно исчезли. И никто не мог бы сказать, куда они улетели и когда появятся вновь.

Перепелятники

Снег уже, было, сошел, но неожиданно-негаданно нагрянуло похолодание, и он снова завалил склоны. Я шел по редкому ельнику и рассматривал многочисленные следы на свежем снегу и вдруг краем глаза заметил, как какая-то довольно крупная птица тихо скользнула из

кроны одной из елей вниз и исчезла за заснеженными кустами. Заинтересовавшись, я осторожно пошел вперед, и не напрасно.

Едва я выглянул из-за кустов, как увидел на снегу самца ястреба-перепелятника. Такой ладненький, аккуратненький самчик. Светло-сизый верх головы, спина и хвост, грудь и брюшко в поперечную охристую полосочку, ярко-желтые лапы, оранжевые глаза и чисто-белое подхвостье — все это на фоне свежего, чистого снега смотрелось удивительно броско, просто не ястреб, а райская птица! В лапах у хищника был какой-то бесформенный комок, он наклонялся к нему, кажется, ощипывал и непрерывно твердил при этом тихим голосом «кы-кы-кы...». Так тихо, что расслышал я только с близкого расстояния.

Мало что поняв в странном поведении птицы, я принял далеко не лучшее решение — с громким криком бросился к ястребу, в надежде напугать его и вынудить бросить добычу. Напугать я перепелятника, быть может, и напугал, да и то не очень, во всяком случае добычи он не оставил, легко вспорхнул на соседнюю ель, но там не остался, а юркнул за деревья и исчез. Подойдя к тому месту, где сидел ястреб, я увидел на снегу несколько капелек крови и пару мелких перышек серо-бурого цвета, которые могли принадлежать кому угодно.

Подняв глаза от снега, я вдруг увидел, что прямо ко мне на высоте около метра над землей летит все тот же перепелятник с добычей в вытянутой лапе. Он снова опустился на снег в пяти метрах от меня и принялся клевать добычу, отрывая маленькие кусочки мяса.

И тут меня осенило: должно быть, это ручная, возможно, ловчая птица, улетевшая от хозяина. Я вытянул вперед руку в перчатке, чмокнул, крикнул «ка», затем «па», свистнул, короче, перебрал все известные мне способы подзывания ловчих птиц, но на ястреба мои за-

игрывания не произвели ни малейшего впечатления. Напротив, он даже отлетел на десяток метров, потом, правда, вернулся на прежнее место.

Ничего подобного мне раньше не приходилось видеть. И вновь я не придумал ничего лучшего, как напугать птицу. На этот раз перепелятник решительно не хотел пугаться. Он только перелетел на несколько метров, не забыв прихватить и добычу. Весь в мыле, я прекратил бессмысленную погоню. Все это уж слишком походило на забаву, которой часто тешатся сороки и вороны, провоцируя неопытных щенков на преследование. Я был слишком раздосадован, чтобы трезво оценить всю необычность поведения перепелятника и, вместо того, чтобы понаблюдать за ним, отправился дальше.

Эта история, возможно, и не имела бы продолжения, если бы я случайно через несколько дней не забрел на то место, где пытался отнять добычу у ястреба. Снег за это время заметно стаял, обнажились большие пятна сырой земли. И вот на одной из проталин, я заметил кучку перьев. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, кому они принадлежали: жертвой перепелятника оказалась маскированная трясогузка. Но меня заинтересовало другое — непонятная привязанность хищника к одному месту. Поискав немного, я на сравнительно небольшом участке обнаружил еще с полдюжины кучек перьев мелких птиц, среди них пеночек-теньковых, больших синиц, юрков. Несколько раз, пока я разглядывал перья, мне казалось, что кто-то следит за мной.

И, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, поднял голову: мои глаза встретились с немигающим взглядом желтых глаз, сверкнувших из-под еловой лапы. Это были дикие, неистовые глаза ястреба, но принадлежали они не давешнему самцу, а крупной самке перепелятника. Она сидела на ветке, рыхлая, как копна, какая-то нескладная. Была у нее и особая примета — горло и верхняя

часть груди имели почти такой же интенсивный серый цвет, что и верх головы. Такой серой манишки я прежде у других перепелятников не видел.

Самка сидела совершенно неподвижно, как изваяние, и бесцеремонно таращила на меня глаза. Можно было подумать, что этот лесок обладал непонятной привлекательностью для всех ястребов! Но где-то в подсознании уже родилась догадка, что неспроста тут держатся самец и самка, не случайно у них такое необычное поведение, они — пара! И сразу возник страх, как бы я своим глупым поведением не испортил, не помешал птицам, не испугнул их.

Словно каждая секунда имела решающее значение, втянув голову в плечи, быстрым шагом, не оглядываясь, не поднимая глаз от земли, я зашагал к ближайшим кустам. Только скрывшись за ними, рискнул остановиться. Посмотрев оттуда в бинокль на самку перепелятника, убедился, что она спокойно, как ни в чем не бывало, сидит на прежнем месте.

Самец появился через полчаса. Сначала я услышал знакомый крик, а затем показался и ястребок. Как и несколько дней тому назад, он сел на землю и принялся ощипывать принесенную добычу. Повторилась все та же картина: тихо приговаривая свое «кы-кы-кы», он пе-

релетал с места на место. Опустившись на землю, выдергивал у жертвы несколько перышек и снова перелетал. Вдруг рядом с ним опустилась самка.

Сейчас, когда они были рядом, она казалась особенно огромной, а самчик, напротив, таким маленьким. Но он, не обнаруживая тревоги, спокойно

отошел в сторону, самка подскочила, схватила добычу, энергично замахала крыльями и, взлетев на толстую горизонтальную еловую ветку, принялась жадно рвать мясо, заглатывая его большими кусками. Наблюдая за самкой, я на время оставил без внимания самца, хотя и видел краем глаза, что он перелетает с дерева на дерево. Однако, когда мне показалось, что он несколько раз повторил один маршрут, сразу переключился на него. Ловко лавируя среди деревьев, он подлетел к стоящей особняком усыхающей ели, опустился на одну из нижних ее ветвей, там немного повозился, снова взлетел, круто набрал высоту, нырнул в жидкую крону небольшой ели и оказался возле старого беличьего гайна.

Неужели строит гнездо? На гайне ястребок задержался на долю секунды и опять спланировал к сухой ели. На этот раз я следил в бинокль во все глаза и с восторгом увидел, как он резким боковым движением головы ловко отломил клювом небольшую сухую веточку. Строил перепелятник удивительно споро. Меньше минуты затрачивал на то, чтобы отломить веточку и отнести ее на старое гнездо. Правда, бросал он ее там как попало. Я уже начал сомневаться в его строительных способностях, как ястреб вдруг задержался на гнезде и принялся укладывать принесенные им до этого прутьи.

Самка не проявляла к его занятиям никакого интереса. Насытившись, долго и усердно чистилась, потом начала бестолково перелетать по макушкам соседних елей, а притомившись, уселась на ветку близко к стволу, зевнула и задремала.

В следующие несколько дней в поведении птиц мало что изменилось, но регулярные наблюдения позволили мне многое понять. Например, странные манеры самца, когда он с добычей с негромкими криками казалось бы бесцельно перелетает с места на место. Оказалось, что добыв птицу, перепелятник прямо на месте осуществлял предварительную обработку — отрывал у жертвы голову

и выдергивал хвост и уже в таком виде тащил ее самке. Подлетая к району гнезда, самец опускал вниз лапу с добычей, делая ее заметной издалека, и начинал кричать. Перелеты с места на место, крики, демонстрация добычи — все это — чтобы привлечь, заинтересовать самку.

Самец никогда не подлетал к ней с добычей, самое большее, что он себе позволял — это несколько раз пролететь мимо или сесть неподалеку и притвориться, что начинает сам есть. Всем своим видом ястреб показывал, насколько вкусна принесенная им птичка. Он энергично клевал, но отрывал при этом мизерные кусочки, все же иногда настолько входил в роль, что съедал добрую половину. Перепробовав все возможности для привлечения самки и не добившись ожидаемого результата, а такое случалось нередко, так как он явно закармливал свою подругу, самец взлетал на дерево и припрятывал там свою добычу. Были у него для этого и любимые места, «зачапки». Поработав часок на строительстве гнезда, он навевывался в «зачапку» и вновь начинал демонстрацию.

Самка не летала на охоту, не строила гнезда, но зато исправно несла «караульную службу», изгоняя белок и сорок. Лишь один раз за эти дни я видел, как она подлетела к гнезду, посидела в нем минутку, потрогала клювом веточки и улетела. Самец особенно интенсивно строил по утрам. Все веточки он обламывал с елей. Мелкие тащил в клюве, покрупнее — в лапах. При строительстве почти непрерывно издавал те же звуки, что и при демонстрации добычи.

Узнал я и суточную потребность перепелятников в пище: самец приносил самке четыре птицы, величиной с воробья, три съедал сам.

Еще бросилось в глаза почти полное отсутствие контакта между птицами. Если не считать момента передачи пищи, я не заметил у них никакого стремления быть

рядом, никаких брачных игр, ритуалов. Для меня до сих пор загадка, как перепелятники «договариваются» о брачном союзе. Даже в момент отдыха, обычно во второй половине дня, когда обе птицы по несколько часов подряд сидят неподвижно, они обычно устраивались в нескольких десятках метров друг от друга.

На четвертый день моих наблюдений за перепелятниками их жизнь, протекавшая однообразно и размеренно коренным образом изменилась. Утром самец, как обычно, притащил птичку и начал ее демонстрировать. Почти сразу к нему слетела самка, но весь фокус был в том, что самка-то была другая! Тем не менее, самец спокойно отдал ей добычу, а сам, не мешкая, приступил к строительству гнезда. Не успела новая самка клюнуть и трех раз, как на землю в метре от нее опустилась старая. Вид ее был ужасен. Только ястребиные глаза могут полыхать таким пламенем, излучать столько ненависти.

Самозванка подхватила лапой добычу и почти вертикально взлетела на ель, старая самка последовала за ней и села в трех метрах на другое дерево. Обе птицы замерли, пожирая друг друга глазами. Наконец, «законная хозяйка» бросилась вперед, вцепилась обеими лапами в добычу, с силой вырвала ее у соперницы и полетела прочь. Новая самка погналась было за ней, но вскоре вернулась ни с чем и принялась сверлить голодными глазами самца, который невозмутимо продолжал строить гнездо. Сообразив, что он него требуется, ястребок легко умчался, а через полчаса вернулся с добычей, отдал ее и вновь увлеченно начал работать. «За этого можно и подраться», — невольно подумал я. Очевидно, такого же мнения были и обе самки. Не стало покоя в маленьком лесочке. С утра и до вечера слышались крики, хлопанье крыльев, среди деревьев метались разъяренные самки. А самец не желал терять душевного равновесия — строил, кормил обеих соперниц и еще находил время отдохнуть.

Одно время мне казалось, что ни одна сторона не возьмет верха и уже начал опасаться, как бы самцу не пришлось строить второго гнезда и жить на два дома. Но постепенно начало вырисовываться преимущество, как это ни странно, новой самки. Несмотря на меньшие размеры, она сумела оттеснить соперницу, завоевав гнездовую территорию, а вместе с ней и право на самца. Еще несколько дней я встречал старую самку, которая сидела на почтительном расстоянии от гнезда. Все реже ей удавались лихие набеги за добычей, которую приносил самец, и, поняв, очевидно, что битва окончательно проиграна, она в один прекрасный день исчезла.

Самец от появления новой самки, похоже, ничего не выиграл. Строительством она интересовалась не больше прежней, аппетитом существенно не отличалась, только охрану территории она, пожалуй, вела энергичнее. Больше всего хлопот ей доставляли сороки. Под одобрительную трескотню товаров какая-нибудь из них начинала медленно приближаться к ястребиному гнезду. Незамедлительно следовала стремительная атака. Сорока, вопя, обращалась в бегство. Но проходило немного времени и следовала новая вылазка. Похоже было, что сорокам нравилось это «щекотание нервов». Они не слишком боялись ястребов, а вопили больше дурачась, чем от страха.

Шли дни, гнездо постепенно увеличивалось в размерах, а я с нетерпением ожидал, когда же в отношениях между ястребками появятся перемены.

Однажды, когда самка на толстой горизонтальной еловой ветке расправлялась с очередным «гостинцем», самец рискнул предпринять робкую попытку к сближению. Он подлетел к самке каким-то особым, порхающим полетом, завис над ней в воздухе, но она, приняв угрожающую позу, так гневно зыркнула в его сторону, что расшалившийся самец мгновенно был, что называется, низвергнут с небес на землю. Он, правда, отважился

все-таки присесть рядом, но самка не пожелала мириться с его присутствием, схватила добычу и перелетела на соседнее дерево.

И, тем не менее, через два или три дня я в первый раз наблюдал спаривание. Причем самец подлетал к самке таким же порхающим полетом. Затем он садился рядом и начинал кивать или кланяться, будто что-то склевывая с когтей, иногда вместе с ним то же самое проделывала и самка. Теперь она иногда позволяла ему посидеть немного рядом, а главное, стала проявлять интерес к строительству: несколько раз присаживалась на гнездо, пыталась укладывать веточки и даже начала самостоятельно носить стройматериал.

Чувствовалось, что сноровки ей в этом деле не хватает. Если самец на то чтобы отломить веточку, тратил обычно долю секунды, самка возилась по десять-пятнадцать минут. Вцепившись клювом в слишком толстую ветку, она, хлопая крыльями, бестолково тянула ее, прилагая массу усилий. Хотя, надо отдать ей должное, с каждым днем у нее получалось все лучше. Птица, несомненно, сумела извлечь урок из первых неудачных опытов. В отличие от самца, она не ограничивалась только сухими еловыми прутиками, а приносила и кусочки еловой коры, и веточки с зеленой хвоей, и даже ветки лиственных деревьев.

Изменилось поведение и у ястребка. Он, очевидно, сделал для себя окончательный выбор, и если теперь возле гнезда появлялась чужая самка перепелятника, преследовал ее не менее яростно, чем его подруга. Да и вообще он стал уделять охране гнезда заметно больше внимания, чем прежде, причем преследовал таких безобидных птиц, как дрозды, кукушки, большие горлицы.

А я терзался сомнениями. Очень хотелось засечь дату начала кладки, но для этого необходимо было лезть в гнездо. Можно было испугнуть птиц. Давно уже прошли те времена, когда я таился за кустами. Перепелятники

легко мирились с моим присутствием, и я выбирал для наблюдений любое удобное для этих целей место. И вот теперь возникла опасность, что они либо бросят гнездо, либо станут настолько осторожными, что наблюдения за ними сильно осложнятся, а то и вовсе станут невозможными.

После начала спаривания прошло несколько дней и я подозревал, что в гнезде уже есть яйца. Если бы мне удалось застать хотя бы неполную кладку, дату появления первого яйца можно было бы вчислить, ведь из литературы известно, что самка откладывает их через день. В конце концов я решил дождаться одной из редких отлучек от гнезда обеих птиц — у самки в последнее время появилась привычка поедать добычу в группе елок, а самец часто сопровождал ее — и попробовать заглянуть в гнездо с соседнего дерева. Если ястреба все же застанут меня, так сказать, на месте преступления, то, что буду находиться на другом дереве, послужит «смягчающим обстоятельством».

К счастью, все обошлось. С соседней ели с расстояния в три метра гнездо было как на ладони. Впервые видел я его так близко. Против ожидания постройка оказалась довольно аккуратной, а лоток — достаточно глубоким. Гнездо было пустым. В последующие дни еще два раза удалось проверить гнездо так, что об этом не узнали перепелятники. Результат был прежний. Только на шестнадцатый день с начала спаривания в гнезде появилось первое яйцо. Но прежде случилось то, чего я опасался.

Во время одной из проверок, когда на дерево лазил мой товарищ, прилетели обе птицы. Самка села рядом и начала тревожно кричать. Самец, напротив, никак не проявлял своих эмоций, но вдруг сорвался со своей присады, стремительно разогнался и атаковал, промчавшись в нескольких сантиметрах от головы непрошеного гостя. Прежде чем товарищ успел спуститься, самец еще несколько раз нападал, не рискуя нанести удар.

Долгожданное яйцо было белого цвета с большими, как кляксы, редкими темно-бурыми пятнами. С его появлением поведение ястребов снова изменилось. Они будто поняли, что времени осталось в обрез и дружно взялись за строительные работы, которые было совсем забросили. Пожалуй, только теперь самка почти не уступала самцу в трудолюбии. Это, надо сказать, явилось для меня неожиданностью, так как принято считать, что перепелятники приступают к насиживанию с первого яйца. Правда, самка действительно стала много времени проводить на гнезде, но она или сидела на краю, или, забираясь в лоток, стояла там на ногах, не обогревая яйцо.

Была и другая неожиданность. Через день после появления первого яйца я решил слазить, как обычно, на соседнюю ель, чтобы убедиться, что, как и полагалось, через сорок восемь часов появилось второе. Ничего подобного! И второе, и третье, и так до последнего, пятого, самка откладывала с интервалом в семьдесят два часа.

По-настоящему насиживать она начала, когда в гнезде стало три яйца. Ястреба в гнезде совершенно не было видно, только стоя под деревом, можно было разглядеть кончик хвоста, который слегка выдавался за край гнезда. Сидела самка очень плотно. Пришлось и самцу менять привычки. Убедившись, что никакими демонстрациями супругу из гнезда не выманишь, он вынужден был приносить добычу в гнездо. Прибавилось у него забот и с охраной территории.

Совершенно распоясались сороки. Они быстро смекнули, что самка им теперь не страшна и нахально лезли к гнезду. Бедный самец делал все от него зависящее, но что мог он противопоставить стае сорок?

Иногда они подбирались к гнезду так близко, что их отделяло от него не более двух метров. Но и в этом случае птица не слетала с гнезда, а только угрожающе приподнималась. И этого хватало. Сороки умолкали и быстро, как-то незаметно ретировались.

Нежелание самки перепелятника покидать гнездо создало трудности и для меня. Лазить на соседнюю ель потеряло всякий смысл — птица оставалась на месте, лишая возможности заглянуть в лоток. Пришлось лезть на дерево с гнездом. Ястребиха и на этот раз не улетела, но привстала, и этого было достаточно, чтобы пересчитать яйца. У самки был такой вид, будто она готова в следующее мгновение броситься вперед и вцепиться когтями мне в лицо. Самец тоже усердствовал. Он уже не обозначал атаки, а норовил всерьез ударить. Шлепки получались ощутимыми, хотя и не слишком болезненными.

С тех пор, как ястреба застали нас с товарищем при проверке гнезда, самец стал применять в отношении нас интересную тактику. Он, очевидно, для себя решил, что люди — существа безобидные, но назойливые. В профилактических целях их все же стоит, пожалуй, время от времени пугать. Будучи добросовестным во всем, перепелятник и мероприятия по запугиванию проводил регулярно. Заметив меня на моем постоянном наблюдательном пункте примерно в двадцати метрах от гнезда, он на секунду прерывал свои дела (например, утренний туалет), делал быстрый бросок и, мелькнув возле моего лица, взмывал на дерево и как ни в чем не бывало продолжал чиститься. Не упускал он случая и сделать ложную атаку попутно, отправляясь на охоту или за очередной веточкой для гнезда.

Чем меньше времени оставалось до вылупления птенцов, тем сильнее беспокоила меня судьба кладки. Одно за другим погибли три яйца. У них оказалась слишком тонкая скорлупа. Несмотря на то, что самка вела себя на гнезде исключительно осторожно, она все же повредила скорлупу трех яиц и их содержимое вылилось через образовавшееся отверстие. О подобных случаях в Западной Европе было уже много написано. Исследователи связывали истончение скорлупы хищных птиц с применением некоторых ядохимикатов. Они считали, что

это одна из основных причин резкого сокращения численности сапсана и некоторых других дневных хищников.

И вот настал, наконец, день, когда по моим расчетам должны были начать вылупляться птенцы. На гнездо с проверкой на этот раз полез товарищ. Самец атаковал его особенно яростно, самка кричала как никогда грозно. Я с нетерпением ждал результата и был по-настоящему счастлив, когда услышал, что один птенец уже вылупился, а другой шевелится в уже треснувшем яйце.

Самым счастливым, однако, был самец. Он буквально завалил самку кормом. Под любым предлогом и без него норовил лишний раз подлететь к гнезду и полюбоваться своими чадами. Момент вылупления ястребят совпал со временем массового вылета слетков мелких воробьиных птиц, что сильно облегчило охоту главе семейства. Едва улетев, он уже возвращался с добычей в когтях. Самка с птенцами, хотя и обладали отменным аппетитом, справиться со всем тем, что приносил заботливый отец, не могли.

Однажды я видел, как самка, дождавшись отлучки самца, схватила ощипанную тушку, валявшуюся в гнезде, и отнесла ее подальше, в соседнюю группу елок. Там она положила птичку на густое переплетение ветвей и совершила над ней своеобразный «танец»: работая крыльями, зависла над добычей и, выбрасывая то одну, то другую лапу, хватала ее и тут же отпускала. Размявшись таким образом, самка вернулась на гнездо, а птицу так и оставила на ветке.

Птенцы росли очень быстро, были крикливыми и прожорливыми. Уже на третий день после их вылупления я со своего наблюдательного пункта хорошо слышал их верещание, которое раздавалось каждый раз, когда мать начинала их кормить, осторожно подавая клювом маленькие кусочки мяса. Когда птенцы начали покрываться перьями, стало заметно увеличиваться разница между ними в величине. Несмотря на то, что вылупились они

почти одновременно, один из птенцов был почти вдвое крупнее другого. Я знал, что для перепелятников это нормальное явление. Разница между самцом и самкой уже в гнезде бывает очень заметной.

В заботах о пропитании, в непрекращающейся борьбе с сороками ястреба, спустя четыре месяца с тех пор как была уложена первая веточка гнезда, дождались наконец, вылета своих птенцов. Было, как никогда, много крика и волнений, но, в сущности, почти ничего не изменилось. Самка, как и прежде, почти неотлучно находилась при выводке, самец исправно таскал добычу, а птенцы, которые переросли родителей, оставались все такими же прожорливыми и крикливыми.

Я попробовал подсчитать, сколько птиц, величиной, примерно, с воробья, принес за это время самец — получилось больше тысячи, настоящая большая стая! Меня эта цифра поразила не в плане урона, который ястребиная семья наносит птичьему населению. Это, что называется «запланированные потери» и легко компенсируются высокой плодовитостью птиц. Но какой неутомимостью, каким охотничьим искусством надо обладать, чтобы изо дня в день, бесперебойно, в любую погоду обеспечить кормом и себя, и самку, и птенцов!

Специальными наблюдениями было установлено, что на одну удачную попытку ястреба приходится множество промахов. Сколько же попыток должен совершить самец перепелятников, у которого в гнезде не два, а пять или шесть птенцов?

К сожалению, охоту ястребов-перепелятников я наблюдал считанные разы. Броски всегда были внезапными и стремительными, и действительно, далеко не каждый приносил успех. Охотничья страсть у них нередко преобладает над чувством меры. Один раз я наблюдал, как самка перепелятника бросилась на взлетающего петуха фазана, некоторое время летела вместе с ним, вцепившись в спину, но затем была сброшена. Другой ястреб в пылу пого-

ни ворвался вслед за воробьем в здание школы, поймал-таки его, но и сам угодил нечаянно в школьный живой уголок.

Осенью, когда стало очень много перелетных перепелятников, я потерял своих ястребов из виду, но, зная об их привязанностях к своим гнездовым участкам, надеялся на новую встречу следующей весной.

Был пасмурный день конца марта, когда я вдруг увидел самца перепелятника, который тащил какую-то птичку. Подлетая к группе деревьев, в которой было прошлогоднее гнездо, он вытянул лапу с добычей и тихо закричал «кы-кы-кы...».

Симпатичные разбойники

В детстве я держал этих зверьков в неволе. Их легко приручить, они нетребовательны к пище, ну а облик сонь умилит даже равнодушных к природе людей.

Но шли годы, мне открылись другие черты зверьков и прежних симпатий как не бывало. Настоящее разочарование пришло во время работы по привлечению полезных насекомоядных птиц-дуплогнездников в искусственные гнездовья. Ранней весной мы развесили несколько сотен синичников в районе II ГЭС в Большом Алматинском ущелье в горных лесах. Проверку заселяемости гнездовий мы наметили на конец мая, но и без нее не сомневались, что опыт удался. То возле одного, то возле другого домика видели синиц. Гаички, москочки, большие синицы, князьки обследовали синичники, даже ссорились между собой из-за особо приглянувшихся. А когда пришла пора строить гнезда, на шершавых стенках летков многих гнездовий мы стали замечать клочки шерсти, которые застревали здесь, когда синицы с пучком стройматериалов шмыгали в домики.

Но вот настало время проверки синичников. Полные радужных надежд, приступили к делу. И действительно,

во многих гнездовьях, подняв крышку, обнаружили гнезда. Но в каком состоянии! Кто-то перевернул их, разорвал на клочки и теперь шерсть вперемяшку со мхом лежала беспорядочной кучкой на дне. Неужели проделки сонь?

Долго они нам не попадались, но в одном из синичников я заметил, что в обезображенном гнезде кто-то шевельнулся. Осторожно приподнял пальцем шерсть — так и есть, соня.

Вжавшись в угол, она свирепо таращила выпуклые черные глаза и вздрагивала от злости. «Ты-ты-ты-ты», — угрожающе запищала соня и вдруг бросилась на руку. Не успел я и глазом моргнуть, как она, больно цапнув меня за палец, взбежала по рукаву на плечо,

а оттуда бесстрашно прыгнула с пятиметровой высоты в густую траву под деревом.

Исчезла она с потрясающей скоростью.

К концу проверки хорошего настроения как не бывало! Всего в нескольких синичниках оказались птичьи гнезда с яйцами, иногда с птенцами. В остальных же мы находили или следы пребывания лесных сонь, или самих зверьков. Причем, они оказались весьма коммуникабельными созданиями. В одном домике зачастую сидели две-три, а однажды — пять сонь. Мне даже стало как-то не по себе, когда в одном из гнезд я увидел пять пар настороженно смотрящих черных глаз. Над пятью рыльцами топорщились и шевелились длиннющие усы. Каза-

лось просто невероятным, что в таком тесном помещении (внутренние размеры синичников десять на десять сантиметров) может поместиться столько достаточно крупных зверьков. И, главное, зачем? В двух десятках метров висел другой синичник, в котором вообще никого не оказалось.

Сони безжалостно уничтожали кладки, птенцов и даже взрослых птиц. В одном синичнике мы нашли их жертвы — четыре уже оперившихся птенца и две взрослые джунгарские гаички. Здоровенная, жирная соня, поселившаяся здесь, даже не потрудились выбросить убитых птиц, а устроила свое гнездо прямо на разлагающихся трупах. Я живо представил себе, как самоотверженные родители, пытаясь спасти птенцов, сами бросались в лапы сильного и лучше вооруженного противника и вдруг почувствовал, что симпатий к соням больше не испытываю. Особенно часто трупы взрослых птиц попадались вместе со скорлупой раздавленных яиц. Скорее всего, сони, ведущие ночной образ жизни, нападали на насиживающих синиц в темноте и те спросонья не успевали ни выскочить, ни оказать сопротивление.

Однажды соня, забравшаяся в скворечник, сумела справиться со скворчатами, которым до вылета оставалось от силы дня три.

Вот и получилось, что развесив искусственные гнездовья, мы оказали птицам медвежью услугу. Надо было искать какой-то выход. Быть может, развешивать синичники на таких деревьях, которые сони по каким-либо причинам избегают, или, может быть, на недоступной для них высоте? Проверили. Оказалось, сони лазают по любым деревьям и на любой высоте. Оставалось последнее — изменить конструкцию гнездовий таким образом, чтобы они, оставаясь пригодными для птиц, стали недоступными для зверьков. Можно, например, попытаться уменьшить диаметр летка. Что ж, для самых мелких синиц — москотов и князьков — это, пожалуй, выход.

Во всяком случае взрослой лесной соне не протиснуться в такое узкое отверстие, в какое могут пролезть эти синички. Ну а как же большие синицы и джунгарские гаички?

Раньше уже пытались бороться с проникновением сонь в гнездовья, облицовывая жестью переднюю стенку, но металл быстро ржавел, поверхность его становилась шершавой и зверьки, обладающие острыми коготками, не испытывали ни малейших неудобств при проникновении в домики.

На этот раз решили облицевать переднюю стенку синичников пластиком. Уж он-то всегда будет гладким. Оставалось правда неясным, как к облицовке отнесутся птицы, не отпугнет ли она их. Но пока самым важным было установить эффективность пластика в борьбе с сонями, а уж если он себя хорошо зарекомендует, можно будет найти облицовку и окраской и рисунком «под дерево», которая наверняка понравится птицам.

Тем временем во многих синичниках, занятых лесными сонями, появились их детеныши. Я подумал, что, если к передней стенке такого гнездовья прибить пластиковую пластину с отверстием против летка, то можно очень быстро получить результат. Ведь самка приложит максимум усилий, чтобы попасть в синичник, в котором остались ее детеныши. Вскоре нашел подходящее гнездовье. Домик висел на яблоне на такой высоте, что до него свободно можно было дотянуться рукой. В нем жила соня с четырьмя еще голыми слепыми детенышами. Когда я снял синичник, взрослый зверек выскочил и мгновенно скрылся в зарослях шиповника. Быстро прибив облицовку, повесил гнездовье на место, а сам решил на полчаса уйти, чтобы дать успокоиться перепуганной самке.

Вернувшись назад и не обнаружив поблизости сони, я снял крышку и заглянул в синичник. Зверька и там не оказалось, но самое удивительное то, что из четырех детенышей там остался только один. Странно... Выронить

их пока прибывал облицовку я не мог, самостоятельно им не выбраться, неужели самка?! Быстро повесив домик на место, я отошел на несколько метров и приготовился ждать. Впрочем, ждать не пришлось. Едва отошел, как заметил на стволе яблони движение. Это спешила за последним детенышем лесная соня. Вместо того, чтобы карабкаться к летку по передней стенке, она побежала по тонкой горизонтальной веточке отходившей от ствола чуть выше синичника. Оказавшись почти на уровне летка, она на секунду замерла, словно прицеливаясь, и прыгнула. Прыжок был точным. Соня скрылась в домике, а несколько секунд спустя снова появилась с детенышем в зубах. Путь назад с ношей, оказался еще проще. Не мудрствуя лукаво, соня прыгнула прямо вниз, на густые переплетения ветвей шиповника, и исчезла.

Итак, неудача. То, что сони способны так ловко прыгать, оказалось неожиданностью. Развешивать облицованные искусственные гнездовья, таким образом, чтобы поблизости не было веток с которых зверьки смогли бы прыгать в летки, практически невозможно. И в дальнейшем мы так и не смогли придумать ничего толкового. Вот и получилось, что маленький симпатичный зверек с бурой шерсткой, черными глазами и пушистыми усами стал серьезным и пока непреодолимым препятствием для привлечения синиц в горных лесах.

Улары

По-настоящему близко, так, чтобы каждое перышко было видно, мне пришлось увидеть уларов только раз, и случилось это в первый год работы в горах Заилийского Алатау. В тот день я забрался довольно высоко. Позади остались последние ели, да и кусты арчи здесь уже не образовывали сплошных зарослей, а темнели отдельными пятнами на склонах со скудной растительностью. Немного

выше, ближе к гребню, выстроился ряд скальных лбов, иссеченных глубокими вертикальными трещинами.

Мое внимание привлек великолепно расцвеченный самец черногрудой красношейки. Тревожно попискивая, он перебегал от одной куртины арчи к другой, но держался на почтительном расстоянии. Мне захотелось найти гнездо этой птицы, хотя шансов на это, конечно, было немного. Отойдя на такое расстояние, чтобы не беспокоить красношейку, но и не терять ее из виду, я устроился на небольшом кустике арчи, положив на него предварительно рюкзак. Тем временем погода изменилась. Налетел порывистый ветер, посыпала снежная крупа. Поднял капюшон штормовки, но все равно было холодно и неуютно, и уже собирался прекратить наблюдения и повернуть назад, как надо мной со свистом пронеслись две крупные птицы и опустились на землю метрах в трех.

Это были улары. Сжавшись в комок, я застыл, рассматривая из-под капюшона птиц. Никакое, даже самое хорошее чучело, не говоря уже о тушках, фотографиях и рисунках, не может дать полного представления о них. Улара надо видеть в свойственной ему обстановке. Тонкий струйчатый рисунок серого верха тела, черные с рыжей каймой полосы на боках, светлое с темными поперечными пестринами пятно на груди, белое горло с рыжей окантовкой, серая с темными отметинами голова — все это лишь грубые приметы очень строгого и гармоничного оперения темнобрюхого улара.

Но самое удивительное — движения птиц. Хотя я и сидел неподвижно, улары все же сочли за лучшее отойти подальше. Они вдруг вытянули шеи, опустив головы почти до земли и плавно зашагали прочь. Тела, занявшие параллельное земле положение, ни разу не вздрогнули, не колыхнулись, настолько точными и выверенными были движения. И было еще что-то, что делало походку уларов абсолютно не похожей на все то, что мне до сих пор приходилось видеть. Я долго ломал себе голову, в чем

же дело, пока вдруг не осенило: обычно у птиц при каждом шаге голова и шея относительно тела немного, но смещаются. Это выглядит так же естественно, как движения рук человека при ходьбе. У этих птиц все, от клюва до кончика хвоста, оставалось неподвижным.

Удалившись метров на пятнадцать, птицы остановились. Одна из них, что покрупнее, очевидно самец, вдруг подняла и распустила хвост, и очень важно и церемонно начала прогуливаться вокруг другой. При этом улар отдаленно напоминал индюка и стало понятно, почему этих птиц иногда называют горными индейками. Сделав несколько кругов вокруг самки, самец подошел к крупному камню и вдруг вспрыгнул на него, даже не взмахнув крыльями, с легкостью и изяществом, невероятными для такой крупной и грузной птицы. Потоптавшись с минуту, он вытянул шею и издал длинный и мелодичный свист. Где-то совсем неподалеку ему откликнулась другая птица.

В это время еще сильнее повеяло сыростью и по склону поползли клочки густого тумана. Не прошло и минуты, как все вокруг скрылось в молочной пелене. Из тумана еще несколько раз доносился свист улара, затем все стихло. Туман рассеялся так же внезапно, как и появился. Уларов нигде не было видно, исчезла и черногрудая красношейка. Я встал, надел рюкзак и побрел вниз по склону.

Но что это? Впереди на серо-зеленом фоне то вспыхивали, то гасли какие-то белые блики. Я поднял бинокль и увидел двух дерущихся уларов. Белыми пятнами, привлекавшими мое внимание, оказались крылья птиц, которыми

те беспорядочно молотили, бросаясь друг на друга. Улары дрались так самозабвенно, что я решил, соблюдая, конечно, осторожность, подойти ближе. И это мне удалось. Я притаился за камнем. Схватка принимала все более ожесточенный характер. Хорошо было слышно хлопанье крыльев. В конце концов драчуны, вцепившись друг в друга, покатались, теряя перья, вниз по склону и скрылись за бугорком. Решив использовать этот момент, чтобы подкрасться еще ближе, я выскочил из-за камня, но не пробежал и нескольких шагов, как из-под самых ног вылетел третий улар. Наверное, это была самка, которая, как и я, наблюдала за поединком.

С тревожным бульканьем она понеслась над склоном, к ней незамедлительно присоединились и два самца — даже во время жестокой драки они не изменили присущей уларам осторожности. Так треугольником — самка впереди, самцы чуть сзади — они словно тройка боевых самолетов, не нарушая строя, планировали на раскрытых крыльях, плавно огибая препятствия, пока не скрылись с глаз, перевалив через гребень.

С тех пор я не упускал случая понаблюдать за темнобрюхими, или как их еще называют, гималайскими уларами, стремясь получше узнать этих замечательных птиц. Но это дело непростое. Зоркие и осторожные птицы всегда начеку. Обнаружить неподвижного улара даже на открытом месте, где вроде и спрятаться негде, практически невозможно. И даже если повезет увидеть бегущую птицу, стоит ей замереть, как она исчезает, становясь неотличимой от валунов.

И тем не менее, постепенно, по крохам, передо мной раскрывались все новые стороны жизни темнобрюхих уларов. Как и многие другие горные птицы, они ежедневно кочуют от мест ночевки на кормежку и обратно. Свойственно им и пристрастие к солонцам, которые улары регулярно посещают. На одном солонце я обнаружил несколько овальных ямок — птицы купались в пыли.

Жилого гнезда мне, к сожалению, так и не удалось найти. Однажды в начале осени я наткнулся на старое гнездо со скорлупками яиц, из которых давным-давно вывелись птенцы. Оно помещалось в ямке под небольшим кустиком на скалистом уступчике крутого склона. Судя по количеству зеленовато-бурых с темными крапинками скорлупок, в гнезде было не меньше пяти яиц. Перьев, которые по описаниям должны быть в выстилке лотка, я не обнаружил — должно быть, их растаскали для строительства своих гнезд мелкие пичуги. С выводками мне повезло больше — несколько раз я вспугивал птенцов величиной с куропатку. С ними всегда была самка. Дружной стайкой они обычно срывались при моем приближении и перелетали, планируя, на другой склон. Только один раз мне пришлось увидеть пуховичка. Он лежал на тропе, по которой ходили альпинисты. Кто-то наступил на птенца и даже не заметил этого.

А вот охоту хищников на уларов я наблюдал дважды, собственно, в обоих случаях это были фрагменты охот. Как-то раз в окрестностях Большого Алматинского озера солнечным майским днем я любовался крупным уларом. Он стоял на небольшой прогалине среди кустов арчи и время от времени свистел. И вдруг, поперхнувшись, отчаянно закричал, захлопал крыльями и стремительно полетел вдоль ущелья. Ничего не поняв, я посмотрел на то место, где только что стояла птица, и увидел на прогалине лису. Она держала в пасти клочок перьев и долгим взглядом провожала удаляющегося улара. На выразительной морде хищника было заметно такое неподдельное разочарование, что я от души ему посочувствовал. Когда улар скрылся, лиса с чувством выплюнула перья и, брезгливо их понюхав, тряской рысью побежала по своим делам.

В другой раз я наблюдал охоту зимой. Дело было в Правом Талгаре в районе, где обосновалась научная база Алма-Атинского заповедника. Однажды утром я

услышал крик улара — звук, надо сказать, здесь, на высоте тысяча шестисот метров не совсем обычный. Случись это на километр выше, я, наверное, не обратил бы на него внимания, но в то утро сразу же выбежал на открытое место и успел заметить в просвете между елями, как вниз по ущелью на огромной скорости мчался непрерывно кричащий улар. Едва он скрылся, как вслед за ним, только еще гораздо быстрее, со свистом, черной тенью мелькнул беркут. Что есть духу я побежал вниз к речке, через мост на другую сторону и, взобравшись на береговой откос, увидел сидящего далеко впереди на снегу беркута.

В бинокль я увидел полурасправленные крылья, вздыбленные перья на затылке, приоткрытый клюв и горящие глаза разгоряченного охотой хищника. Улар,

конечно, был уже мертв. Одной хватки могучих лап с огромными когтями было бы достаточно, чтобы мгновенно убить добычу и покрупнее. Я издали наблюдал, как он тщательно ощипал жертву и без спешки приступил к трапезе.

Когда орел, насытившись, тяжело поднялся и улетел, я подошел к этому месту. Меня интересовали две вещи: догнал ли беркут улар в воздухе или схватил его уже на снегу и сколько способен съесть самый крупный орел нашей фауны за один присест. Судя по следам, улар все же успел приземлиться, с размаху шлепнувшись грудью в снег. Быть может, он надеялся уйти под него, но снег здесь оказался слишком плотным и недостаточно глубоким. В когтях хищника улар оказался прежде, чем успел вскочить на ноги. Ну а аппетит у орла оказался отменным. В куче перьев лежал лишь почти начисто обглоданный скелет, крылья и кишечник. Значит беркут проглотил не менее полукилограмма мяса, что даже для крупного экземпляра — самые большие беркуты могут достигать пяти-шести килограммов веса — очень солидная порция.

Мысленно я пытался восстановить ход охоты с самого начала, но так и не придумал, что могло заставить улара искать спасения в воздухе, где все преимущества на стороне хищника. Непонятным было и другое: почему улар не попытался забиться в кусты так, как это делают кеклики, спасаясь от преследования тетеревятников и тех же беркутов? Ведь от ближайших мест обитания уларов два-три километра и на этом пути можно было найти достаточно укромных мест. Скорее всего, охваченная ужасом птица помышляла лишь о том, чтобы оторваться от преследовавшего ее хищника.

Больше всего темнобрюхих уларов мне довелось увидеть во время учета копытных с борта вертолета в верховьях Левого и Среднего Талгара. Был ослепительно ясный ноябрьский день. Под нами проносились грандиозные

скалистые кряжи, утопающие в снегу. И всюду над искрящимися склонами одиночками, небольшими группками и стаями в несколько десятков птиц скользили темные силуэты уларов с распластанными крыльями.

Подсчитать птиц, вспугнуть вертолетом, оказалось делом очень сложным. Сверху было почти невозможно отличить самих птиц от их теней на снегу, особенно в больших стаях. На меня произвело огромное впечатление не столько обилие уларов, сколько та обстановка, в которой мы их встречали — черные скалы и белый снег, фантастическая, прекрасная, но, казалось, мертвая высокогорная пустыня, в которой нет места живому существу. Даже тэков, настоящих горцев, мы видели значительно ниже, у верхней границы леса. Кстати, об уларах пишут, что они зимой часто следуют за козлами, отыскивая корм на участках, где эти звери сильными ногами разгребают снег. Но, выходит, птицы могут самостоятельно прокормиться там, куда даже тэки избегают забираться зимой.

Да, встречаются еще улары в горах Заилийского Алатау, птицы сильные и прекрасные, сумевшие найти свой дом среди суровых скал и неприступных вершин, которые стали для них надежной крепостью, и, хочется надеяться, на вечные времена.

Пищухи

Протяжный свиристящий писк раздавался где-то рядом, но я никак не мог обнаружить птицу, издававшую его. Замечал и раньше, что очень трудно определить направление, откуда доносится голос обыкновенной пищухи — казалось, что он слышится со всех сторон одновременно. А тут еще без умолку бубнящий над головой вяхирь: будто высоко в кроне ели сердито переговариваются два человека. Грубые звуки почти заглушали

тихий писк пищухи. Несколькими минутами раньше я заметил, как пищуха с еловой веточкой в клюве стремительно мелькнула в просвете между деревьями и скрылась, нырнув под ель, густые ветви которой спускались почти до земли. Я поспешил за птицей.

Несмотря на то, что все время слышался ее голос, она оставалась невидимой. Тогда я решил сначала отыскать гнездо. Ствол старой мощной ели, в ветвях которой скрылась пищуха, был покрыт корой, изобиловавшей трещинами, в нескольких местах она слегка отстала от него, образуя небольшие полости. Словом, здесь было все, что так привлекает этих птиц. Но самые тщательные поиски не дали результата, и настораживало, что птица не попадалась на глаза.

Случайно бросил взгляд на высохшую осину, которая стояла в нескольких метрах от ели. Ствол ее в верхней части был избуравлен дуплами дятлов, кора почти везде отпала и только внизу, примерно в полутора метрах от земли, уцелел небольшой кусок. Он сильно изогнулся наподобие желоба и едва держался.

Только успели подумать, что, не питай пищухи такого пристрастия к елям, они не смогли бы найти лучшего места для гнезда, как увидел птицу с прутиком. Она быстрыми мелкими прыжками продвигалась вверх по осиновому стволу, добралась до коры и скрылась в щели между корой и стволом. Теперь я заметил, что в одном месте из-под коры торчит целый пучок еловых веточек. Да, не оставалось никаких сомнений — это гнездо.

В нижней части лесного пояса, где в отличие от верхней наряду с елью растут осины и некоторые другие лиственные породы деревьев, я работал первый год. Поэтому все известные мне до сих пор гнезда обыкновенных пищух помещались в елях или еловых пнях. Теперь же убедился, что эти птицы гнездятся и на осинах. Более того, в дальнейшем, в течение пяти лет, все гнезда пищух, которые я находил, были только на этих деревьях.

Ну а пока это было для меня полной неожиданностью и я решил понаблюдать за строящей птицей.

Пищуха, пробыв с минуту в гнезде, выбралась наружу, но не сверху, куда залетела с веточкой, а сбоку, в щель, едва черневшую из-под коры. Тихо пискнув, она слетела на землю, подобрала очередную сухую еловую веточку, которая в сравнении с птицей казалась не-померно большой. Вместо того, чтобы сразу лететь к гнезду, как это сделала бы любая другая птица, пищуха поковыляла к осине по земле. Когда она, наконец, добралась до дерева, движения ее стали сразу увереннее, а продвижение — более быстрым. Опираясь на длинный жесткий хвост и цепляясь за ствол острыми коготками, она двигалась резкими толчками так, как это делают дятлы. Несколько раз пищуха улетала за прутиками подальше. Но и в этом случае, вместо того, чтобы сразу подлететь к гнезду, она присаживалась на ствол значительно ниже и остаток пути проделывала «пешком».

Все время, пока я наблюдал, строила одна птица, наверное, самка, и уже когда собирался уходить, недалеко раздалась громкая, красивая свистовая песня самца. Затем появился и он сам, небрежно сунул в клюв самке пучок каких-то мелких насекомых, подлетел к гнезду посмотреть, как продвигается работа, и снова исчез. Самка, впрочем, не казалась обескураженной таким невниманием и с прежним усердием продолжала строить.

Когда через несколько дней я подошел к гнезду пикух, меня встретил тревожный писк. Самка только что принесла перышко, но мое появление потревожило ее. Она поспешно перебралась на противоположную сторону

ствола осины и теперь, испуганно попискивая, осторожно выглядывала, словно нашкодивший щенок, время от времени высовывающий нос из-под дивана, чтобы разведать, не произошло ли потепление в домашнем климате. Постепенно осмелев, пищуха выбралась из-за ствола, но в гнездо сразу идти не рискнула, а кружила вокруг.

В это время прилетел самец и сел на ствол соседней ели. Птицы некоторое время перекликались, затем самка, ободренная, очевидно, присутствием самца, который в случае опасности мог предупредить ее, скрылась под корой, мгновенно выглянула снова — обычная уловка многих птиц — и, убедившись, что я остался на месте, наконец пошла в гнездо.

После того, как обе птицы улетели, я подошел и осмотрел сооружение. Три четверти толщины гнезда составляло рыхлое основание из беспорядочно наваленных еловых веточек, часть которых выглядывала из-под коры наружу. Зато лоток выглядел очень уютным и состоял почти целиком из перьев.

В следующий свой визит я застал уже полную кладку, которая состояла из пяти белых яиц с бурыми крапинками. Они буквально утопали в пышном ложе из перьев. Насиживала яйца только самка, которую иногда подкармливал самец.

Я с нетерпением ожидал появления птенцов, так как рассчитывал именно в этом гнезде собрать материал по их питанию. Привлекла меня небольшая высота расположения гнезда, в которое можно было забраться, не влезая на дерево. И вот, наконец, птенцы вылупились, и через полторы недели достигли необходимого возраста: их покрывали пеньки-чехлики, в которых спрятаны будущие перья. На некоторых пеньках появились уже кисточки.

Дождавшись когда родители улетели на поиски корма, я достал из гнезда птенцов, быстро наложил лигатуры

и вернул их на место. Лигатуры — это специальные ошейники из тонкой медной проволоки с изоляцией, которые одевают на шею птенцам таким образом, чтобы они, не затрудняя дыхания, мешали продвижению пищи в пищевод. Теперь нужно было дожидаться, когда взрослые птенцы отдадут им корм и маленьким пинцетом осторожно вынуть его из глотки. Трудность заключается в том, что проделывать это следовало очень быстро. Иначе взрослые пищухи, застав человека у гнезда, разволнуются и перестанут кормить птенцов.

И вот эта необходимая поспешность на сей раз испортила мне все дело. Пищухи носят корм очень часто, иногда и минуты не проходит, как они вновь появляются с добычей у гнезда. Поэтому, едва дождавшись, пока родители скроются, я выскочил из укрытия, что есть духу кинулся к осине, запустил руку под кору и... одного неосторожного движения хватило, чтобы и так еле державшийся кусок отвалился и вместе с гнездом рухнул на землю. Птенцы вывалились на траву, но гнездо каким-то чудом в полной сохранности осталось в коре, будто оно было к ней приклеено.

Что же делать? Первым делом снять лигатуры, они все равно уже не понадобятся, тем более, что взрослые пищухи уже прилетели и с ужасом взирали на картину разрушения их домашнего очага. Ну а потом следовало попытаться как-то спасти гнездо. Освободив от лигатур птенцов, я посадил их в футляр от бинокля, чтобы они не расползлись, и принялся за восстановление гнезда. К счастью у меня оказался достаточно длинный шнурок, которым к поясу был привязан перочинный нож: таким нехитрым способом удалось приостановить пропажу ножей, которых в иной сезон я терял по три-четыре штуки. Приложил кору с гнездом к стволу осины точно в том месте, где она до недавнего времени находилась, и крепко привязал ее шнурком, которого хватило на два оборота.

Своей работой я остался доволен, кусок коры теперь

держался гораздо надежнее, чем до ремонта. Но как отнесутся к этой реставрации пищухи? Осторожно переложив птенцов из футляра в гнездо, я ушел на максимальное расстояние, с которого все же можно было бы понаблюдать. Несколько раз надежды сменялись разочарованием, прежде чем пришла уверенность, что родители не бросили гнезда и продолжают кормить птенцов. Но, конечно, о том, чтобы продолжить попытки получить пробы пищи, не могло быть и речи. Птицы вряд ли потерпели бы мое присутствие.

Нет худа без добра. В справедливости этой поговорки я убедился, когда пришел на следующий день, чтобы еще раз проверить, не имела ли моя неловкость каких-нибудь последствий. Подходя к сухой осине, я увидел орудовавшую у гнезда сороку. Уцепившись лапками за кору, она пыталась дотянуться до гнезда, но оно было слишком глубоко. Тогда сорока попробовала отодрать кору — шнурок от ножа держал крепко. В бессильной злобе сорока выдернула несколько веточек, торчавших из-под коры, и убралась восвояси. Пожалуй, не будь моего шнурка, гнездо было бы обречено. Я окольцевал птенцов и решил до их вылета больше пищух не беспокоить.

Наконец наступил день, когда, по моим предположениям, молодые должны были покинуть гнездо. Во владения пищух я попал лишь в конце дня. В гнезде птенцов не оказалось, да и поблизости ничего не говорило об их присутствии. Неужели добрались-таки хищники до гнезда? В слабой надежде все же услышать где-нибудь голоса молодых птиц, которые не могли в первый день улететь слишком далеко, я присел под старой елью, на которой когда-то искал гнездо пищух. Время шло, надежды все оставалось меньше.

И вдруг я увидел их, всех пятерых. Увидел в метре от себя на стволе ели, на которую за последние полчаса смотрел, наверное, сотню раз. Тесно прижавшись друг

к другу, они висели на коре, совершенно сливаясь с окружающим фоном. Наверное, я обнаружил их благодаря глазам-бусинкам одного из птенцов, который в упор смотрел на меня. Словно поняв, что дальше прятаться не имеет смысла, они враз разлетелись, кто куда, мгновенно исчезнув из поля зрения. Что ж, такие не пропадут! Можно смело записать в дневник: «Птенцы благополучно вылетели».

Радость новых встреч

За несколько лет работы в Заилийском Алатау мне ни разу не приходилось встречать кутор, этих некрупных водяных землероек, я даже не подозревал, что они водятся в здешних речках. Поэтому при первой встрече с одной из них не сразу понял, что за зверек передо мной.

Случилось это на большом высокогорном плато Ассы, а вернее, в одном из ущелий горного гребня, ограничивающего его с востока. Склоны этого ущелья поросли арчой, в основном, древовидной формы. Здесь, конечно, нет таких великанов, как в Западном Тянь-Шане, но отдельные деревца достигают четырех-пяти метров высоты. В других местах я тоже изредка находил кусты арчи, стволы которых не стелились, как обычно, по земле, а поднимались вверх, наподобие древесных, но в этом ущелье их была целая рощица. Когда-то она была солиднее и больше, но чабаны из года в год вырубали на топливо целые участки и, наверное, через несколько лет от нее останутся одни пни. По дну ущелья бежала небольшая речка с чистой холодной водой.

Я шел по берегу речки с удочкой в руках, безуспешно пытаюсь ловить голых османов. По словам знатоков, рыбы тут было очень много. Глядя на ручеек, от силы двух метров шириной, по которому смело можно было

бродить в сапогах, не опасаясь, что их зальет вода, плохо верилось, что рыбаки не преувеличивали. Правда, иногда казалось, что я вижу какие-то неясные тени, молнией проносившиеся над каменистым дном, но уверенности, что это рыбы, не было.

Поэтому, когда в очередной раз закинув крючок, как меня учили, в кипящий водоворотик, образовавшийся за большим выступающим из воды камнем, неожиданно для себя вытащил здоровенную рыбку, то больше удивился, чем обрадовался. «Здоровенную» конечно, громко сказано, но прежде самые крупные мои трофеи редко превышали длину пальца, а красивый осман, бившийся на земле, был раза в полтора длиннее моей ладони. Заменяв наживу, я вновь решил попытать счастья на прежнем месте и опять удачно. Не прошло и десяти минут, как я, не сходя с места, поймал еще семь или восемь османов.

Вдруг внимание привлек необычный звук, доносившийся как будто из груды небольших камней на противоположном берегу речки. Больше всего он походил на стрекотание летучей мыши. Я сразу же представил, как будет удивлен и обрадован мой товарищ, занимающийся изучением летучих мышей, если мне удастся поймать экземпляр, живущий в камнях.

Отложив в сторону удочку, я вброд осторожно направился к противоположному берегу. Вот и камни. Не выходя из воды, остановился прямо против них. Овальная невысокой кучей, площадью в три квадратных метра, они лежали на пологом берегу так, что часть камней омывалась водой. Звуки, затихшие было при моем приближении, раздались вновь, совсем рядом.

Я замер, напряженно прислушиваясь, и пытался определить место, из которого они исходят. Но оказалось, что источник пронзительного стрекотания быстро перемещается, ни минуты не оставаясь на месте. Никогда не предполагал, что летучие мыши на земле, а точнее под

камнями, способны на такую прыть. Задача осложнилась. Если раньше я рассчитывал, отвалив один-два камня, обнаружить беспомощное рукокрылое, то теперь стало ясно, что даже перевернув всю кучу, рискую остаться ни с чем.

Размышления прервало появление на одном из камней какого-то черного шарика. Он тут же скользнул вниз и исчез, но этого мгновения хватило, чтобы понять: мне не придется обрадовать товарища — существо, мелькнувшее передо мной, могло быть кем угодно, но только не летучей мышью.

Заинтригованный больше прежнего, я удвоил внимание и вскоре вновь заметил зверька. На этот раз мне удалось рассмотреть его получше. Он оказался величиной с полевку, верхняя сторона тела была покрыта густой, короткой, бархатисто-черной шерстью, брюшко же, напротив, было чисто-белым; движения существа отличались стремительностью, а само оно — непоседливостью. Ясно было и то, что ничего похожего я раньше не видел. Зверек сам подсказал мне ответ на мучивший вопрос,

продемонстрировав все, на что способен. Он вдруг появился среди камней на самом берегу и, спустя мгновение, исчез в воде, а еще секундой позже я услышал крик за спиной. Оглянувшись, я увидел его на мокрой коряге, застрявшей меж валунов посредине речки.

Конечно же, это кутора. Догадка пришла, когда зверек исчез под водой. Словно понимая, что прятаться уже не имеет смысла, кутора не спеша обследовала корягу, шевеля усами. Потом пронзительно защебетала, метнулась к воде, стремительно поплыла по поверхности, нырнула, и я увидел, как в прозрачной воде рядом с моими сапогами промелькнул серебристый шарик. Несмотря на сильное течение, он быстро продвигался вперед, и вот уже зверек выскочил на поросший мхом участок берега в нескольких метрах от кучи камней, выше по течению. Здесь мгновенно исчез во мху, но не надолго. Опять раздался стрекот и в воду одна за другой бросились уже две куторы. С визгом и щебетом выскакивали, словно поплавки, на поверхность, снова ныряли и как два пульсирующих ртутных шарика скользили в глубине. И все это в бешеном темпе.

Особенно поразило меня, что они великолепно ориентировались в быстрине, неизменно точно выныривая или у хорошо натопанной дорожки во мху, или у камней, где я их впервые заметил, или у коряги. Не менее удивительной была та метаморфоза, которая происходила с окраской кутор, едва они скрывались под водой. Правда, я догадался, что изменение цвета с черно-белого на серебристый происходит благодаря пузырькам воздуха, покрывающим все тело зверьков наподобие того, как у водяных пауков.

Около полудня куторы, исчезнув среди камней, притихли; мне тоже нужно было торопиться. Подобрав в траве удочку и рыб, которые, подсохнув, утратили всю красоту, я шел к дороге, размышляя о том, что рыбака из меня, пожалуй, уже не получится, еще о том, что не

обрадую товарища, занимающегося рукокрылыми, ну, а главное — о куторах, и еще о радости, которую нам дарят встречи с каждым незнакомым прежде живым существом.

Два гнезда

Раннее майское утро застало нас с егерем заповедника на тропе в Среднем Талгаре. В глухом ущелье еще таился мрак, а на скалах зубчатого гребня уже заиграли золотом первые лучи солнца. Все вокруг в этом ущелье было знакомо. Егерь молча показал рукой на мощную скалу, нависающую справа над тропой. Я взглянул — и, как и ожидал, увидел на небольшом карнизе сначала одну самку козерога, затем, чуть выше, еще три. Вообще появились они в этих местах с полмесяца тому назад. Через неделю-другую у них появится потомство, и лучшего для «детского сада» места не найти. Природа на небольшом участке собрала воедино и лужайки с сочной травой, и неприступное убежище, и водопой.

Прошли еще несколько сотен метров, и снова молчаливый жест егеря. На этот раз он показал на влажный участок тропы, где явственно выделялись следы. Глина, постоянно смачиваемая водой маленького родничка, который проложил себе путь из-под земли по краю тропы, даже в самые жаркие летние дни не просыхала. Прошедшей ночью тут «отметились» медведь и каменная куница.

Через полчаса где-то далеко впереди зазвучала песня синей птицы. Значит, скоро мост. В щели между бревен, из которых он построен, синие птицы свили свое гнездо, в котором сейчас три яйца. Самка насиживает, самец — поет.

За мостом тропа круто взбегала на крупнообломочную осыпь, петляя среди здоровенных валунов. Отсюда

совсем недалеко до небольшого ручейка с чистой и вкусной водой, где мы обычно делали остановку и, отдыхая, любовались пиком Талгар. Пожалуй, нет другого места, откуда он

смотрелся бы так эффектно. Словно в рамке, образованной мрачными, скалистыми склонами ущелья, поросшими темными елями, он сверкал, как драгоценный камень. Казалось, мощные ледники, подобно бирюзовой лаве, стекают с вершины, а огромные черные скалы, как ножи, рассекают их на ледовые языки. Такое зрелище и в сотый раз не оставит равнодушным.

Расположились на берегу ручейка таким образом, чтобы видеть пик. Черную точку, стремительно падающую на фоне блестящего льда, мы заметили одновременно. Прежде чем она скрылась за елями, я успел поймать ее в бинокль. Увеличенная в восемь раз, она превратилась в беркута, который пикировал со сложенными крыльями. Он исчез, по-видимому, в соседней боковой щели.

Мы не сомневались, что наблюдали охоту хищника; забыв об усталости, побежали вверх по тропе в надежде узнать результат эффектного броска орла. Вот и щель. Ее дно, усыпанное камнями, круто поднималось вверх, теряясь возле гребня. Склоны, которые вернее было бы назвать стенами, отвесно поднимались ввысь. Сколько мы не всматривались, беркута нигде не было видно.

Зато заметили бородача-ягнятника. Светлая, крупная птица пролетела над нами так низко, что невооруженным глазом были видны красные глаза и потешная черная борода, торчащая под клювом. Бородач несколько раз пролетел совсем близко, вертя головой и внимательно нас разглядывая. Вдруг резко изменил поведение, часто замахал крыльями и быстро полетел вдоль скальной стены, едва не касаясь ее крылом. Из вышины донесся звук, напоминающий рев реактивного самолета.

Мы снова увидели беркута, камнем падавшего с высоты. Предплечья слегка развернуты, концы крыльев прижаты к хвосту, перья плотно облегают сильное тело — во всем облике птицы чувствовалась такая стремительная мощь, что дух захватывало. Было ясно, что беркут пикирует на бородача. Замерли в ожидании драматической развязки. Но ничего такого не произошло. Когда казалось, что ничто не может уже помешать птицам столкнуться в воздухе, орел вдруг расправил крылья и, мгновенно погасив скорость, повис над ягнятником. Страшные когти беркута, вытянувшего вперед лапы, едва не коснулись спины бородача. Но тот сделал довольно ловкий для такой крупной птицы финт и юркнул в нишу в скале.

Беркут сразу прекратил преследование, быстро набрал высоту и исчез. Но и нам было не до него, так как все внимание привлекла ниша. Собственно, заинтересовала нас куча веток, которые были навалены на дно ниши двухметровым слоем. Неужели гнездо бородача? Впрочем, то, что это гнездо, не было никаких сомнений. Откуда же могли взяться в нише, расположенной в центре двухсотметрового обрыва, сотни сухих веток, толщиной в руку каждая? Судя по всему, это огромное гнездо было очень старым, таким старым, что сучья, выбеленные горным солнцем и омытые весенними ливнями, стали ослепительно белыми. Вопрос был в том, жилое ли гнездо, ведь бородач мог сесть на него случайно, спасаясь от преследовавшего его беркута.

О том, чтобы добраться до гнезда, не приходилось и мечтать — такая задача была по силам разве что альпинисту со специальным снаряжением. Оставалась другая возможность: попытаться заглянуть в гнездо с противоположного склона, поднявшись до его уровня. Так и сделали. Это оказалось тоже непростым делом, но, в конце концов, добрались до той точки, из которой в восьмидесяти метрах открывалось гнездо.

Надо ли говорить о том, как мы обрадовались, увидев в гнезде кроме светлой старой птицы и темного птенца. Мы даже расслышали его голос — неожиданно высокий и довольно приятного тембра.

Найти гнездо бородачей-ягнятников было моей давней мечтой. И дело тут не только в том, что находят их очень редко, просто сама птица настолько своеобразна, так непохожа во всем на других, что невольно возникает интерес, желание узнать о ее жизни как можно больше.

Встретить бородачей в горах можно довольно часто, причем эти встречи бывают иногда неожиданными, особенно когда огромная птица вдруг появляется из-за гребня или изгиба склона и со свистом проносится низко над головой. Даже на большом расстоянии ягнятники легко узнаются по длинным острым крыльям и клиновидному хвосту.

Всего лишь несколько раз я видел этих довольно редких птиц на земле.

Однажды поздней осенью два бородача долго кружили над южным склоном Правого Талгара и потом опустились на землю у самого его подножия. Здесь они долго топтались на одном месте, словно выполняя какой-то ритуал. Егерь, кордон которого находился прямо против этого места у подножия противоположного склона, рассказывал, что он уже не первый год наблюдает такие сцены на той же точке и примерно в то же время года. Никакого объяснения этому поведению я не знаю, хотя можно предположить, что это часть брачного ритуала. Другая его форма — игры в воздухе — широко известна, да и не удивительно: стремительные броски, имитация схваток, выполняемые птицами на большой высоте, не могли остаться незамеченными.

В другой раз я наблюдал бородачей на кормежке. Птиц привлек скелет косули, убитой беркутом недели две назад. О том, что победа далась ему нелегко,

свидетельствовала умятая на большой площади сухая трава, на которой клочками висела шерсть зверя. Очевидно, косуля билась на земле, пытаясь таким способом сбросить орла. К сожалению, самой охоты я не видел. Кормились, прилетая поочередно, три беркута, не говоря уже о многочисленных воронах и сороках. И вот когда с костей были сорваны последние клочки сухого мяса, пришел черед бородачей-ягнятников. Они появились вдвоем и, в отличие от беркутов, оказались более неуживчивыми. Ягнятники несколько раз затевали из-за казалось бы малоаппетитных костей драки и ни разу не было, чтобы они спокойно кормились рядом одновременно. В конце концов один из бородачей решил утащить скелет косули и таким образом одурачить назойливого конкурента. Зрелище, когда он, напряженно работая крыльями, потащил в лапах здоровенный кусок хребта зверя, было просто великолепным. Бородач уже набрал приличную высоту, когда добрая половина хребта вдруг отвалилась и полетела вниз. Он проводил падающий лакомый кусок взглядом; но опускаться за ним не стал и полетел дальше.

Долгое время я считал, что взрослые бородачи-ягнятники молчаливы, но как-то раз в Большом Алматинском ущелье стал свидетелем странной сцены. Я вдруг услышал со стороны скалистого склона ни на что не похожие, раз за разом повторяемые отрывистые звуки и вслед за этим заметил трех птиц. Две из них дрались в воздухе, а кричала, похоже, третья. Темпераментной ту драку не назовешь. Все происходило как в замедленной съемке. Огромные птицы, глубоко взмахивая крыльями, сшибались в воздухе, падали, сцепившись в клубок, несколько метров и снова разлетались. Они вскоре скрылись за гребнем, и я так и не узнал ни причин конфликта, ни чем он закончился.

И вот, наконец, ясным утром я увидел жилое гнездо таинственных птиц. Спустя полчаса после того, как мы

начали наблюдать за гнездом, взрослая птица вышла на его внешний край, взмахнула крыльями и величественно поплыла вдоль каменной стены щели. Незамедлительно последовала новая атака невесть откуда взявшегося беркута. Картина повторилась с той лишь разницей, что на сей раз бородач скрылся за поворотом ущелья. Создавалось впечатление, что беркут не делал серьезных попыток схватить ягнятника, а только пугал его, стремясь отогнать подальше. Так обычно ведут себя большинство хищных птиц у своего гнезда. И мы решили попробовать найти гнездо беркута, вдруг счастье улыбнется нам еще раз!

Орел сам выдал свое жилище. Когда мы поднялись метров на двести выше гнезда бородача, невдалеке пролетел беркут с сурком в лапах и сел в крону ели. В этот момент он, очевидно, нас заметил, сразу взлетел, набрал высоту и исчез. Мы подобрались ближе и увидели гнездо. Это было внушительное сооружение, но все же значительно уступающее размерами бородачину. Оно располагалось в средней части кроны колоссальной ели с южной стороны ствола. Здесь, на высоте пятнадцати метров, от дерева отходили боковые ветви, каждая толщиной со взрослую ель. Просто удивительно, как могло здесь, у верхней границы ее распространения, в закутке среди скал, вымахать такое громадное дерево.

Поднявшись, как и в случае с бородачом, до уровня гнезда, мы увидели в нем двух птенцов еще в белом пуху. В самом гнезде и повсюду на ветвях вокруг него рыжели куски сурочьих шкур. В двух метрах ниже гнезда в ветвях ели громоздилась куча сухих веток, оброненных, наверное, беркутами. Чтобы напрасно не беспокоить осторожных птиц, мы не стали долго задерживаться и отправились в обратный путь.

Еще раз мне удалось побывать в этой щели почти год спустя. У гнезда бородача меня ждало разочарование — оно было пустым. Я подумал, что виной тому

беспокойные соседи, беркуты. Но их гнездо оказалось нежилым. Уже собравшись уходить, увидел орла. Крупная темная птица с зеленой веткой в лапах опустилась на гнездо и, немного там повозившись, улетела. Тогда я решил, что птенцов по какой-то причине не видно, и самое правильное, воспользовавшись отсутствием родителей, все выяснить до конца.

Многочисленные боковые ветки облегчили подъем, и я без труда добрался до гнезда. Ни птенцов, ни яиц в нем не было. Только ветки рябины — совершенно свежие, со слегка пожухлыми листьями и уже успевшие высохнуть лежали в неглубоком лотке. Значит, все-таки бросили. Правда, можно было не сомневаться, что где-то неподалеку есть другое гнездо, жилое. За беркутами водится такая привычка строить несколько гнезд и занимать то одно, то другое, не забывая поддерживать остальные в образцовом порядке. И все же не верилось, что то, что и бородачи, и беркуты оставили гнезда — это простая случайность.

В голове упорно вертелась неприятная догадка: наш прошлогодний визит, нарушивший покой пугливых птиц, заставил их покинуть обжитые места. Я и сегодня, спустя несколько лет, не знаю, верно ли это, но птицы так и не вернулись, и только два пустых гнезда напоминают теперь о прекрасных обитателях этих диких скал.

С днем рождения, козленок

В это живописное ущелье я любил ходить по будним дням, когда оно отдыхало и словно оживало после воскресного нашествия туристов. По дну ущелья шла торная тропа. Она то спускалась к самому берегу небольшой, но бурной речки, то, обогнув очередную скалу, поднималась вверх и исчезала среди елей.

Сюда впервые я попал несколько лет тому назад, и, как на беду, в воскресенье. То там, то здесь виднелись

дымки костров. И было шумно и как-то неуютно в царстве удивительной, казалось, первозданной природы. Решив возвратиться, я пошел напрямик, через ущелье. В самом его устье речка образует два небольших, но красивых водопада.

Невольно подумалось, что не будь здесь так людно, это место могли бы облюбовать синие птицы. Я только успел подумать это — как услышал их голоса. Пронзительные крики доносились с высокой скалы, возвышающейся над водопадами. Значит, стоит еще раз придти сюда, только в будний день.

С тех пор я каждый год находил у водопадов гнезда синих птиц, да и других менее экзотических животных здесь оказалось предостаточно. Они научились мириться с присутствием людей, а некоторые сумели извлечь из этого свои выгоды: черные вороны и сороки по понедельникам, едва дождавшись рассвета, деловито обследовали туристические стоянки в поисках съестного. Причем, судя по следам, не они были первыми — ночью здесь успели побывать лисы и каменные куницы. Дроздов заинтересовала бумага, обрывки материи и целлофан в качестве строительного материала для гнезд. Особенно отличился один черный дрозд, выставший лоток гнезда тонкими полосками разноцветной фольги, той, что используют для украшения новогодних елок. Получилось свежо и оригинально.

Пара больших синиц поселилась в железной печке-буржуйке, очень давно появившейся здесь на поляне, так что наполовину она уже вросла в землю. А папиросные окурки и спички вместо веточек в гнездах трясогузок! Всего сразу и не упомнишь.

Был конец мая, когда в очередной раз я оказался в этих местах. Несмотря на ранний час, воздух был теплым, чувствовалось, что и в горы вот-вот придет лето. Миновав водопады, после короткого крутого подъема выбрался на пологий участок ущелья. Здесь склоны рас-

ступались, и открывался великолепный вид на сверкающие далеко впереди снежные вершины. Справа громоздились голые розовые скалы, слева темнел густой ельник.

Над скалами на неподвижных крыльях парили два беркута. Почти черные, старые птицы то исчезали за зубчатым гребнем, то вновь выплывали из-за него. Тревожные крики сурков свидетельствовали о том, что появление грозных хищников не осталось незамеченным. Тропа шла вдоль открытого западного склона. Вокруг зеленела сочная трава, среди которой яркими пятнами пестрели цветы. Вдруг впереди, метрах в десяти, я заметил в зелени какое-то движение, а секунду спустя оттуда вылетел деряба и, набирая высоту, потянул на противоположный склон. Я успел заметить, что в клюве птицы что-то было, кажется, большой пучок червей или гусениц. Стараясь не потерять дрозда из виду, я наблюдал, как он, несколько раз присев отдохнуть, целеустремленно двигался вверх по склону и наконец скрылся в кроне небольшой ели.

После того, как он спустя минуту вылетел оттуда без корма, можно было не сомневаться, что деряба покормил птенцов. Немного ниже того места виднелся небольшой скальный уступ, его-то я и выбрал ориентиром и, перебравшись через речку, взял на него курс. На крутом склоне рос густой ельник. Тонкий слой почвы едва прикрывал камни и не давал надежной опоры ногам, поэтому продвигался я вперед медленно. Вот и уступ. Необходимо было забраться на него, а там еще несколько метров вверх — и я у цели. Убедившись, что в лоб на скалу не подняться, я решил сделать небольшой крюк и обойти ее сбоку.

Уступ венчала небольшая площадка в несколько квадратных метров. Едва я ступил на ее край, как передо мной взметнулся какой-то крупный зверь и шарахнулся в сторону. Это была самка козерога. Отбежав на не-

сколько метров, она на мгновение остановилась, оглянулась назад и сломя голову понеслась дальше. Взмолнованный неожиданной встречей, я сделал еще несколько шагов и едва не наступил на что-то живое у моих ног.

На камнях, слегка присыпанных старой сухой хвоей, лежал козленок, только что родившийся, мать даже не успела его вылизать. Козленок был таким слабым и беспомощным! Как назло, у меня не оказалось с собой ни безмена, ни линейки, а ведь новорожденных тэчат встречаешь не каждый день. Ничего не оставалось, как вернуться в лагерь за инструментами. Дорога туда и обратно заняла около трех часов. На этот раз вверх по склону карабкались со мной и два спутника, студенты-биологи.

Козленка мы нашли на прежнем месте. За эти часы он разительно переменялся. Светло-серая шерстка стала нарядной и пушистой. Значит, коза не бросила детеныша и, не теряя времени, дочиста вылизала его мех. Мы взвесили новорожденного, а, вернее, новорожденную — и я записал себе в дневник: четыре килограмма, двести граммов. Все время, пока мы обмеряли тэченка, из ельника выше по склону слышался хруст ветвей — там металась в тревоге бедная мать.

Не мешкая, мы отправились назад. На следующий день студент еще раз ходил навестить козленка и нашел его все на том же уступе. Малыш уже уверенно держался на ногах, однако он даже не делал попыток убежать, напротив, когда студент уходил, козленок пытался увязаться за ним.

Прошло несколько дней, а меня все не покидало приподнятое настроение. Было настоящим откровением, что такие осторожные звери, как козероги, могут ужиться рядом с человеком. До сих пор мне как-то и не приходило в голову искать их поблизости, хотя вокруг имелось достаточно «тэчьих» мест.

Теперь я ежедневно обшаривал в бинокль близлежащие скалы и через неделю уже знал, что на них держатся два табуна козлов в девять и четырнадцать голов, преимущественно самок и молодых зверей.

С удивительной невозмутимостью взрослые козлы занимались своими делами, лишь изредка посматривая вниз на асфальтированную дорогу, по которой с ревом проносились грузовики, и на толпы отдыхающих, которые по воскресным дням наводняли ущелье. Ну а козлятам и вовсе было не до них. Они поминутно затевали веселую возню, бесстрашно резвясь на скалах.

Где-то среди них был и наш малыш.

Ущелье чеглоков

Голоса прилетевших чеглоков обычно можно услышать в последние дни апреля. Из года в год пара этих мелких соколов гнездилась в одном из отщелков северного склона, почти напротив нашего лагеря. Мы даже называли этот отщелок Чеглочиной щелью. Специально наблюдать за соколами как-то не приходилось, но они были настолько заметными птицами, что без особых усилий с нашей стороны мы все-таки были в курсе основных событий их жизни.

Выбор места для гнезда чеглоки вели не спеша, обстоятельно. Собственно, выбирали они уже из готовых вороньих гнезд, которых вокруг было предостаточно. Каждый вариант долго, и главное, громко «обсуждался». Проходил, наверное, месяц, прежде чем птицы делали

окончательный выбор. Тут, казалось бы, и к откладке яиц можно приступать, но соколы не спешили. Одной весной, правда, была на это уважительная причина: появился третий чеглок. Трудно сказать, на что он рассчитывал, но в упорстве ему не откажешь. Прошло добрых две недели, наполненных волнениями, преследованием, воздушными боями, пока незванный пришелец исчез.

Лишь в разгаре лета мы замечали, что в небе появляется только один чеглок, значит, другая птица сидела на кладке. Различать самца и самку можно было только в том случае, когда они были рядом. Наряд птиц — темно-сизый, почти черный верх, под глазами длинные черные «усы», светлые грудь и брюшко в продольных черных пестринках, рыжие «штаны» — все было абсолютно одинаковым. И в воздухе, где их силуэты своими пропорциями больше всего напоминали стрижей, соколы очень похожи. Единственный отличительный признак — величина: у чеглоков самки, как и у большинства других хищных птиц, крупнее, но и в этом разница незначительная. Поэтому определить с уверенностью, которая из птиц сидела на гнезде, было практически невозможно. Об этих соколах известно, что оба родителя принимают участие в насиживании яиц.

О появлениях потомства мы догадывались по учащавшимся охотничьим рейдам чеглоков. В это время мы как раз наблюдали за охотой птиц-хищников. На неподвижных крыльях сокол парил в вышине, временами делая короткий бросок, мгновенно ускоряя полет после двух-трех энергичных взмахов крыльев. На несколько секунд появлялась когтистая лапа, в которой птица что-то подносила к клюву, затем снова и снова следовали плавные круги.

Так охотился чеглок на насекомых, которых нам на таком расстоянии просто не было видно.

Но иногда привлекала и добыча покрупнее. Однажды

я стал свидетелем темпераментной погони, которую затеял хищник за летучей мышью. Было еще совсем светло, когда высоко в воздухе появилась ранняя «летучка». Заметив ее, сокол, который кормился неподалеку, сделал эффектную ставку, но мышь в последнее мгновение увернулась. Бросок следовал за броском, но ловкое рукокрылое изящным маневром каждый раз обманывало птицу. И сокол сдался. Отчаявшись поймать летучую мышь, он снова взялся за насекомых. Тем же занялась и мышь, аппетита которой, похоже, нападение хищника не испортило.

Как-то в конце августа, когда по нашим расчетам вот-вот должны были появиться слетки, из соколиного гнезда донесся гам. Слышны были крики чеглоков и стрекот сорок, причем хор последних исходил из доброй дюжины глоток. Заинтересовавшись причиной переполоха, я решил сходить к гнезду соколов. Оказалось, что три птенца уже покинули гнездо и теперь они сидели рядом на ветвях ели. На головах и плечах слетков еще кое-где виднелся пух, что придавало им комичный и немного жалкий вид. А вокруг злобствовали сороки. Не менее десятка их сновало в кроне ели. По'двое, по'трое, они неторопливо, но довольно-таки настойчиво подбирались к птенцам и, судя по всему, с недобрыми намерениями.

Вдруг сорок как ветром сдуло — они дружно забились в гущу ветвей ели. Надо мной мелькнула тень и вот уже крик сороки, которой, видно, крепко попало, хлопанье крыльев, соколиный клетот. Это вступилась за своих птенцов чеглочи́ха. Но что могла она поделать

против такой оравы, где каждая из сорок той же величины, что и она сама, а их стальные клювы были страшнее соколиного?

Пока чеглочиха находилась в воздухе, сороки ее еще побаивались, но стоило ей подсесть к птенцам, как длиннохвостые повылазили и двинулись в наступление. Вот самая дерзкая подобралась снизу, дернула сокола за хвост и, словно испугавшись своей смелости, отскочила назад. Но возмездия не последовало. Беснаказанность подхлестнула сороку. Под восхищенные вопли товарок она на сей раз подкралась сзади и клюнула чеглочиху в спину. Та закричала, взмахнула крыльями и как-то неуверенно полетела прочь. Сорока, забыв об осторожности, отважно бросилась в погоню, но тут...

Собственно, я почти ничего и не видел. Раздался громкий шлепок, в воздухе возникло облачко белых перьев, а воинственная сорока, сдавленно вскрикнув, кувырком полетела на землю. Разом стихло стрекотание. В наступившей тишине слышалось только трепыхание поверженной сороки, которая, немного придя в себя, пыталась выбраться из куста шиповника, в котором, падая, застряла. Бесславный финиш ее опрометчивой погони произвел на других сорок удручающее впечатление. Молча, низом, от дерева к дереву, они быстро рассеялись.

Я тем временем пытался разобраться в том, что произошло. Не могу утверждать, что чеглоки действовали согласованно, но внешне все было очень похоже

на заранее спланированную акцию: самка выманивает из-под защиты ветвей сороку, а самец, кружа в воздухе, выжидает благоприятного для атаки момента. В принципе такое не исключено. Ведь совместные охоты, когда птицы работают в паре, причем у каждой свои функции, не редкость у разных видов соколов, у некоторых орлов.

Например, сапсаны летят парой, обычно самка впереди и ниже. Самец из удобной позиции делает броски на птиц, испугнутых его партнершей. О беркутах пишут, что они вдвоем охотятся на тэков. Одна из птиц нападает на козу, отвлекая на себя ее внимание, другая тем временем хватает и уносит козленка. Такие охоты требуют не меньшей согласованности, чем у чеглоков в эпизоде, который я наблюдал.

В начале сентября, когда у нас заканчивается работа и приходит время возвращаться в город, молодые соколы уже хорошо летают. Пройдет совсем немного времени, и они тоже покинут отщелок, названный их именем. До следующей весны смолкнут голоса чеглоков. Что ж, тем большая радость от новой встречи с ними.

Кукушонок

Уже добрый километр отшагал навстречу этому лаю и все время ломал себе голову — что бы это значило? Собачий лай раздавался уже совсем рядом, за ближайшей группой молодых елей. По злобному голосу собаки можно было догадаться, что она облаивает какого-то зверя, но какого? Быть может загнала под камень куницу-белодушку или прихватила какого-нибудь беспечного сурка, который забрел слишком далеко от норы? Ну вот и последние ели, осторожно раздвигаю ветки и вижу рыжего, невысокого на ногах, но очень массивного коренастого пса. Это мой давний знакомый. Почти каждый день я его вижу в обществе четырех коров. Очень

странная компания. Худые поджарые коровы с собакой забирались в самые глухие уголки леса, а зачастую и в скалы, выбирая для пастбы места, имеющие ценность разве что в глазах горных козлов.

На этот раз коров нигде не было видно, а пес, уже охрипший от лая, яростно бросался на кого-то, скрытого от меня густой травой. Во всяком случае, это не мог быть зверь величиной с сурка или куницу, их бы я в невысокой траве заметил. Тогда кто же так успешно сопротивлялся натиску этой собаки, в смелости которой я недавно имел возможность убедиться (как раз на днях я видел, как она жестоко потрепала чабанского пса, который был значительно крупнее)? Впрочем, я уже не сомневался, что это одно из двух — или горноста́й, или, что еще вероятнее, щитомордник, за что говорило и беспокойное поведение отчаянно пищавших рядом пеночек-зарничек, ведь и горноста́й и змеи — злейшие враги этих птах, строящих свое гнездо прямо на земле.

Чтобы разрешить все сомнения, я вышел из своего укрытия и направился к собаке. Пес, увидев меня, зарычал, поджал хвост и ретировался. Еще несколько шагов, и я на месте поединка. Сильно умятая трава свидетельствовала о том, что схватка была долгой и упорной. Но где же противник собаки? Поначалу я ничего не заметил, но вдруг у самых ног увидел небольшой дрожащий серый комок. Я не поверил своим глазам — передо мной лежал совершенно обессиленный кукушонок. Опустившись на корточки, я протянул руку — птенец вдруг встопорщил перья и бросился навстречу, широко раскрыв клюв и как-то по-ежиному фыркнув.

И уже не знаю как это случилось, но я, прекрасно зная, что передо мной безобидный птенец, тем не менее, отдернул руку. Трудно сказать, что на меня подействовало — то ли вид огромной пасти, окрашенной в малиновый цвет, то ли звук, напоминающий, кстати, не только фыркание ежа, но и шипение атакующей змеи, то ли

стремительность броска, а, возможно, и все вместе, во всяком случае, при повторном нападении мне стоило некоторого усилия воли не отдернуть руку. Птенец схватил меня за палец и я, ощутив нежную полость рта кукушонка, вдруг почувствовал уважение к этому маленькому беззащитному существу, мужественно боровшемуся за жизнь с чудовищно огромными и страшными врагами — сначала с собакой, затем с человеком.

Хотя вообще я терпеть не могу кукушек. Причем отталкивает меня не то, что они взваливают заботы о потомстве на других, и не то, что птенец в первые дни жизни выбрасывает из гнезда законных обитателей, нет, напротив, эти интереснейшие формы поведения не могут не вызвать любопытства и удивления. Меня раздражает поразительная жадность и прожорливость птенцов, особенно когда они, тряся головой, выпрашивают подачку у какой-нибудь несчастной пичуги, которая в десять раз меньше кукушонка и едва не наполовину исчезает в огромной пасти, отправляя в ненасытную глотку очередную порцию корма. Но особенно неэстетично поведение кукушек в период спаривания. Самка, издавая время от времени какой-то похотливый хохот, перелетает с дерева на дерево, а за ней следует неотступно свита кавалеров, демонстрирующих свои вокальные способности, причем каждый стремится перещеголять других, предлагая свой, наиболее извращенный вариант столь милого нашим сердцам традиционного «ку-ку».

Но вернемся к нашему герою. Все еще угрожающе топорща перья, он сидел на растоптанных остатках гнезда пеночек-зарничек. Шаровидное гнездо с боковым входом давно стало ему мало, он вырос из него, как из детской одежды. Хрупкая постройка расплзлась на быстро растущем кукушонке, а остатки крыши и боковых стен он подмял под себя. Птенец уже полностью оперился, но до самостоятельных полетов было еще далеко, наверное, пять-семь дней.

Едва я отошел на несколько шагов, как к птенцу подлетели приемные родители. Зарнички — не единственный вид птиц в Заилийском Алатау, в гнезда которых кукушки подбрасывают свои яйца. От непрошеного квартиранта не застрахованы, кроме того, индийские пеночки, черноголовые чеканы, туркестанские сорокопуты, черногорлые и бледные завирушки, расписные синички, черногрудые красношейки, горные трясогузки, лесные коньки, а возможно и другие птицы. Причем не только гнезда этих птиц различаются величиной, формой, и расположением, но, главное, яйца. У перечисленных птиц самые разнообразные по окраске яйца — голубые, голубые с крапинками, белые с крапинками, все переходы от грязно-белого до буроватого цвета со сложным рисунком.

И кукушка не имеет права ошибиться в цвете, иначе обман будет открыт и тогда птицы или выбрасывают яйцо, или бросают гнездо. Считается, что кукушки делятся на расы. Самки подбрасывают яйца только в гнезда того вида, к которому принадлежали ее приемные родители. Интересно, делятся ли на расы только самки или же и самцы, а если да, то как они узнают друг друга? Ведь в пределах одного ущелья на одном и том же участке обитают птицы нескольких разных рас. Это вопросы, на которые я не знаю ответа.

Поразительно и то, что кукушки редко ошибаются. Например, пеночка-зарничка и зеленая пеночка. Если не

слышать их голоса, спутать этих птиц очень просто, их гнезда часто тоже бывают неотличимы, и только яйца у первой белые со слабым бурым крапом, а у другой — чисто белые. Однако мне ни разу не приходилось находить в гнездах зеленых пеночек яйца или птенцов кукушки, тогда как у зарничек они довольно обычны.

А еще удивительно, что приемные родители кормят кукушонка, совершенно не похожего на их детей, а когда ему грозит опасность, волнуются как за своих собственных чад. Вот и сейчас, убедившись, что кукушонок цел и невредим и опасность миновала, зарнички тут же принялись таскать корм, да так часто, будто пытались наверстать упущенное.

Еще несколько раз я наведывался к смелому кукушонку. На его лапке красовалось алюминиевое кольцо и зеленая целлулоидная метка. В последний мой визит птенец не стал дожидаться моего приближения и вспорхнул на осину. Что ж, самое опасное время он пережил, теперь можно было ему пожелать: «Живи, смелый кукушонок!»

Воронья солидарность

Был погожий январский день. Один из тех, когда понимаешь, что весна уже не за горами... Разомлев на солнце, вороны в расслабленных позах расселись по макушкам деревьев. Откуда-то из густых зарослей барбариса доносилась тихая песня черного дрозда. Через месяц она зазвучит в полную силу, а сам певец взлетит на макушку ели, ну а пока, уединившись в укромном месте, он вполголоса «распевадается».

И вдруг покой зимнего дня разорвал душераздирающий вопль. Кричала ворона. Миг — и ни одной птицы не осталось на деревьях. Воздух наполнился шумом крыльев и десятки серых ворон устремились к молодому

осиннику на небольшом пологом плато. Прошло еще несколько секунд — и вот уже над редкими деревьями вьется темный орущий клубок. Сколько я ни старался обнаружить причину переполоха, ничего подозрительного не заметил. Осталось только подойти поближе, тем более,

что вороны не успокаивались, а их крики, столь богатые нюансами, выражали крайнюю степень ужаса.

Такого, пожалуй, мне не приходилось раньше слышать. Вообще вороны — любители пошуметь. Стоит им обнаружить какого-нибудь хищника, особенно ястреба-тетеревятника или филина и они не упустят случая покаркать, а заодно и отравить существование ненавистному врагу.

Почти такая же реакция у ворон бывает, когда они обнаружат мертвую птицу своего же вида. Причем останки других птиц и зверей вызывают у них только гастрономический интерес. Или если какая-нибудь ворона ведет себя странно, вокруг нее тут же собираются товарки и поднимают невообразимый шум. Такая особенность не раз сослужила нам добрую службу при кольцевании. Для этих целей использовали приманку, чаще всего размоченный хлеб, который посыпали специальным порошком. Отведав нашего «угощения», вороны через несколько минут совершенно преображались: дружно принимались чиститься, но движение с каждой минутой становилось все менее уверенным,

Несмотря на героические усилия усидеть на ветке, вороны одна за другой падают на землю и там вскоре затихают. Остается только собрать птиц, окольцевать и поместить в ящик, который мы в шутку окрестили «вытрезвителем». Здесь они через несколько часов придут в себя, и их можно будет выпустить на свободу. Но так происходит в идеальном случае. На деле же птицы часто улетают до начала действия порошка и тогда отыскать их бывает трудно, или даже невозможно. Вот здесь к нам на помощь приходят сами вороны, которые, обнаружив беспомощно барахтающихся птиц, приходят в страшное волнение и, естественно, не стесняются выразить его громкими воплями.

Однако сегодня в голосах ворон были и большая тревога, и отчаяние, так что я, сгорая от любопытства, невзирая на глубокий снег, стал карабкаться вверх по крутому склону. Вот и осинник. Вороны, не обращая на меня внимания, вьются над небольшим деревцем. Под ним виднелось какое-то черное пятно. В бинокль было хорошо видно, что это останки вороны, которую здесь растерзал то ли ястреб, то ли филин. Судя по всему, куча перьев, обглоданные кости, лапки лежали здесь не первый день и было совершенно не понятно, что могло так напугать ворон.

И тут я заметил, как в верхней части кроны у ствола что-то шевельнулось, а вороны отреагировали страшной паникой. В развилке ствола осины, сжавшись в комочек, сидела белка. В зубах она держала... крыло вороны. Уж не знаю, для чего оно ей понадобилось. То ли зверек польстился на мясо, то ли решил утеплить свое гайно. Но сейчас ему было явно не по себе. Да и шутка ли!— над ним кружилась добрая сотня ворон, каждая из которых была и крупнее, и сильнее. А вот сообразить бросить крыло белке было явно не по силам. Дрожа от страха и не зная, на что решиться, она сидела у всех на виду на ветке жидкой осинки, а до спасительных елей

так далеко! Мое приближение, однако, разрешило сомнения белки — она выронила крыло и бросилась наутек.

Сразу стало тихо. Вороны все еще кружились в воздухе, но как только белка обронила крыло, разом смолкли и теперь вновь стал слышен шелест крыльев низко летающих птиц. Так вот в чем дело! Белка сама по себе никаких эмоций у ворон не вызывает, но стоило ей схватить крыло, пусть старое и засохшее, как она превратилась в страшного хищника, внушающего ужас и ненависть.

Решив проверить свою догадку, я поднял брошенное белкой крыло. Как и ожидал, среди ворон снова поднялась суматоха. С дикими воплями они проносились надо мной, а когда я поднял голову, чтобы получше рассмотреть птиц, они в панике бросились врассыпную, словно сама смерть гналась за ними по пятам.

Позже я подобное поведение наблюдал у сорок и читал о нем в замечательной книге Лоренса «Кольцо царя Соломона», где он пишет о галках. Наверное, оно свойственно представителям семейства врановых, а вот у других птиц такой солидарности, когда они встают на защиту не птенца или партнера, а любого представителя вида, кажется, не видел.

Белки

Однажды я забрался так далеко от лагеря, что спешить назад на обед не имело смысла, все равно не успевал. Был один из тех жарких июльских дней, когда каждый шаг дается с трудом, а после крутого участка без сил валишься на землю и долго не можешь отдышаться. Да еще мухи, назойливые и наглые, сегодня были особенно деятельными. В надежде найти прохладу, я вскарабкался по крутому склону к густому спасительному ельнику. Под широкими кронами деревьев царил

приятный полумрак. Редкие и бледные травинки лишь кое-где пробивались сквозь лесную подстилку из толстого слоя сухой хвои. Сразу исчезли мухи, стихли птичьи голоса. Я развалился на прохладной земле и блаженствовал, вот только голод давал о себе знать все сильнее.

Кажется я даже уснул, во всяком случае перестал контролировать окружающее, потому что вдруг совершенно неожиданно услышал рядом какие-то непонятные звуки. Первое, что я увидел, повернувшись на звук, была самка седоголовой горихвостки. Она сидела на нижней сухой ветке ели и в упор рассматривала меня большими темными глазами. Но звук исходил не от нее. Где-то пониже, за небольшим бугорком, слышалось приглушенное бормотание, иногда мне даже казалось, что я вот-вот расслышу знакомые слова. Я привстал и сразу же, метрах в пяти, увидел белку. Выговаривая что-то сердитым голосом, она тащила прямо ко мне большой круглый предмет.

Белка была настолько увлечена своим занятием, что не замечала меня до последнего момента. Только уткнувшись в мои сапоги, зверек взвизгнул от ужаса и птицей взвился на ближайшую ель. Темный предмет остался на земле у моих ног. Я наклонился и поднял...

круглый ржаной каравай. Примерно треть его была ровно отрезана, хлеб был совершенно свежим, только что не теплым. От него исходил такой аппетитный запах, что я без долгих колебаний отломил половину и принялся ее уписывать. В это время белка металась по стволу в таком отчаянии, будто у меня в руках был не хлеб, а ее собственный детеныш. Подергивая хвостом и подпрыгивая на месте от возмущения, белка так искренне горевала, что мне стало ее жалко. Действительно, запасливый зверек с тяжелой ношей проделал трудный путь вверх по крутому склону. Ведь хлеб белка, скорее всего, позаимствовала у туристов, которые иногда останавливались внизу около речки. Значит она протащила кусок хлеба, который был тяжелее самого зверька, добрый километр.

Оставшийся кусок был все еще достаточно велик, и это меня немного утешило. Я положил его на землю под дерево, на котором все еще бесновалась рассерженная белка, и отошел в сторону. Зверек не заставил себя ждать. Не прошло и нескольких секунд, как он метнулся вниз и, схватив хлеб, стремглав бросился назад на спасительную ель. Устроившись поудобнее на боковой ветке и настороженно поглядывая в мою сторону, белка с ожесточением заработала челюстями. Ведь бедняга до сих пор не откусила от хлеба ни кусочка и теперь, словно убедившись, что с драгоценной добычей можно расстаться, спешила набить себе желудок. Я решил не портить своим присутствием зверьку аппетит и отправился в обратный путь. И удивительно легко мне шагалось, то ли от того, что отдохнул, то ли кусок черного хлеба вернул силы.

Все же чувство легкого раскаяния за неожиданный грабеж не давало покоя. Белкам в Заилийском Алатау живется нелегко. Даже в годы с хорошим урожаем еловых семян у них остается проблема с питанием. Основная причина ее в том, что семена ели Шренка после

созревания осенью очень быстро разлетаются из шишек и уж тогда искать их поодиночке, да еще под полуметровым слоем снега дело почти безнадежное. Правда на помощь белкам приходят клесты, которые срывают и сбрасывают на землю не созревшие шишки. Они дозревают на земле и становятся добычей белок и мышей, которые благодаря отличному чутью находят их и под глубоким снегом. Ну а в неурожайные годы зверькам приходится совсем туго. Зимой они спускаются в яблоневые сады и даже в город. Особенно много их бывает по дубовым аллеям, где они собирают желуди прямо под ногами прохожих.

А весной белки начинают хищничать. Никогда не забуду сцену у гнезда бледной завирушки. Привлеченный тревожными криками птиц, я подошел к небольшой ели и увидел белку, сидящую на краю гнезда на задних лапках. В передних она держала еще голого птенца завирушки. В отличие от настоящих хищников, которые умеют быстро и без лишних страданий для жертвы ее умертвить, белка, не спеша и явно смакуя, грызла трепыхающегося и пищавшего птенца, поедая его живьем.

Особенно достается клестам, больше половины гнезд которых разоряют белки. Зверьки, таким образом, платят черной неблагодарностью птицам, благодаря которым они зимой имеют лишний шанс спастись от голода. Впрочем, конечно же, это не их вина. Возможно решение об акклиматизации белки-телеутки в Заилийском Алатау было недостаточно обоснованным. Трудно сказать, кто от него выиграл, но птицам оно стоило слишком дорого.

В этот душный июльский день мне еще раз в необычайной ситуации пришлось столкнуться с белкой. Я возвращался назад по дну ущелья, пробираясь вдоль каменистого русла реки. Вдруг впереди в воздухе мелькнуло что-то необычное и скрылось за валунами. Мне показалось, что это какая-то хищная птица с тя-

желой добычей. Я поспешил к тому месту, где хищник скрылся, и вот моим глазам открылось редкое зрелище. На галечнике среди крупных валунов шла отчаянная борьба. Хищником оказалась крупная самка ястреба-перепелятника, жертвой — белка. Зверек мужественно боролся за свою жизнь и прилагал отчаянные усилия, чтобы вырваться из когтей ястреба. Больше всего это походило на своеобразное родео. Белка, то свиваясь кольцом, то взвиваясь в воздух, пыталась сбросить хищника, но тот крепко держался на ее спине, а когда одной лапой ему удалось схватить зверька за голову, стало ясно, что развязка близка. Движения белки утратили силу, а перепелятник, распустив хвост и расправив крылья, прочно удерживал ее под собой.

Обычно я в подобных ситуациях твердо придерживаюсь правила не вмешиваться в ход событий и лишь наблюдаю, стараясь ничего не упустить. Но сегодня одна белка меня как-никак выручила, а сам я оказался в неблагоприятной роли грабителя. И вот теперь была возможность попытаться спасти другую. И я поспешил к ней на помощь. Увлеченный борьбой, ястреб увидел меня, когда между нами оставалось не более полутора метров. Повернув голову с приоткрытым клювом, он уставился на меня бешеными ярко-желтыми глазами. Видимо, и ему борьба далась нелегко. Во всяком случае утащить белку ему не удалось. Он тяжело пролетел несколько метров и снова опустился на землю. Я не отставал. Поняв, что от меня не отделаешься, перепелятник, наконец, выпустил белку и, быстро набрав высоту, начал кружить надо мной.

Я подошел к белке. Она лежала, свернувшись в клубок, и тяжело дышала. Меня беспокоило, не повредили ли ястреб ей глаза, но оказалось, что все в порядке и только небольшая ранка на нижней челюсти и на груди свидетельствовала о недавней схватке. Я взял зверька в руки, чтобы отнести поближе к деревьям. Но вдруг он

ожил, больно цапнул меня за палец, выскользнул из рук и мгновенно скрылся в щели меж камней. Я оглянулся, ястреба нигде не было видно.

В высокогорье

Я всегда завидовал людям, которые по роду своей деятельности имели возможность продолжительное время находиться высоко в горах, в настоящем высокогорье. Здесь нет того кипения жизни, какое можно обнаружить в более низких поясах гор, но зато в каких необычных, подчас ярких формах она расцветает среди скал и льда!

Вдвоем с товарищем мы совершили однажды вылазку, которую давно задумали — в течение одного дня поднялись к ледникам и вернулись назад в лагерь, расположенный в самом сердце лесного пояса. Мы каждый год по несколько раз совершали такие восхождения, но именно это оставило самые яркие впечатления.

Вышли, когда в небе догорали последние звезды. Поначалу путь шел по хорошо знакомой тропе, вившейся то по одной, то по другой стороне горной речки на дне глубокого ущелья, но как только рассвело, мы свернули и начали затяжной подъем по скалистому склону к зубчатому гребню. Свежим июньским утром, несмотря на крутизну, шагалось очень легко. Буквально на глазах пробуждалось все живое: раскрывались цветы, поднимались в воздух первые насекомые, отогревшиеся после ночного оцепенения, отовсюду неслись звуки все усиливающегося хора птиц.

Когда до гребня, казалось, было рукой подать, путь преградил мощный, почти отвесный, скальник. Примерно по центру его на две половины рассекал глубокий и узкий лавинный лоток. По нему-то мы и решили продолжать наш путь. Это оказалось делом не простым. Стены

крутого гранитного желоба были местами отполированы до блеска снежными и водяными потоками, пробившими за тысячелетия себе путь в камне. Цепляясь за малейшие неровности, помогая друг другу, мы медленно двигались вперед. На одном из самых трудных участков, когда нам, чтобы не сорваться, приходилось прижиматься к скале, появились тэки. Сначала они встревожились, несколько раз свистнули, но убедившись в нашей безвредности и даже беспомощности, осмелели. Как-то незаметно мы оказались в центре стада из тридцати — сорока голов. Куда ни глянь, везде были видны небольшие группки и отдельные звери.

Компания здесь собралась самая разношерстная. Наряду с крупными рогачами заметны и молодые животные, не было только самок с маленькими козлятами. Если первое время мы вызвали у них интерес и они подходили метров на десять, чтобы на нас поглядеть, то в дальнейшем словно забыли о нашем существовании. Молодые резвились, совершая головокружительные прыжки там, где мы лишь с трудом могли держаться, старые дремали, разомлев на солнце.

Несмотря на то, что мы с товарищем громко переговаривались, тэки даже не поднимали головы. Выбравшись на относительно пологое место, мы достали фотоаппарат с телеобъективом и начали фотографировать козлов. К сожалению, звери были так близко, что не помещались целиком в кадр. Другим неудобством было то, что к тому времени все стадо погрузилось в сон и ни наши крики, ни свистки и хлопки в ладоши не могли заставить их открыть глаза. Позже, когда мы проявили пленку и отпечатали фотографии, большинство козлов оказались с закрытыми глазами.

Однако до конечной цели нашего похода было еще далеко, надо было спешить. Позади осталось сонное стадо, а мы, наконец, выбрались на гребень. Идти стало гораздо легче, хотя то и дело приходилось преодолевать

скалистые участки. Местами, где грунт был помягче, были хорошо видны отпечатки тэчьих копыт: очевидно и они часто пользовались этим путем. Об этом свидетельствовали и останки трех или четырех козлов --- в основном, судя по рогам, молодых животных, --- которые стали добычей то ли снежного барса, то ли рыси.

На одной из скал впереди мы заметили какую-то птицу, величиной с арчового дубоноса. Она то и дело взлетала в воздух и тогда до нас доносились звуки красивой громкой песни. Закончив песню, птица возвращалась на прежнее место. Когда мы подошли ближе, стал заметен красный цвет головы и груди. Так и есть --- это красный выюрок, одна из самых малоизученных наших птиц. Первое и, кажется, пока последнее гнездо их было найдено в Заилийском Алатау. Самец красного выюрка подпустил нас очень близко, на несколько метров, и, перелетев на соседнюю скалу, продолжил свои музыкальные упражнения.

В этот день нам везло на встречи с редкими птицами. Не успели позади стихнуть звуки песен красного выюрка, как наше внимание привлекла другая птица --- стенолаз.

Порхающим, как у удода, полетом, он тянул откуда-то снизу прямо к нам. Что-то в облике птицы было необычным. Я не сразу понял, что это впечатление возникло из-за пучка сухой травы, которая наподобие усов развивалась по обе стороны клюва птицы.

Вот так сюрприз! Никогда раньше мне не приходилось видеть ни строящих стенолазов, ни их гнезд. Нимало не смущаясь нашим присутствием, птица юркнула в щель на скале, пробыла там с минуту, выскочила наружу и, сложив крылья, стремительно умчалась вниз.

Мы бросились к тому месту, куда птица отнесла стройматериал. Оказалось, что из скалы, испещренной трещинами, на высоте примерно в два человеческих роста выпал обломок, словно кирпич из кладки. Образовалась глубокая ниша с почти квадратным входом. Благодаря многочисленным трещинам, неровностям, выступам, я без труда добрался до нее. Гнездо располагалось в сорока сантиметрах от входа и было еще весьма далеко от завершения.

По мере того, как мы продвигались вверх по гребню, растительность становилась все более скудной. Последние кусты арчи остались далеко внизу, на камнях исчез разноцветный узор лишайников, зато редкие цветы казались здесь необыкновенно красивыми. Особенно хороши были серовато-голубые альпийские розы, обладающие тонким необычным ароматом.

Время от времени над нами раздавались громкие звучные голоса альпийских галок, которые группами по три — пять штук, словно звенья боевых самолетов, на неподвижных крыльях неслись вниз над склоном. Обратный путь они проделывали почти с той же стремительностью. Искусно пользуясь воздушными потоками, они без всяких усилий, без единого взмаха крыла, как по волшебству, взмывали вверх. Только мы успевали их заметить далеко внизу, как птицы оказывались уже рядом, а спустя несколько секунд исчезали в вышине, сопровождаемые нашими завистливыми взглядами.

Подъем, которому, казалось, не будет конца, вдруг неожиданно кончился и гребень плавно спустился к почти идеально ровному просторному плато, по которому змеилась, весело журча, небольшая речка. С востока и запада оно ничем не ограничивалось, обрываясь вниз крутыми склонами, с севера возвышался гребень, по которому мы пришли, а с юга вздымалась громада закованного в лед пика. У его подножия на плато сползал грязно-серый язык ледника, перед которым громоздилась будто

специально кем-то аккуратно насыпанная стена валунов — морена. Между ледником и мореной блестело удивительно синее озерцо. Его питал водой ручей, вытекающий из-под ледника. В ледовой толще в этом месте зияло овальное отверстие высотой около двух и шириной три-четыре метра. Нас заинтересовала эта ледяная пещера, и мы направились к ней. Оказалось, что грот уходит довольно далеко вглубь ледника, постепенно сужаясь и сходя на нет. Лучи света, отражавшиеся от бегущей воды ручья, вызвали на гладких ледовых сводах непрерывную игру цвета. Изумрудные, пурпурные, синие блики вспыхивали, переливались, кружились в причудливом танце. Мы стояли потрясенные, словно попали в какой-то нереальный, сказочный мир.

Солнце давно миновало зенит, поэтому мы решили быстро перекусить и двинуться в обратный путь. Для привала выбрали относительно сухую площадку возле ручья. Какая все-таки тишина под фиолетовым небом высокогорья! Редкие краснобрюхие горихвостки и жемчужные вьюрки почти не слышны. Их голоса звучат робко и потерянно, будто птиц гнетет дикая красота и величие грандиозного нагромождения скал и льда. В лучах уже клонящегося к закату солнца все вокруг, даже вода в озерке, запылало красным цветом, резче обозначились черные тени в расщелинах.

Впрочем, не успели мы налюбоваться великолепным зрелищем, как на солнце набежала туча, погасли яркие краски, потянул холодный ветерок. Не успели мы опомниться, как посыпала снежная крупа. Теперь уже действительно нужно было спешить. Крупу вскоре сменил настоящий снег. Усилившийся ветер кружил и гнал над склоном белые хлопья, а мы, скользя по заснеженной траве, быстро шагали вниз.

Снегопад окончился так же внезапно, как и начался. За несколько минут все вокруг неузнаваемо переменялось. Там, где недавно зеленели альпийские луга, лежал снег,

и только цветы примул, фиалок и лютиков разноцветными пятнами чуть выделялись на белом фоне. Далеко внизу, в глубине ущелья, словно возникнув из ничего, появилось облачко. Даже не облачко, а так, клочок тумана. Он потихоньку полз вверх по ущелью, постепенно увеличиваясь в размерах. Достиг того места, где ущелье сильно расширяется и становится положе, и тут произошло неожиданное: внушительное уже облако, будто втянутое снизу невидимой воронкой, взметнулось белой лентой вверх. Поднявшись за несколько секунд на добрый километр, оно также неожиданно остановилось и степенно поползло дальше. А на очереди были уже следующие облачка. Зарождаясь в глубине ущелья, они с разными интервалами двигались к «скоростному лифту», взлетали ввысь к альпийским лугам и растекались над ними молочной пеленой. Не прошло и десяти минут, как все вокруг растворилось в густом тумане. Вдобавок начало смеркаться. Из глухих закоулков ущелья поползла мгла, поглощая то немногое, что мы еще могли рассмотреть. Стало удивительно тихо, так тихо, что было слышно, как шуршит туман, цепляясь за ветки арчи.

Мой товарищ, который гораздо лучше меня знал эти места, предложил пойти более коротким путем, который часа на два сокращал дорогу. Мы свернули в боковую щель, выбрались на седловину и пошли вдоль нее: где-то впереди ее должна была пересечь торная маралья тропа, которая прямиком спускалась почти к самому егерьскому кордону.

Вдруг тишину разорвало зычное отрывистое «мау». Мы остановились, как вкопанные. Звук повторился еще и еще раз. Казалось, он приближался. Это басистое жутковатое мяуканье могло принадлежать или рыси, или снежному барсу. Раньше ни мне, ни товарищу не приходилось слышать голоса этих кошек, а барса никто из нас в природе еще не видел. Сколько раз случалось, что мы встречали свежие следы его или находили чуть

ли не только что задавленных тэков, но сами хищники исчезали. Басистое мяуканье между тем приближалось и слышалось, казалось, совсем рядом.

Однако и на сей раз, сколько мы ни вглядывались в темноту, ирбис, если только голос принадлежал ему, так и не появился. Несколько раз то мне, то товарищу по чудилось как что-то шевельнулось впереди, мелькнула какая-то тень. Возможно, так оно и было, но это не меняло дела. Вскоре голос зверя стал удаляться и звучал уже за нами, выше, по седловине, и мы, немного огорченные, двинулись дальше.

Спуск становился все круче, и нам приходилось цепляться за кусты руками, чтобы не покатиться вниз. Спутник признался, что сбился с пути. В этом не было ничего удивительного. В такой туман, ночью, да еще после снегопада немудрено было не заметить звериной тропки. Что касается меня, то я вообще очень смутно представлял себе, где мы находимся. Когда исчезли последние остатки почвы, а с ней и кусты, и руки нащупывали только холодный камень, стало ясно, что нас занесло на скальник. Надо было что-то решать. Возвращаться назад уже не было сил.

Кстати у нас в рюкзаках оказалось по паре стальных кошек, которыми мы предполагали воспользоваться на леднике. Там они негодились, и мы уже несколько раз сожалели о том, что напрасно взяли их с собой, ведь в горах хорошо чувствуется каждый лишний десяток граммов. Примостившись на каменном карнизе, мы обули кошки и продолжили спуск.

Никогда мне не забыть того спуска! Судорожно цепляясь за любой выступ, который удавалось нащупать, где возможно помогая друг другу, мы сползали вниз. В крошечной тьме из-под стальных зубьев кошек, когда лишившись опоры соскальзывала нога, брызгами летели искры. Страшно даже подумать, что было бы, не возьми мы их с собой. Во время одной из коротких остановок

на небольшом уступе, на котором могли передохнуть, стоя рядом, товарищ сказал, что он, кажется, сообразил наконец, где мы находимся и искренне завидует мне: он предпочел бы, как и я, оставаться в счастливом неведении. Я тогда слишком устал, чтобы по-настоящему испугаться его слов.

Несколько раз нам казалось, что дальше пути нет. Гладкие каменные стены почти отвесно уходили вниз и в стороны. Приходилось возвращаться назад и искать более удобные места. Но самые неприятные ситуации возникали, когда все поиски ни к чему не приводили и лишь впереди, метров на пять ниже, смутно вырисовывался уступ. Веревки у нас с собой не было, поэтому и вернуться с такого уступа назад было невозможно, ну а о том, что нас ожидало за ними, можно было только гадать. И каждый раз мы решали: только вперед. Страх постепенно отступил, его сменила какая-то истерическая веселость, без колебаний шли на рискованные трюки.

И нам везло, невероятно везло. Особенно когда на узком карнизе на самом сложном участке мы обнаружили следы тэков. Возможно они прошли тут только что, вспугнутые нашим приближением. Теперь важно было не потерять следа, что в темноте было непросто, да и чем ниже мы спускались, тем меньше оставалось снега. Несколько раз, когда следы уходили вверх, а мы пытались продолжать спуск, нам приходилось убеждать, что звери шли единственным путем. Обычно после короткого подъема следы выводили на тропу, ведущую вниз.

Я даже не заметил, когда появился этот звук. Сначала очень слабый и далекий, он все время нарастал и вскоре уже не было сомнений, что где-то внизу шумит речка. Это был добрый знак: близился конец нашего отчаянного спуска, а следуя течению речки, как утверждал товарищ, мы через полтора-два километра выберемся на дорогу, а там уже и до кордона рукой подать.

Действительно, не прошло и десяти минут, как мы оказались на ровной земле. Я ощутил, какое это счастье, стоять спокойно, ни за что не цепляясь, шагать, куда вздумается. К этому времени рассеялся туман. В проеме между двумя уходящими ввысь черными стенами засверкали звезды, а я подумал, глядя на отвесные скалы: хорошо, что эта картина открылась мне только теперь, когда мы стояли на такой ровной и надежной земле.

Ну а по-настоящему я осознал, что все позади, когда нас приветствовали, едва не сбивая с ног, ошалевшие от радости собаки. Так закончился самый памятный поход в высокогорье.

Дерябы

Уже несколько минут я стоял озираясь, но нигде не мог обнаружить человека, который только что свистнул. И вдруг снова свист, совсем рядом. Так обычно свистят на природе, когда хотят обратить на себя внимание — короткое и негромкое «фиу». И опять никого! Да и место-то здесь не слишком людное — глухое ущелье вдали от туристских троп. Когда звук раздался в третий раз, я понял, что он доносится откуда-то сверху, с высокой ели. Задрал голову и сразу на самой макушке дерева увидел птицу.

Я разглядел ее в бинокль: типично дроздовый облик — по светлой нижней части тела разбросаны темные пятнышки, короче, не могло быть никаких сомнений, что передо мной деряба. Так значит, это он пошутил надо мной? Странно. Все дерябы, которых мне приходилось слышать до сих пор, были очень консервативны в вокальном искусстве и неизменно пели свою громкую и, пожалуй, красивую, хотя и простую, песенку, не допуская никаких вольностей.

Другое дело черные дрозды, непревзойденные импро-

визаторы и выдумщики. Один, например, развлекался тем, что время от времени вплетал в свою песню... крик сурка. Причем поражала не столько безупречность имитации, сколько удивительное музыкальное чутье, позволяющее певцу органично скомпановать в песне не слишком-то благозвучный голос зверька таким образом, что не чувствовалось никакой фальши. Но это — черный дрозд, а вот от дерябы даже такого новаторства, как простое «фиу», я не ожидал.

Словно для того, чтобы рассеять все мои сомнения, деряба еще раз повторил свой свист, а затем исполнил и классическую дерябью песенку. Возможно, польщенный моим вниманием, он старался вовсю и не умолкал буквально ни на секунду. Я попробовал посчитать, сколько же он песен способен спеть, скажем за четверть часа — получилось около трехсот! Я собирался уже идти дальше, как вдруг дрозд, оборвав песню, ринулся с макушки ели мимо меня вниз. Спустя мгновение, я услышал хлопанье крыльев и громкое «тр-тр» — характерный крик деряб — и увидел, как две птицы мелькают в чаще, с удивительной скоростью лавируя среди густо растущих елей. Все ясно: очередной пограничный конфликт. Птицы куда-то умчались и стало тихо.

Впрочем нет, время от времени из-за молодых елей, растущих на краю обрыва, доносились слабые звуки, больше всего походившие на какой-то гнусавый стон. Я осторожно пошел на звук и вскоре убедился, что он доносился с ели, которая в горизонтальном положении нависала над скальным обрывом. Очевидно, не устояв во время очередного ветровала, дерево, росшее на уступе скалы, рухнуло таким образом, что больше половины ствола оказалось в воздухе. Часть неповрежденных корней не только прочно удерживала ель от падения, но и обеспечивала достаточное питание, во всяком случае ее крона была зеленой и достаточно густой. Звук, привлекавший мое внимание, раздавался почти с самой ма-

кушки ели, примерно в пяти-шести метрах от края обрыва. Поднявшись немного выше, я разглядел дерябу.

Птица вела себя очень странно. Она вертелась на одном месте на открытом участке ствола, то ложась на брюшко головой в одну сторону, то, повернувшись, на сто восемьдесят градусов, в другую, затем снова поднималась на ноги, на секунду отскакивала в сторону, словно для того, чтобы взглянуть на облюбованное место со стороны. И так раз за разом, сопровождая эти необычные действия гнусавыми стонами. Увлеченная своим занятием, она не обращала на меня никакого внимания.

Я почти не сомневался, что наблюдаю выбор места для гнезда. У разных птиц это происходит по-разному, как бывает у деряб, мне раньше видеть не приходилось. Чаще всего они устраивают гнезда на боковых ветках елей, у ствола, или наоборот, в самом конце еловой лапы, изредка на скалах, один раз я нашел гнездо на земле. Правда, на этот раз дрозд выбрал место необычное.

Тем временем вернулся самец, и, гордый своей победой над чужаком, принялся было петь, но обнаружив меня в опасной близости от будущего гнезда и самки, спикировал с макушки высокой ели вниз и, вертясь вокруг меня, разразился громким треском. К нему, естественно, присоединилась самка и я под аккомпанемент далеко не благозвучных тревожных криков рассерженных птиц поспешил ретироваться за пределы их гнездового участка. До

чего же скандальнѣе птицы: еще ни одной веточки не положили в основание будущего гнѣзда, а шум подняли такой, будто я посягнул на жизнь их птенцов.

Прошло две недели, прежде чем я вновь оказался в тех краях. Уже издали услышал удивительный свист дерябы и вновь невольно оглянулся. Уж очень здорово он походил на человеческий! Как я и ожидал, на стволе нависающей ели оказалось гнѣздо, на котором, вжавшись так, что видны были лишь кончик клюва и хвост, сидела самка. Конечно, соблазнительно было проверить содержимое гнѣзда, но добраться до него было практически невозможно. Поэтому я ограничился лишь тем, что описал место, и, зарисовав в дневнике расположение гнѣзда, отправился дальше.

Через несколько часов, возвращаясь тем же путем, я опять проходил через владения деряб. Здесь шла настоящая война. Слышалось хлопанье крыльев, тревожные крики дроздов, что-то скороговоркой тараторила сорока. Когда я наконец добрался до места, бой был в самом разгаре. Двое деряб непрерывно атаковали сороку, которая ловко уворачивалась от пикирующих дроздов, шмыгая с одной ели на другую, потихоньку приближалась к гнѣзду. Однако, когда до гнѣзда осталось метров десять, его защитники обрушились на сороку с такой яростью, что она была вынуждена забиться в самую гущу ветвей молодой ели, не рискуя и носа показать оттуда. Казалось, дерябы отстаивали свое гнѣздо, но в это время появилась вторая сорока, к ней тут же присоединилась первая, и они вдвоем решительно двинулись в атаку. Бедные дрозды все-таки героическими усилиями остановили продвижение непрошенных гостей, но те переменили тактику. Одна из сорок перешла в наступление, щелкая стальным клювом, а другая тем временем метнулась к поваленной ели с гнѣздом. «Ах!» — горестно вскрикнула она. Мне знаком этот крик. Я не раз слышал его у сорок при разорении птичьих гнѣзд, они издают его в предвкушении близкой

добычи. «Ах!» — продолжала словно бы сокрушаться сорока, приближаясь к гнезду. Все усилия деряб помешать хищнице казались напрасными. Вторая сорока так яростно бросалась на дроздов, что те уже не в состоянии были наладить организованную оборону гнезда.

И вот, когда уже все казалось потерянным, вмешался я. Пара камней, брошенных без особой точности, сделали, тем не менее, свое дело — сороки мгновенно исчезли. Без сомнения, это было глупо. Гнездо обречено, и практически никаких шансов на его спасение не было. Когда я уйду, сорокам уже ничто не помешает завершить свое черное дело.

В следующий раз я побывал в этих местах спустя примерно месяц. На стволе поваленной ели я увидел пустое покосившееся гнездо. Дроздов нигде вокруг не было видно. Я пошел дальше, вспоминая о самоотверженных птицах, и вдруг услышал над головой крики молодых деряб. Три хорошо летающих слетка гурьбой навалились на взрослую птицу с пучком насекомых в клюве. Быстро расовав корм по ненасытным ртам, деряба взлетел на макушку ели и свистнул. Сомнений быть не могло — это мой старый знакомый со своей «фирменной» песней. Остается только гадать, как удалось дроздам отстоять свое гнездо, но уверен, для того, чтобы эта история имела счастливый конец, им пришлось совершить настоящее чудо.

Московки

Вообще гнезда московок искать не очень сложно. Птички совершенно не боятся человека и в нескольких метрах от наблюдателя преспокойно занимаются своими делами. Но были у меня случаи, когда я тратил по многу часов, да и дней, подряд на безрезультатные поиски. Причем каждый раз знал, что гнездо где-то рядом, быть

может, в нескольких метрах. И все это из-за того, что московки удивительные выдумщики по части выбора места для гнезда.

Особенно долго искал я однажды гнездо парочки этих самых маленьких наших синичек, у которой самец был с кольцом и цветной целлулоидной меткой. Я его поймал и пометил еще в конце марта на куче отбросов в поселке. Здесь обычно собиралась компания сорок, ворон, воробьев, регулярно появлялись и большие синицы. И однажды среди отбросов я заметил маленькую замызганную птичку, которая с деловым видом бесстрашно шныряла среди далеко не «благонадежных» сорок.

Я быстро насторожил западню с мучным червем в качестве приманки и, вспугнув завсегдатаев помойки, водрузил ее на плоский камень. Как и следовало ожидать, московка тут же заметила лакомство и секунду спустя оказалась в плену. После всей процедуры измерения, взвешивания и меченья она казалась скорее рассерженной, чем напуганной. Когда я ее выпустил, пичуга отлетела на несколько метров до ближайшего дерева, там быстро привела в порядок оперение, попробовала своим клювом на прочность кольцо и метку и только после этого улетела к синеющим вдалеке елям на противоположный склон ущелья.

На следующее утро я решил переловить больших синиц, и вновь насторожил западню. Уже через полчаса я издали в бинокль заметил, что ловушка сработала. В клетке сидела вчерашняя московка с новеньким блестящим кольцом и расклевывала мучного червя.

Бедняга, — подумал я, — на долю злосчастной пичуги опять выпало такое испытание. И поспешил выпустить ее на волю. Вновь насторожил ловушку, насадил нового мучного червя и едва отвернулся, как услышал щелчок сработавшей западни. Оглянулся... и пошел вновь вынимать московку, которая торопливо уминала приманку. Маленький хитрец — московка оказалась самцом — еже-

дневно прилетал и терпеливо караулил меня с моей ловчей снастью. Под конец настолько обнаглел, что пытался забраться в ловушку с приманкой, которая была в моих руках, прежде, чем я успевал повесить ее на ветку или поставить на землю. Попавшись в очередной раз, он мигом расправлялся с мучным червем, спокойно позволял взять себя в руки, а, оказавшись на свободе, устраивался тут же на ближайшей ветке и, задорно поблескивая бусинками глаз, склоняя голову набок, поглядывал, не появится ли у меня в руках следующий мучной червь. Через несколько дней я сдался, так и не поймав ни одной большой синицы.

Раз встретив его в лесу, я был приятно удивлен: не так часто дается увидеть помеченную птицу. Он улетал в поселок на добрых полтора километра ежедневно по нескольку раз, преодолевая нешуточное для такой маленькой птички расстояние. Мой старый знакомый выбрал для постоянного жительства очень живописный уголок — группу старых мощных елей, растущих на краю красивого плато прямо среди огромных валунов и скальных обломков, поросших темным мхом. Он с упоением пел свою простую, благозвучную песенку, сотни раз повторяя смешное «винтик-винтик-винтик...». Эту песенку он даже ухитрялся разнообразить, меняя то ударение с одного слога на другой, то высоту тона, то темп исполнения.

Поблизости держалась и самочка. Не обращая внимания на старания своего кавалера, она, казалось, была всецело занята поисками пищи. Подвешиваясь снизу к концам еловых лап, она тщательно обследовала каждую хвоинку, поминутно что-то склевывая.

Мне стало даже обидно за самца, которого тоже, очевидно, задело за живое такое безразличие к его вокальному искусству. Во всяком случае незадачливый певец вдруг подлетел к неблагодарной слушательнице и, потряхивая крылышками, быстро-быстро залепетал ей что-то нежно и укоризненно. Наконец-то самка перестала

есть, тоже затрепетала крылышками и буркнула что-то успокоительное, чем привела самца в неописуемый восторг. Он вспорхнул на самую макушку ели и запел с утроенной энергией, ну а самка — она, не теряя времени, продолжила свой завтрак.

После нескольких встреч с этой милой парой на том же месте я уже не сомневался, что где-то здесь они построят свое гнездо, причем было очень вероятно, что им приглянется один из синичников, которые мы развесили тут еще прошлой осенью. Поэтому, когда через неделю я встретил самку с клочком шерсти в клюве, которая в сопровождении самца летела к облюбованной группе елей, то сразу взобрался на ту из них, на которой висел синичник. Снял крышку искусственного гнезда и, к своему разочарованию, обнаружил, что оно пустое, лишь большой паук забился в угол.

Впрочем, это был уже не первый случай, когда синицы отвергали удобные, на наш взгляд, жилища. Поэтому я не очень расстраивался, не сомневаясь, что вскоре найду гнездо. Просто для работы синичник, у которого открывается крышка и который, наконец, можно вместе с гнездом и птенцами перевесить, спустить, например, пониже гораздо удобнее, чем какое-нибудь дупло с узким летком, куда заглянуть, в лучшем случае, можно только с помощью небольшого зеркальца и электрического фонарика. Итак, осталось лишь запастись терпением и дожидаться очередного прилета птиц со строительным материалом и проследить, куда они его понесут. Казалось все очень просто. И действительно, не прошло и пяти минут, как птицы появились снова и скрылись в верхней части пышной кроны высокой ели. Через минуту они вылетели оттуда и снова улетели в поисках шерсти. Быстро, стараясь управиться до следующего прилета синиц, взобрался я на ель примерно до того места, куда прилетали птицы, и принялся тщательно осматривать ствол, сантиметр за сантиметром, в надежде обнаружить

дупло или трещину. Увы, ничего похожего на гнездо я не увидел, хуже того, прилетела моя парочка и подняла крик. Тут же налетела куча других птиц и все дружно и громко принялись осуждать меня за разбойничье поведение. Не оставалось ничего другого, как признать свою неудачу и слезть с дерева.

Но и это меня не слишком огорчило. В конце концов мне удалось твердо установить, что гнездо на одной из елей в группе примерно из десяти деревьев, значит, не на одной, так на другой я его непременно найду. Однако попусту забираться подряд на все ели, а они, как на подбор, вымахали высоченные, не хотелось. Поэтому я решил прийти сюда на следующий день, когда птицы успокоятся. Так и сделал. И опять птицы, как и вчера, скрывались в густых ветвях одной и той же, уже обследованной мною ели, со строительным материалом в клюве и, спустя минуту, вылетали без него.

Кстати, наблюдая как часто синицы носят шерсть, можно подумать, что в лесу она валяется всюду в больших количествах. Как-то раз я специально решил поискать ее вокруг... и ничего не нашел. Пришлось повнимательнее понаблюдать за птицами. Несколько раз мне удалось увидеть, как они собирают шерсть. Вот князек, перелетая от дерева к дереву на высоте не более метра что-то выбирает из трещин коры. Подошел, внимательно осмотрел. Оказывается, здесь проходит едва заметная тропа косуль, и они местами задевают боками за кору елей, оставляя то там, то здесь по нескольку волосков. Другой раз я видел, как московка общипывала мертвую полевку, лежащую на земле. И не успокоилась, пока на зверьке не осталось ни одного волоска. Нередко птицы разбирают с этой целью старые гнезда.

Пришлось-таки мне слазить на все деревья. Возможно, подумал я, через густые ветви тесно сомкнувшихся крон елей московки незаметно могут прошмыгнуть к любому дереву из этой группы. Значит нужно каждое осмотреть.

К сожалению, и это ничего не дало. Птицы уже давно построили гнездо, самка отложила яйца и начала насиживать, самец регулярно приносил ей корм, исчезая каждый раз в одном и том же месте, а я в своих поисках не продвинулся ни на шаг. Оставался последний шанс — дождаться вылупления птенцов. Родители кормят их очень часто, каждые три-четыре минуты, и уж в таких условиях немного наблюдательности — и можно найти любое гнездо.

Что ж, дождался. Дождался и убедился, что гнездо все-таки на той ели, на которую я влез в первый раз. Но где? Нужно было еще раз тщательно осмотреть дерево, что я и сделал быз. всякого энтузиазма. Результат прежний. Чертовски устав, я уселся на боковую ветку и отдыхал, а окольцованный самец московки нахально вертелся рядом и лукаво на меня посматривал. Было ясно, что он за время бесплодных поисков убедился в моей полной бездарности и сейчас наслаждался моей беспомощностью и пыжился от гордости, что сумел так хитроумно спрятать свое гнездо.

И вдруг я его увидел! Вернее, не гнездо, а обломок ствола осины, диаметром сантиметров десять и не более тридцати в длину. Он застрял в переплетении ветвей ели в вертикальном положении. Вероятно, рядом с елью росла когда-то осина. Состарившись, дерево отмерло, и когда прогнивший ствол уже не в состоянии был противостоять напору ветра, оно рухнуло, разваливаясь на куски, один из которых и застрял здесь. Хотя с моей стороны не было видно входа в дупло, я не сомневался, что он есть. Чтобы убе-

даться в правильности догадки, необходимо было дотянуться до обломка. Это оказалось вовсе не просто, так как от ствола до него было более двух метров. И как я ни старался изловчиться заглянуть с другой стороны, ничего не получалось. Оставалось только попробовать подтянуть ветки с обломком поближе.

И случилось непоправимое: ствол, который и так едва держался, вдруг начал скользить вниз. В последний момент мне все же удалось его схватить. В нем действительно оказалось дупло. Судя по небольшому размеру летка, его выдолбил не дятел. С уверенностью можно было утверждать, что это работа джунгарской гаички, ведь в Заилийском Алатау, кроме большого пестрого и трехпалого дятлов, только эти птички способны самостоятельно выдолбить дупло. К сожалению, у меня нет уверенности, что произошло это уже после того, как осина рухнула. Ведь тогда честь изобретения такого оригинального жилища принадлежала бы гаичке, причем не только изобретения, но и осуществления проекта, тогда как москвки лишь заняли уже готовое дупло.

Впрочем, мне однажды все-таки удалось увидеть, как москвки выдолбили себе... норку. Как-то раз мое внимание привлекла одна синичка, которая себя престранно вела. Как заведенная, она сновала по одному маршруту: слетала на землю, спустя секунду взлетала на кустик жимолости, что рос в полуметре, затем тут же снова слетала на землю и так много раз. Потом появилась вторая москвка и они вместе куда-то улетели. Я быстро подошел посмотреть, чем же здесь занималась птичка, и увидел в земле небольшое отверстие, которое сначала принял за мышиную норку. Однако, когда под кустиком жимолости обнаружил кучку древесных волокон, решил осмотреть норку повнимательнее. И не напрасно! Оказывается, норка была проложена не в почве, а в древнем пне, давно сравнявшемся с землей. Сверху он порос редкой травкой и ничем не отличался от окружающей обста-

новки. Под пальцами упругая, как губка, трухлявая древесина легко поддавалась и из нее начинала сочиться влага.

Конечно, не от хорошей жизни московки вынуждены поселяться в таких жилищах — сырых, неуютных и далеко не безопасных. Природа наделила их слишком слабым клювом, и если птичкам не повезет в поисках свободного чужого дупла, им приходится довольствоваться всякими норками, щелями, трещинами скал или же, как тем синицам, за которыми я наблюдал, отыскивать трухлявые пни с мягкой древесиной, которая окажется им «по зубам».

Итак, я оказался на десятиметровой высоте на ели с обломком в руках. Все попытки приладить жилище синиц на место ни к чему не привели. Обломок не хотел прочно закрепляться, и стоило мне убрать руку, как он начинал скользить вниз. Что же делать? И тут мне в голову пришла мысль: а что, если спустить обломок с гнездом вниз и закрепить на земле под деревом? Ведь мой старый приятель уже не раз доказывал свою сообразительность. Стоило попробовать! После нелегкого спуска со стволом осины в руках я выбрал место в полутора метрах от ствола ели и закрепил обломок с гнездом, заклинив его меж двух валунов. Теперь оставалось укрыться неподалеку и понаблюдать, как поведут себя птицы.

Первой с кормом прилетела самка. Она растерянно перепархивала с ветки на ветку на том месте, где было гнездо. Прошла минута, другая, синица проглотила принесенный корм и улетела. Что ж, отчаиваться было рано, ведь еще не появлялся самец. Вскоре вновь появилась птица с кормом, опять самка, и вся история повторилась. Еще добрых полчаса самец не прилетал, в то время как самка усердно таскала добычу на пустое место и там проглатывала ее или выбрасывала. Наконец появился и глава семьи. Назвать его кормильцем было бы явным

преувеличением. Из его клюва едва заметно торчали то ли ножки, то ли крылышки. Увы, и он прилетел на то место, где еще совсем недавно было гнездо. И вид у него был не менее растерянный, чем у самки.

Надо искать другой выход, подумал я, но в этот момент увидел, что самец уже сидит на нижних ветвях ели прямо над обломком. Еще секунда и он скрылся в дупле, откуда раздался многоголосый писк. Когда самец вылетел из дупла, его прямо-таки распирало от счастья и гордости. Он несколько раз спел, бросая в мою сторону победоносные взгляды, и умчался за новой порцией корма.

Ну вот, теперь за судьбу птенцов можно не волноваться. Несомненно, и самка в конце концов заинтересуется, куда носит корм ее супруг и обнаружит своих птенцов.

Неунывающий народец

Весна в этом году выдалась ранней и перелетные птицы появились как-то внезапно. В конце апреля в горах уже зазвенели голоса красноспинных и седоголовых горихвосток, горных и маскированных трясогузок, теньковок. Едва прилетев, дружно запели чеканы. Больше всего их было по подножиям южных склонов. Повсюду, куда не кинешь взор — ярко расцвеченные фигурки самцов, сидящих на макушках кустов, на сухих прошлогодних стеблях бузульника, на небольших деревцах.

И как это часто бывает у птиц с первых же дней возникли неизбежные трения из-за участков. Главы будущих чеканьих семей вначале музицировали, но время от времени соперничество проявлялось не столь безобидно и красиво. Забияки бросались тогда «врукопашную». Скрежещущий, щебечущий, пищащий клубок, который, казалось, состоял не из птиц, а из черных, рыжих, белых беспорядочно мельтешащих пятен, катился над землей,

пока, наткнувшись на какое-нибудь препятствие, не распадался на несколько взъерошенных тяжело дышащих самцов.

Черноголовые чеканы не изобретательны по части нахождения мест для гнездования. И задача орнитолога поэтому упрощалась. Но мне просто не приходилось до сих пор отыскивать их гнезда. Обычно я по утрам, не мешкая, от лагеря напрямик направлялся в ельник. Но однажды в конце апреля один забавный случай нарушил заведенный порядок и предоставил возможность увидеть чеканов в новой для меня роли и обстановке.

Едва я вышел из вагончика, как услышал невдалеке собачий лай. Что могло привести сюда собаку в такую рань и почему она так азартно лает?

Не прошел и сотни метров, как увидел чёрного лохматого пса, который преследовал крупного лиса. Вскоре стало ясно, кто из этих двоих настоящая жертва. Собака уже выбивалась из сил. У нее даже не хватало сил как следует тявкнуть и в сиплом «ай, ай» с трудом угадывалось грозное «гав». Вконец обессиленный, пес остановился. Черные бока ходили ходуном, пастью он жадно ловил воздух.

Лис, у которого, напротив, не было заметно ни малейших признаков усталости, тоже остановился, терпеливо

ожидая, когда отдышится его преследователь. Через минуту, решив, очевидно, что отдых затягивается, он нахально подбежал к собаке и остановился чуть ли не в метре от нее.

Для лохматого героя это было уж слишком! Он вскочил и погоня возобновилась. Так они и скрылись — легкая, неутомимая лиса впереди, чуть живой от усталости пес — за ней.

Я уже собирался вернуться на тропу, ведущую вниз к речке и дальше в лес, как вдруг увидел самку черноголового чекана с пучком сухой травы в клюве. Она вертелась вокруг меня, перелетая с кустика на кустик, не обнаруживая, впрочем, особого волнения. Очевидно, где-то неподалеку должно было находиться строящееся гнездо, и я мешал птице заниматься своими делами. Действительно, стоило мне отойти на несколько метров, как самка нырнула в густую траву едва ли не в том месте, где я сидел. Дождавшись, пока самка улетит на поиски строительного материала, я подошел к замеченному месту и легко обнаружил наполовину выстроенное гнездо, помещавшееся в земляной ямке под небольшой кочкой. Надо сказать, легко я его обнаружил только потому, что знал где искать. Гнездо было отлично замаскировано, и можно было хоть сто раз пройти мимо, не догадываясь о его существовании. Чтобы лишний раз не тревожить птиц, я сразу отошел подальше, достал записную книжку и принялся за описание гнезда. Но не успел я покончить с этим делом, как заметил еще одну самку черноголового чекана и тоже с каким-то строительным материалом в клюве.

И пошло! Не прошло и двух часов, как я нашел четыре гнезда чеканов и еще одно — горных овсянок. Самки дружно строили, самцы во все горло распевали свои песни. Казалось, сам воздух был наполнен весенними звуками и ароматами. Была та замечательная пора, когда даже от полуденного солнца исходит ласковое

тепло, а не палящий зной. Зеленые склоны захлестнула розовая пена цветущего урюка...

Недели через две я специально пришел проверить гнезда. Оказалось, что птицы давно закончили строительство и уже насиживали полные кладки. В гнездах чеканов я обнаружил по пять-шесть голубоватых яиц; четыре светлых яйца, покрытых рисунком в виде тонкой сети извилистых линий, пятнышек и штрихов, было в гнезде горных овсянок. На кладках сидели самки, а самцы, как и две недели, и месяц тому назад, пели. Особенно выделялся один черноголовый чекан. Он «освоил» позывку князька, страшно этим гордился и старался перещеголять всех, без умолку выводя звучную трель. Я вспомнил несомненно более способного другого чекана, которого несколько лет тому назад встретил в этом же ущелье. Тот великолепно, со всеми нюансами, копировал сложную для подражания песню синей птицы, причем ухитрялся исполнять ее почти так же громко.

В начале мая погода резко изменилась. Вместо ожидаемой жары зарядили дожди. Не проходило дня, чтобы небо не затянули тучи, не прошумел ливень. Подошло время вылупления птенцов в гнездах чеканов. И вот я во второй раз пошел их проверять. Эта проверка оказалась грустной. Погибли все четыре гнезда черноголовых чеканов. Их не разорили хищники или люди, не растоптал домашний скот, нет, причиной несчастья оказались проливные дожди. Влага просочилась сквозь корни трав, напитала землю. Отяжелевшие, размокшие своды ниш, в которых располагались гнезда, обрушились, погребя кладки.

Но не такой народ — чеканчики, чтобы впадать в уныние. Несмотря на дождик, слышалось их пение, а рядом со мной нетерпеливо топталась на ветке самка с травинками в клюве, ожидая, когда же я, наконец, отойду от нового гнезда, основательно припрятанного где-то рядом.

Арчовые дубоносы

Вот уж птица, которую ни с какой другой не спутаешь. Огромный клюв, яркая расцветка (у самца черная голова и передняя часть тела до середины брюшка и спины и зеленовато-желтая — задняя, на черных крыльях ослепительно-белые «зеркальца»; у самок черный цвет замещается серым), громкая характерная позывка «ке-ке-ке», которую слышно за сотни метров, стремительный шумный полет — все это позволяет узнать арчового дубоноса среди всех других пернатых обитателей высокогорья. Быть может поэтому дубоносы стали едва ли не первыми горными птицами, которых я мальчишкой научился определять. Однако, несмотря на это, я долгое время о них практически ничего не знал.

Обычно, услышав голос арчового дубоноса, я шел на звук и приходил к зарослям или отдельному кусту арчи. Сами птицы, скрытые густыми ветвями, оставались невидимыми, но их местоположение можно было безошибочно узнать по частым сухим щелчкам временами прерываемым криками. Сначала я никак не мог понять, что это за звук, пока однажды не увидел, как одна из птиц, которую мне все же удалось разглядеть, сорвала плод арчи — так называемую шишкоягоду сизого цвета, величиной с небольшую горошину — легко его расколола мощным клювом (при этом раздался тот самый таинственный щелчок) и, как мне показалось, ничего не съев, выронила.

Заметив место, куда упал плод, подошел, испугнув птиц, к арче и отыскал его. Оказалось, что под мякотью шишкоягоды находится небольшая косточка — ее то и раскусила птица. Сорвав целый плод, я зубами не без труда проделал то же самое. В косточке оказалось совсем маленькое, клейкое, горьковатое на вкус ядрышко. Так сделал я первый шаг к знакомству с жизнью дубоносов, которые по праву называются арчовыми.

Прошло несколько лет, прежде чем я сделал второй важный шаг — нашел гнездо арчового дубоноса. Хорошо помню как это случилось. Я издалека слышал знакомый голос. Дубонос летел на большой высоте и вдруг, спикировав, опустился неподалеку на куст арчи. Это был яркий красавец-самец. Чтобы его лучше рассмотреть,

я поднял бинокль и вдруг обнаружил, что рядом с ним сидит вторая птица, более скромной расцветки. Она, трепеща крыльями, выпрашивала подачку. Казалось невероятным, чтобы уже в начале мая у дубоносов были птенцы, да еще такие крупные. Тем не менее, самец покормил вторую птицу, затем вдруг вытянулся, задрал вверх тяжелую клювастую голову и, мелко семеня ногами, забегал туда-сюда по горизонтальной веточке. До меня донесся тихий взволнованный голос — какое-то бормотание с вплетаемыми в него свистами. Теперь не оставалось сомнений, что вторая птица — самка, а я стал свидетелем «объяснения в любви». На самку эта сцена произвела, похоже, гораздо меньшее впечатление, чем на меня. Не дослушав до конца, она взлетела и скрылась в другой группе кустов арчи, примерно в полусотне метров выше по склону. Мне стало обидно за самца, но сам он держался молодцом, выбрался на макушку арчи и даже запел. Вот это был настоящий сюрприз!

Многие ли могут похвастать, что слышали пение

арчового дубоноса?— наверное, единицы. Я долгое время думал, что эти птицы вообще не поют, но однажды мой товарищ, страстный любитель птиц, уходя в армию, подарил мне молодого самца дубоноса, еще не перелинявшего во взрослый наряд. Я поселил его в вольере на балконе вместе с клестом и щеглами. Новый жилец оказался очень приятной птицей — всегда, даже в самый лютый мороз, жизнерадостный, бодрый, он прекрасно ужился со старожилами клетки и, несмотря на то, что значительно превосходил остальных величиной и силой, никого не обижал. Прошло несколько дней, и раз услышал я незнакомое пение. Приятные звуки песни, похожей немного на чижиную, но богаче, мелодичнее и гораздо тише как-то не вязались с дородной комплекцией дубоноса. С тех пор он пел очень часто и помногу, опережая в этом даже таких неумных певцов, как щеглы. Скорее всего мнение о том, что арчовые дубоносы очень редко поют, ошибочно. Просто его песня настолько тихая, что услышать ее можно с близкого расстояния.

Итак, самец пел на арчовой ветке и вдруг раздался странный звук, отдаленно напоминающий тот, который возникает, если к вращающимся лопастям вентилятора поднести листок бумаги. Это летела самка. В клюве она тащила длинную полоску луба, свободный конец которой, попадая под машущее крыло птицы, издавал тот самый странный звук, который привлек мое внимание. Самка села на тот же куст, где пел самец, и скрылась в его глубине. Там довольно долго возилась, переговариваясь вполголоса с самцом, затем выбралась наверх, уже без стройматериала и, не мешкая, улетела. Самец на сей раз последовал за ней. Через несколько минут они вернулись. У самки в клюве опять был луб. Так птицы еще раз десять повторили маршрут, затем, быстро набрав высоту, полетели в другом направлении. Они уже давно скрылись за елями, но мне еще долго были слышны их голоса, перекликающиеся в воздухе.

Несмотря на то, что я довольно хорошо представлял себе, где должно быть гнездо, обнаружил его не сразу. Да и не мудрено. Его основание было сложено из сухих арчовых веточек, лоток выстлан полосами арчового же луба и, расположенное в верхней части куста, оно скорее напоминало беспорядочное переплетение ветвей арчи, нежели гнездо птицы. Полоски луба, выстилающие лоток, были искусно переплетены между собой, напоминая аккуратно сплетенную корзину. И в расположении гнезда, и в использовании строительных материалов арчовые дубоносы еще раз подтвердили справедливость своего названия.

В дальнейшем мне не раз удавалось находить гнезда арчовых дубоносов. Обычно эти находки не были случайными, а венчали целенаправленные поиски и наблюдения. Быть может, поэтому со мной однажды случился конфуз. К нам на орнитологический стационар приехала киногруппа для съемок птиц. Попросили показать жилое гнездо черногрудых красношеек. Кинооператор, грузный, но еще молодой мужчина, сразу предупредил, что месторасположение гнезда должно отвечать определенным условиям. Я было подумал, что речь идет об освещенности или живописности района, но, оказывается, ошибся. Требовалось гнездо, к которому можно было подъехать на машине на расстоянии не более пятидесяти метров, желательно на пологом склоне без камней, рытвин и прочих труднопреодолимых препятствий.

К счастью, такое гнездо имелось. Оно было в нескольких десятках метров от дороги. Тем не менее, оператор потребовал, чтобы машина свернула с колеи и подъехала еще ближе. Наверное, будь его воля, он бы попытался отснять красношеек, не выходя из автомобиля, но тут уж запротестовал я: не губить же гнездо из-за его лени! В результате было решено оставить газик в двадцати пяти метрах, а оставшийся отрезок пройти пешком. Показав гнездо, я пошел по своим делам, пообещав вернуться

через час. Вернувшись, застал оператора, с комфортом устроившегося с камерой на траве в трех метрах от гнезда. Недовольным голосом он пожаловался, что взрослые птицы оказались нерадивыми родителями — за все это время они ни разу не удосужились покормить своих птенцов. Прежде, чем я успел спросить, отчего он и вовсе не сел на гнездо, оператор небрежно сказал, что у него есть для меня сюрприз — он нашел гнездо черной птички с большим клювом. Я сдержался с трудом. Не понравилась его самоуверенность, и был почти убежден, что вскоре посмеюсь над неопытностью оператора, которому взбрело в голову, что гнезда бывают на каждом кустике, где садятся птицы. Настоял, чтобы пойти и посмотреть. Оператор с большой неохотой сделал это. Но зато когда он раздвинул ветки арчи и ткнул пальцем в гнездо арчового дубоноса, в котором тихонько сидели три большеголовых птенца, посрамлен-то был я.

Зимой дубоносы изредка появляются в Алма-Ате. Это удивительное зрелище, когда над шумными городскими улицами, бодро перекликаясь, летят эти птицы. Ведь и их голос и весь облик в моем представлении неразрывно связан с горами, с зарослями арчи. Я все ломал голову, чем они здесь питаются, что их в городе привлекает? Скажем, красношапочных вьюрков зимой в Алма-Ате очень много. Целыми днями птички шелушат березовые сережки в компании чечеток и чижей, облепив кроны этих деревьев. Другой горный житель — стенолаз — тоже регулярно появляется в городе.словно гигантская бабочка, порхает он от одного высотного здания к другому, выискивая в щелях облицовки зимующих насекомых. И вот однажды удалось посмотреть на кормежке и дубоносов. Несколько птиц опустились на яблони в крошечном садике чудом уцелевшего в центре города частного домика. Прыгая с ветки на ветку, они добрались до редких высохших, сморщенных яблок и начали крошить их своими могучими клювами.

Но арчовых дубоносов интересовала не высохшая мякоть плодов. Они равнодушно роняли бурые кусочки на грязный снег, где их тут же склевывали невесть откуда взявшиеся воробьи и черные дрозды. Сами же дубоносы поедали только семена. Мне вспомнилось, что точно также они поступают с плодами рябины. После посещения арчовыми дубоносами этих деревьев, снег под ними бывает красным от сока оброненных ягод. Мякоть же долго внизу не залеживается. Ее подбирают дрозды, каменные куницы и другие лесные обитатели.

Однако все это — и появление вне гор, и питание семенами яблок — лишь непродолжительные эпизоды в жизни арчовых дубоносов. Их стихия просторные склоны гор выше верхней границы ельников, заросшие арчовым стланником. Именно здесь нужно их увидеть, услышать их голоса, чтобы понять неповторимое своеобразие и красоту арчовых дубоносов.

Назойливая сорока

Когда в конце марта мы поднялись в горы и начали полевые наблюдения, среди сорок уже царило весеннее оживление. На северных склонах еще лежал снег, зато на южных, как раз в излюбленных местах обитания сорок, было тепло и сухо. Новые гнезда не появились, по-видимому птицы пока присматривали себе гнездовые участки. Не обходилось и без драк, а уж шума и трескотни было столько, что казалось, будто вокруг кроме сорок никаких других птиц и нет. Иногда длиннохвостые собирались на каком-нибудь дереве группой по пятьдесят птиц и что-то долго и горячо обсуждали. Когда страсти накалялись до предела, все вдруг разом взлетали и, кружа, продолжали спор в воздухе.

Прошло еще несколько дней, и все спорные вопросы об участках и границах, похоже, благополучно завершились. Сорок как подменили. Они стали скрытными

и относительно молчаливыми. Лишь изредка, да и то только с близкого расстояния, можно было услышать пение какой-нибудь одуревшей от весеннего солнца сороки. Пение — это, конечно, громко сказано. Обычно «певец» скороговоркой, скрипучим сварливым голосом что-то тихо бормотал.

Строительство гнезда у сорок — процесс трудоемкий и продолжается едва ли не месяц. Надо отдать должное самкам, которые выполняют львиную долю работ по возведению монументального сооружения из прутиков. Несмотря на то, что внешне гнездо кажется довольно небрежной постройкой, оно отличается большой прочностью и, главное, имеет настоящую крышу. В отделочных работах, когда птицы «штукатурят» мокрой глиной лоток, а после того, как она высохнет, кладут сверху выстилку из корешков, иногда принимает участие и самец, но работает «халтурно», поминутно отвлекаясь по всяким пустякам.

После завершения строительства гнезда поведение сорок вновь резко меняется. Опять повсюду слышны их голоса, вернее, голоса самок, которые ведут себя в это время, на мой взгляд, безобразно. Они неотступно следуют за самцами и, трепеща крыльями словно птенцы, вымогают подачку. Я понимаю, что это, очевидно, часть брачного ритуала, но нельзя же быть такими назойливыми! Ошалевшие самцы пытаются спастись от своих настырных подруг бегством, но это им редко удается. Куда бы они не метнулись, их всюду преследуют трепещущие крылья, разинутый клюв и просительное «ай-ай-аах-ай». Наиболее предприимчивые самцы, как я заметил, то и дело суют самкам в клюв что попало, лишь бы хоть на несколько секунд заткнуть им глотку.

Но вот в гнездах появляются яйца. Обычно их четыре-шесть, они зеленоватого цвета с бурыми пятнами. Снова становится тихо, и только длинные хвосты, торчащие из гнезд, выдают присутствие насиживающих птиц.

С птенцами сорок часто происходит что-то непонятное. Из вылупившихся пяти-шести к концу пребывания в гнезде их остается обычно два-три. Гнездо устроено так, что выпасть из него птенцам очень сложно, а врагов, которые могли бы вытащить сорочат, очень мало, да и родители в состоянии дать отпор любому хищнику. Тогда куда же деваются птенцы? Существует мнение, что некоторые врановые птицы, в том числе сороки, в зависимости от обилия корма сами регулируют величину выводка, выбрасывая птенцов. В гнезде остается столько сорочат, сколько им по силам выкормить. Самому мне такое не приходилось наблюдать, но то, что птенцы исчезают — бесспорно. Возможно, конечно, что сороки выбрасывают не живых птенцов, а уже мертвых, погибших от голода. Во всяком случае по отношению к оставшимся сорочат они проявляют трогательную заботу, а при их защите — подлинную самоотверженность.

Однажды, во время кольцевания сорочат в одном из гнезд неподалеку от нашего лагеря я столкнулся с сорокой, отличавшейся особо скверным характером. Уже когда я лез на дерево с гнездом, она — кажется, это была самка — с громким криком нахально вертелась у самого моего носа, извергая на меня потоки ругани

и оскорблений, которыми так богат сорочий язык. Временами, исчерпав запас сильных выражений, начинала ожесточенно долбить клювом какую-нибудь ветку, явно намекая, что недурно было бы проделать тоже самое и на моей голове. Я уже давным давно окольцевал птенцов, спустился с дерева, успел отойти от гнезда на добрый километр, а разбушевавшаяся сорока не отставала. Ее крики начинали меня раздражать. Мало того, что они сами по себе неприятны, гораздо хуже было то, что в таких условиях просто невозможно работать.

По опыту я уже знал, что если в присутствии сороки подойти к гнезду какой-нибудь небольшой птицы, можно не сомневаться, что оно в самом ближайшем будущем будет разорено. Я решил попробовать перехитрить зловредную птицу и спрятался среди густых молодых елей. Сорока сунулась вслед, но я швырнул в нее камень и после этого она уже не рисковала близко подлетать. Хотя сорока и не могла меня видеть, еще с полчаса трещала, затем все стихло. Выждав для верности еще столько же, я осторожно выбрался из своего укрытия. Друг друга мы — сорока и я — заметили одновременно. Она подпрыгнула на макушке ели от радости и с упоением принялась кричать. Чувствовалось, что скандалистка хорошо отдохнула и теперь ее хватит надолго. День был безнадежно испорчен. Не оставалось ничего иного, как возвращаться в лагерь. Эскортируемый моей мучительницей, под ее непрерывный аккомпанемент я двинулся назад.

На следующее утро неугомонная сорока встретила меня чуть ли не у порога нашего вагончика и после этого не отставала весь день. Из «игры в прятки» она неизменно выходила победительницей. В итоге и второй день пошел насмарку.

Еще два дня, меняя время экскурсий, маршруты и даже верхнюю одежду, я пытался обмануть бдитель-

ность хитрой птицы, но безрезультатно. С чисто охотничьим азартом она выслеживала меня и, забыв о птенцах, терроризировала, совершенно лишив возможности нормально работать. После четырехдневной травли, я решил прибегнуть к чрезвычайным мерам. Горя желанием отомстить, я едва дождался утра и, закинув за плечо ружье, направился прямо к гнезду проклятой птицы. То там, то здесь я видел сорок, хватался за ружье, но птицы спокойно занимались своими делами, не обращая на меня внимания.

Гнездо оказалось пустым. Собственно, так должно было быть: когда я кольцевал птенцов, они были уже так велики, что пытались выскочить из него. В нескольких местах были слышны крики слетков-сорочат, выпрашивающих корм у своих родителей. Однако злобного стрекота, ставшего мне ненавистным, я ни в тот день, ни в последующие больше не слышал.

Маленькие враги

Беззаботна, весела, как птичка... Такое сравнение и вам, верно, приходилось слышать не раз. Во мне оно вызывает бурный протест. У птиц и забот хватает, а сколько у них врагов! Больших и маленьких, и нет им числа. Никогда не забуду потрясение, которое довелось испытать в детстве... Шли летние каникулы, и целыми днями я пропадал в большом колхозном саду, что почти соседствовал с городской окраиной. Каких птиц можно было в нем увидеть! Фазанов, вальдшнепов, ушастых сов, козодоев...

Предметом особого любопытства и гордости стало найденное мною гнездо небольшой шустрой птички, кажется, славки. Гнездо помещалось в развилке ветки небольшого, но очень густого куста шиповника, и было отлично замаскировано. Обнаружив его во время строите-

льства, я чуть ли не ежедневно сюда наведывался, с восторгом наблюдая, как сначала в гнезде появились зеленоватые яйца, потом, спустя какое-то время, крошечные, голые, к тому же совершенно беспомощные птенцы.

Бежали дни, птенцы менялись на глазах. Но в один из своих визитов уже издали заметил, что у гнезда творится что-то неладное. Взрослые птицы с отчаянными криками носились вокруг куста. Подойдя ближе, я ужаснулся: длинная серая змея забралась на куст и вытащила из гнезда почти оперившегося птенца. Из невероятно растянувшейся змеиной пасти торчали только куцый хвостик и судорожно дергающиеся лапки одного из птенчиков. Остальные, плотно прижавшись, сидели в гнезде. Их надо было спасти, и я бросился на выручку. Змея скользнула вниз и мгновенно скрылась в густой траве.

С тех пор я узнал о существовании многочисленных врагов птиц, подстерегающих их всюду, нападающих и на взрослых птиц и на молодых, даже на птичьи кладки. Причем среди них были не только настоящие хищные птицы, звери и пресмыкающиеся, но и такие, на первый взгляд, безобидные животные, как белка, лесные сони, большие пестрые дятлы.

Однако оказалось, что и это еще не все, что у птиц есть совсем маленькие, но от этого не менее страшные, враги — насекомые, паукообразные, моллюски.

Однажды зимой я поймал лесного сыча, который еле-еле перепархивал с места на место. Я его взял в руки, и чуть не выронил: на несчастной птице гроздьями висели сотни клещей. Особенно много их было на голове. Из-за плотно прилегающих друг к другу сизыми шариками переполненных высосанной кровью клещей не было видно перьев. По несколько десятков их висело на веках, так, что птица с трудом приоткрывала глаза. Сыч был сильно истощен и, несмотря на то, что я пытался его

накормить и, как мог, очистил от клещей, он не дожид до следующего утра.

Неожиданным для меня врагом птенцов мелких птиц, гнездящихся на земле, оказались крупные черные слизни, очень многочисленные в горах. Их можно увидеть буквально везде — на земле, на камнях, в трухлявых пнях, несколько раз мы их находили в птичьих гнездах, но поначалу ничего дурного не заподозрили. Но как-то раз застали одного слизня на месте преступления. Он забрался в гнездо красноспинной горихвостки, в котором недавно вылупились птенцы, и напал на одного из них. Плотно приклеившись слизистой «подошвой» к птенцу, моллюск начисто объел ему кожу на голове. Конечно, маленькому птенцу было не по силам сбросить чёрного слизня, однако не понятно, почему этого не сделали родители. Птенец вскоре погиб. Позже мы подобные случаи наблюдали и у седоголовых горихвосток, и у зарничек.

И все-таки самое тяжёлое, самое отталкивающее впечатление на меня произвела деятельность личинок падальных мух. С этими паразитами мы столкнулись, когда начали работы в нижней части лесного пояса. Как-то лаборант рассказал мне, что обнаружил на птенце большой синицы каких-то личинок. Я почему-то не придавал этому особого значения, однако через несколько дней был вынужден вспомнить об этом разговоре.

В одном из гнёзд маскированных трясогузок подошло время кольцевать птенцов. Когда я вытащил первого, то увидел, что у него на теле, голове и конечностях какие-то вздутия, на каждом из которых имелся свищ. Я достал других птенцов — та же картина. Особенно много вздутий у них было на голове и крыльях. Внутри каждой опухоли было заметно, как шевелятся какие-то личинки. Пинцетом мне удалось извлечь одну из них. Длинной почти сантиметр, она была без ног и головы и походила на личинок некоторых мух. Кольцевать пора-

женных птенцов маскированной трясогузки было рискованно. Мне вообще казалось чудом, что они до сих пор живы. У одного из птенцов, на котором оказалось наименьшее количество паразитов, я вытащил пинцетом всех личинок.

К концу операции, когда я извлек около десятка личинок, птенец едва шевелился. Его шансы выжить казались мне сомнительными, а в гибели остальных птенцов я почти не сомневался.

Надо понять мое удивление, когда через несколько дней я обнаружил их всех оперившимися, без каких-либо отклонений от нормы, такими, какими и должны быть птенцы трясогузок накануне вылета. Как я ни старался отличить того из них, которому оказал помощь, сделать этого не смог. Ни личинок, ни вздутий на птенцах не оказалось, и лишь несколько маленьких рубцов, которые с трудом отыскал, указывали на места, еще недавно пораженные паразитами. После кольцевания птенцы разлетелись кто куда.

Не было сомнений, что личинки, завершив цикл развития на жертве, выпали в подстилку, где и окуклились. Разворошив гнездо, я действительно обнаружил множество плотных темно-бурых куколок, осторожно их собрал и сложил в специально припасенную склянку. В лагере я положил ее в ящик, заткнув предварительно отверстие ватой. Примерно через две недели в склянке появились мухи. Но это были мухи двух разных видов, совершенно не похожих друг на друга. Часть была серой расцветки, они очень походили на обыкновенных комнатных мух. Другие, поменьше величиной, имели яркую темно-синюю окраску. По-видимому, личинки одного из видов мух жили на подстилке гнезда, питаясь разнообразными органическими остатками. Мы их не раз встречали и прежде.

Но чьи личинки паразитировали на птенцах, оставалось не ясным. К тому времени мы нашли еще несколько

гнезд зарничек, зеленых пеночек, князьков и некоторых других птиц, в которых были пораженные птенцы. И тут выяснилось, что далеко не всегда все оканчивалось благополучно. У некоторых птенцов, особенно у мелких видов птиц, личинки часто проникали не только под кожу, но и в полость тела, в глаза, в мозг. Это неминуемо приводило к гибели жертвы. Ну а личинки, те себя прекрасно чувствовали и в разлагающихся трупах. И не мудрено. С помощью энтомологов мне удалось определить, что паразитировали на птенцах личинки серых мух, которые относятся к семейству падальных.

Далеко не всегда причиной гибели птиц бывает непосредственное нападение. Как-то раз я выпустил из паутины какого-то крупного паука зарничку, которая наверняка умерла бы голодной смертью, хотя хозяин ловчей снасти, казалось, вовсе не думал нападать на добычу.

Нередко птенцы и яйца птиц-дуплогнездников гибнут из-за того, что в их гнездах поселяются насекомые. Однажды ко мне прибежал взволнованный юннат, которому было поручено проверить синичник с гнездом московки и сообщил, что в домике кто-то шипит, наверное, змея. Мы со всеми предосторожностями спустили синичник на землю и открыли крышку, действительно слышался напоминающий шипение звук. Клок шерсти, прикрывающий лоток гнезда, зашевелился и из-под него появился... шмель. Сердито загудев, он поднялся в воздух, дал круг и исчез. Насиженная кладка синиц оказалась брошенной, а в толще гнезда мы обнаружили миниатюрные бурые бочонки. В некоторых оказались личинки шмеля, в других — мед.

Несколько раз я наблюдал, как синицы были вынуждены бросать гнезда в естественных дуплах из-за поселившихся в них небольших черных муравьев. Они не трогали насиживающих птиц, но заваливали кладки опилками, которые непрерывным дождем сыпались со свода

дупла. Иногда птицы мужественно сопротивлялись, но исход всегда был один — муравьи оставались единственными обитателями дупла. Причем уступать вынуждены были даже такие довольно крупные птицы, как совки-сплюшки.

Да, жизнь птиц далеко не так беззаботна, как это может показаться на первый взгляд.

Неравный поединок

Когда я вышел из нашего домика, в небе гасли последние звезды. Дорога к озеру вилась вдоль заваленного валунами склона. Под ногами хрустел хрупкий ледок, сковавший мелкие лужицы, оставшиеся после вчерашнего дождя. В то необычайно холодное лето даже в июне случались ночные заморозки.

За время, что я затратил на путь к озеру, почти рассвело. Все чаще слышались голоса пробуждающихся птиц, с высоты скалистых гребней доносились протяжные крики уларов, горное утро вступало в свои права.

Дорога у берега заканчивалась, и дальше вела тропинка, то сбегаящая к самой воде, то карабкающаяся вверх по сыпучему склону. Над озером тонкой пеленой дымился туман, лишь кое-где серыми окнами неприветливо проглядывала холодная вода.

Ну вот и скальный выступ, в одной из трещин которого устроили свое гнездо горные трясогузки. В нем подрастали четыре птенца. Вот за ними-то, а также за их родителями, мне предстояло понаблюдать. К счастью, взрослых птиц рядом не оказалось, поэтому, не возбуждая их подозрений, я мог укрыться под густыми ветвями ели, росшей метрах в пятнадцати выше по склону. Ее пушистые лапы опускались до самой земли, образуя отличное убежище, как нельзя лучше подходящее для моих целей.

Утром, когда птенцы особенно голодны, родители обычно носят корм очень часто, поэтому я надеялся вскоре их увидеть, и не ошибся в своих расчетах — едва я устроился на своем наблюдательном пункте, как вдали, из-за изгиба береговой линии озера, слышался голос приближающейся птицы. Первой прилетела самка. Она присела на камень, торчащий из воды, оглянулась, перепорхнула на берег и направилась к гнезду. Несколько раз меняя направление, с частыми остановками, она ухитрилась затратить на десяток метров три минуты. Похвальная осторожность, благодаря которой птицам удается избегать посягательств на птенцов многочисленных хищников. Но на этот раз и она не помогла. Когда до гнезда остался какой-то метр, трясогузка вдруг стремительно взлетела, выронив корм, и с тревожными криками принялась кружить над скалой. Я недоумевал, что бы это могло так взволновать птицу? Все кругом было спокойно, ни четвероногих, ни пернатых хищников видно не было.

Крики горной трясогузки между тем становились все громче и отчаянней. Она несколько раз застывала, трепеща крыльями, в воздухе над каким-то не видимым мне врагом, затем снова взмывала вверх. Наконец на крики самки прилетел и самец. Он первым делом опустился на тот же камень, что и его подруга, когда принесла корм, аккуратно положил на него принесенную добычу — внушительный комок каких-то козявок — и полетел к гнезду.

В этот момент я наконец обнаружил виновника переполоха: среди камней, уже совсем рядом с гнездом, мелькнула шустрая фигурка горноста. Вид хищника произвел на самца такое впечатление, что тот в сильнейшем возбуждении вдруг разразился громкой звучной песней, какую редко услышишь у этих птиц. Ну а исполнив ее, он сразу приступил к решительным действиям. В одно мгновение превратившись из здоровой, красивой

птицы в жалкого подранка, он свалился на землю перед мордочкой горностая и, припадая на одну лапку и волоча крыло, неловко заковылял прочь. Роль было сыграна с таким блеском, что я не сомневался в успехе затеянного трясогузкой спектакля. Но многоопытный хищник, который, наверное, ежедневно сталкивался с подобными сценами, и не подумал менять курса. Он уверенно двигался к гнезду, казалось, твердо зная, где оно спрятано. И тогда самец горной трясогузки вновь преобразился. Вмиг исцелившись, он бросился в отчаянную атаку. Он нанес зверьку грудью и крыльями такой сильный удар, что я отчетливо расслышал шлепок. Спустя секунду он повторил его. На этот раз опешил и горностай. Спасаясь от очередного броска, он метнулся к трещине в скале и скрылся в ней. Птица села на камень рядом и, едва хищник показывал свой нос, повторяла атаку.

Мне вспомнился другой самец горной трясогузки, который, защищая свое гнездо, проявил не меньшее мужество. Причем спасал он своих чад от гораздо более крупного и, по-видимому, соответственно, и более страшного врага, чем горностай. Этим страшилищем был я сам. У меня на глазах самец довольно беспечно сменил на гнезде самку, выдав, таким образом, его местоположение. Чтобы получше рассмотреть гнездо и, самое главное, узнать, что в нем, я направился к нему, ожидая, что взрослая птица при моем приближении покинет его. Но этого не произошло. Трясогузка не покинула гнезда даже когда я дотронулся до нее пальцем. А при попытке спихнуть ее в сторону, она перешла в атаку. Птица соскочила с гнезда, на руку посыпались удары клювом, грудью, крыльями. Ну а мне хватило одного взгляда, чтобы рассмотреть, что в аккуратном лотке копошились только что вылупившиеся, еще мокрые, три птенца, к которым вот-вот должны были присоединиться еще два, до поры укрытые тонкой скорлупой уже надклюнутых яиц. Я быстро отошел в сторону, а самец горной трясогузки вернулся на гнездо.

Тем временем горноста́й, оправившийся от первой растерянности, вновь устремился к гнезду. Чтобы избежать атак смелой трясогузки, он теперь двигался под прикрытием камней, скрываясь в нишах и трещинах. И если поначалу казалось, что самец сумеет защитить своих птенцов, то теперь стало ясно, что если я немедленно не вмешаюсь, они обречены.

Двух-трех бросков камнями оказалось достаточно для изгнания горноста́я. Он исчез так же внезапно, как и появился, словно сквозь землю провалился. Однако на трясогузок мое появление произвело тоже неприятное впечатление. Самка, которая с тех пор, как появился глава семейства, безучастно сидела на камне и спокойно наблюдала за неравным поединком, словно очнувшись от забытья, взвилась в воздух и принялась с криками кружить надо мной. К ней сразу присоединился самец. Теперь нечего было и думать о продолжении наблюдений: птицы, взвинченные до предела, вряд ли скоро начнут нормально кормить птенцов, да и мне придется искать другое укрытие. Я решил окольцевать птенцов, которые по расчетам вот-вот должны были покинуть гнездо и оставить в покое бедных трясогузок.

У гнезда меня ожидало неприятное зрелище. В лотке лежали три птенца, два из которых были мертвы, а свежие следы зубов на них не оставляли сомнений в том, кто был их убийцей. Значит до моего прихода горноста́й уже успел побывать в гнезде. Вот почему он так уверенно к нему направлялся! В свой первый визит хищник задавил: птенцов (оставив по непонятной причине одного из них в живых) и утащил одного. По-видимому, припрятав его в укромном месте, он вернулся за следующим. Молодые трясогузки были уже полностью оперены, и для меня загадка, почему при появлении зверька они остались в гнезде.

Окольцевав оставшегося в живых птенца, я, на случай если горноста́й вздумает вернуться, отнес птицу

подальше от гнезда и выпустил на берег озера. Оказавшись на свободе, птенец, довольно уверенно перепархивая, пустился от меня наутек, а родители, следовавшие в воздухе за нами, тут же подлетели к нему.

Теперь, оставив поредевшую трясогузочью семейку, можно было возвращаться назад. Там, где тропинка круто взбегает по берегу и переходит в дорогу, я оглянулся. Первым я отыскал в бинокль яркого самца. Он как раз подлетал к камню, на который присаживался при появлении. Оказывается, все переживания, выпавшие на его долю, не смогли заставить его позабыть о добыче, которую он здесь оставил. Схватив комочек насекомых в клюв, он макнул его в воду и полетел к птенцу. Ну а у того, судя по той жадности, с которой он проглотил угощение, психика оказалась не менее устойчивой, чем у мужественного родителя.

Содержание

Предисловие	3
Выбор сделан	5
Квартирный вопрос	9
Балобаны	13
Верность гнезду	23
На солонце	30
Весенняя трагедия	38
Лесной стадион	42
Красношапочные вьюрки	45
Хищные дятлы	52
Дербники	57
Когда благоденствуют клесты	65
Перепелятники	69
Симпатичные разбойники	83
Улары	87
Пищухи	94
Радость новых встреч	100
Два гнезда	104
С днем рождения, козленок	110
Ущелье чеглоков	114
Кукушонок	118
Воронья солидарность	122
Белки	125
В высокогорье	130
Дерябы	138
Московки	142
Неунывающий народец	150
Арчовые дубоносы	154
Назойливая сорока	159
Маленькие враги	163
Неравный поединок	168

РАЛЬФ ГЕЙНТЦЕВИЧ ПФЕФФЕР

Наши друзья животные

Рисунки — автора

Зав. редакцией А. Т. Макашев

Редактор Л. С. Колоколова

Художественный редактор Б. Жапаров

Художник Б. Мухамедиев

Технический редактор Ф. К. Шабанова

Корректор Г. М. Алдонгарова

ИБ 2426

Сдано в набор 28.02.83. Подписано к печати 31.01.84. УГ 16052. Формат 70×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Объем в усл. п. л. 7,7. Уч.-изд. л. 7,36+4-х цв. 0,49=7,9. Усл. кр.-отт. 31,32. Тираж 30 000 экз. Заказ 313. Цена 60 коп.

Издательство «Кайнар» Госкомитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии, и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Фотонабор

Перелистывая страницы книги, читатель увидит закованные в лед суровые вершины и цветущие лесные полянки, синюю гладь озер и белую пену горных потоков, его оглушит рев селя и снежных лавин и поразит тишина высокогорья, но главное, он встретится с живыми существами, для которых эти горы — дом. Встретится и удивится, как прекрасен и многолик их мир, восхитится непобедимой жизнестойкостью зверей и птиц, будь то могучий беркут или крошечный крапивник, красавец архар или неприметная кутора.

60 к.

